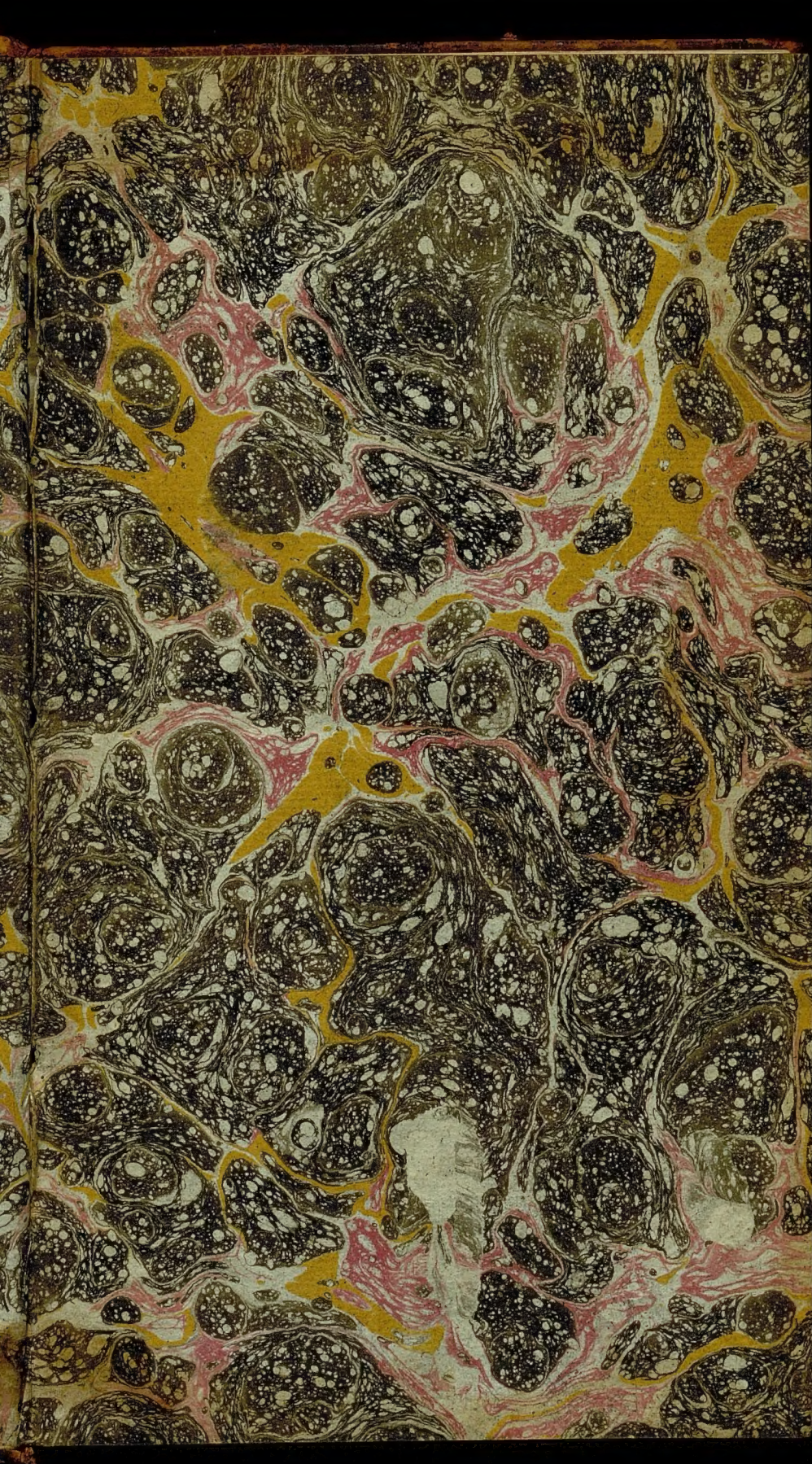
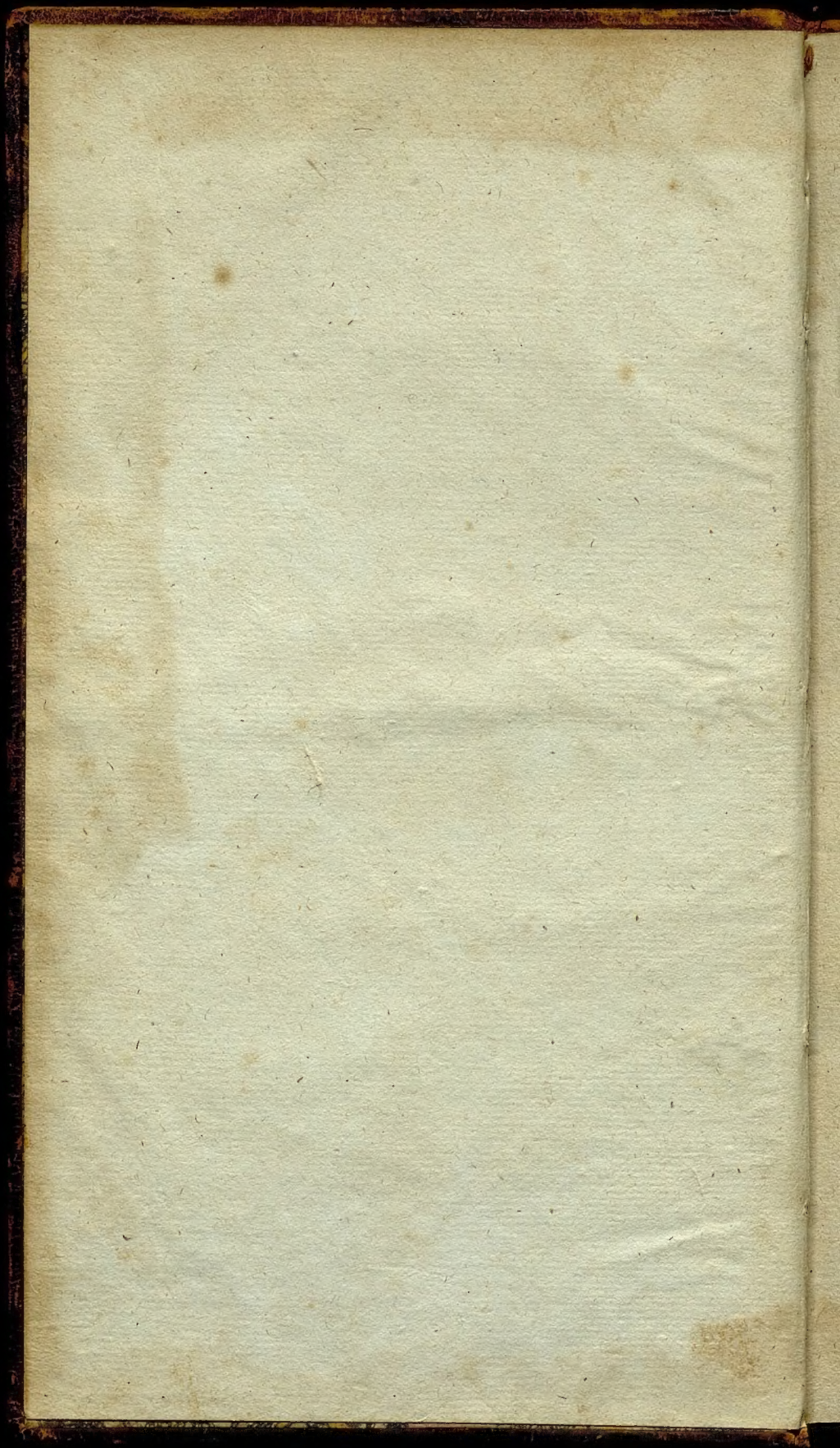
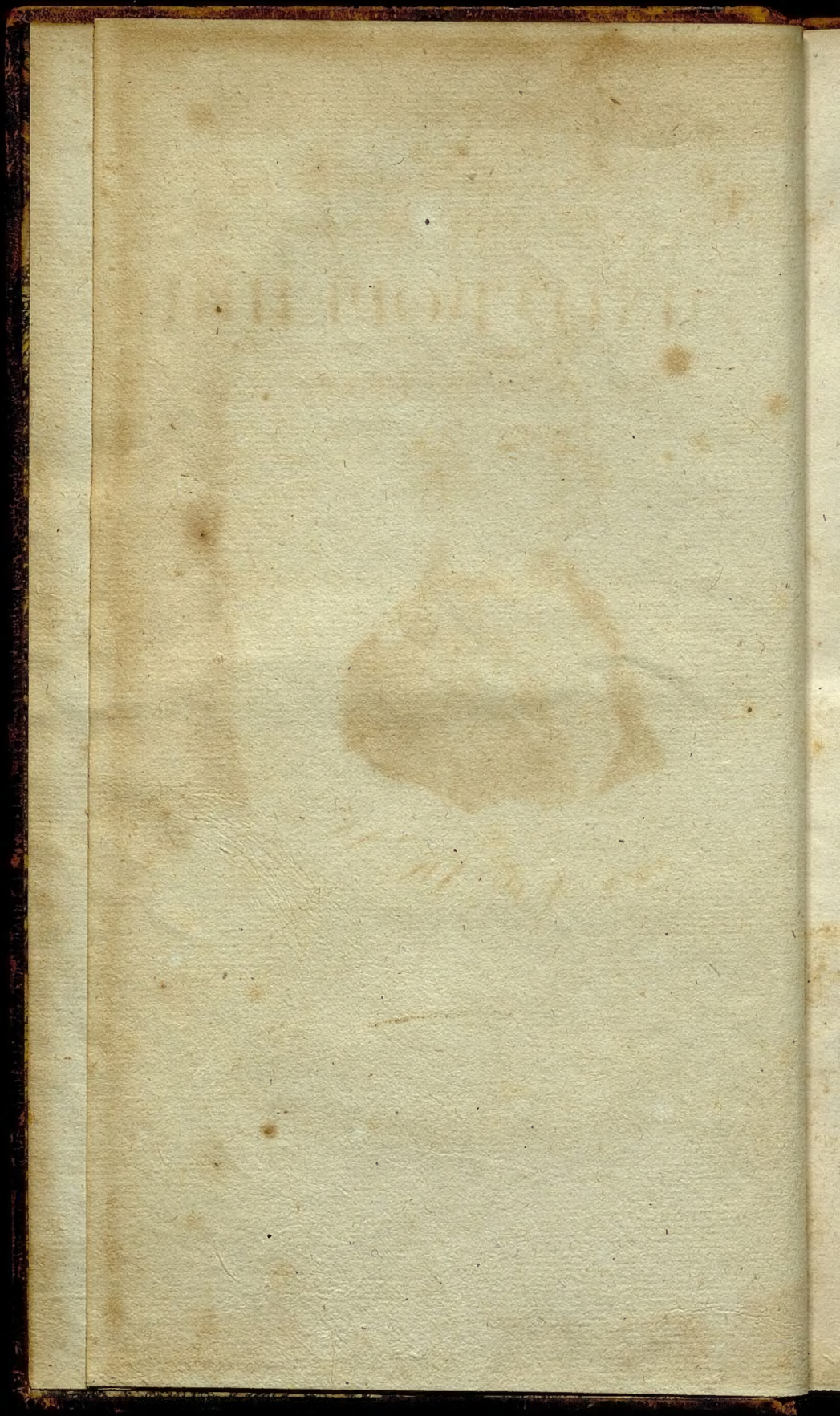

И. М. Карамзинъ.

СОБРАНИЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Грав. А. Фролова.

THE PROTOZOO

BY J. B. B. B.

СОБРАНИЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ
РОССІЙСКИХЪ И ИЗЪ МНОГИХЪ РУСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ,

ИЗДАННОЕ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Si l'on n'est pas sensible on n'est jamais sublime.
Mais sur-tout le mortel que Calliope anime,
Doit porter sur son front, doit nourrir dans son coeur
De tous les sentiments la féconde chaleur,
Doit avoir d'autres sens que la foule grossière
Le monde est à ses yeux une immense carrière,
Un théâtre de gloire élevé pour son art,
Et que doit du génie embellir le regard.
En voyant la nature, il ne peut se contraindre,
Il sent à son aspect qu'il est né pour la peindre.

LA HARPE.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1841.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Не имѣя чувствительности, не можно быть высокимъ.
Тотъ особливо, кого оживляютъ Музы, долженъ хранишь въ душѣ своей плодотворное пламя ея, долженъ своими чувствами отличаться отъ прочихъ смертныхъ. Миръ есть обширное поприще для него, отпертое, театръ славы, украшаемый взорами Генія. Поэтъ, при видѣ Природы, не можетъ себя удерживать. Тайный голосъ ему говоритъ: ты созданъ былъ ея живописцемъ.

Л. А. ГАРПЪ.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для
Округа Императорскаго Московскаго Университета.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч Е Т В Е Р Т О Й Ч А С Т И.

ПОСЛАНИЯ, САТИРЫ, ЭЛЕГИИ, ИДИЛЛИИ, ДИДАКТИЧЕСКІЯ и ОПИСАТЕЛЬНЫЯ СТИХО- ТВОРЕНІЯ.

Стран.

I. О пользѣ стекла. - - - -	3
II. Посланіе отъ Риѣмоскрыпова дяди. - - - -	20
III. Пѣишъ и его другъ. - - - -	27
IV. Посланіе къ А. А. Плещееву. - - - -	32
V. Чужой полявъ. - - - -	38
VI. Къ П. И. Г. Кушзуову. - - - -	45
VII. Сашира. - - - -	47
VIII. Ты и Вы. - - - -	51
IX. Посланіе къ Шишнову. - - - -	54
X. Людмила. - - - -	57
XI. Рыбаки. - - - -	58
XII. Къ Н. М. Карамзину. - - - -	62
XIII. Филаретъ и Евгеній. - - - -	65
XIV. Къ Темирѣ. - - - -	81
XV. Посланіе къ И. П. Тургеневу. - - - -	84
XVI. Любитель нынѣшняго свѣта. - - - -	87
XVII. Посланіе къ двумъ дѣвицамъ. - - - -	92
XVIII. Къ И. И. Дмиріеву. - - - -	94
XIX. Къ Лаурѣ. - - - -	96
XX. Уединеніе. - - - -	99

IV О г л а в л е н і е.

	Стран.
XXI. Прощей, или несогласіе стихотворца.	103
XXII. Емилія къ своей подругѣ.	117
XXIII. Меналкѣ и Даметѣ, Эклога.	121
XXIV. Вечерѣ.	127
XXV. Циклопѣ.	133
XXVI. Посланіе къ Ж.	139
XXVII. Къ бѣдному Поэту.	142
XXVIII. Къ больной, Элизѣ.	146
XXIX. Къ * * *	149
XXX. Посланіе къ А. Н. В.	151
XXXI. Элегія на смерть Пельскаго.	155
XXXII. Договорѣ.	158
XXXIII. Элегія.	166
XXXIV. Посланіе къ В. А. Ж.	170
XXXV. О истинномъ благородствѣ.	174
XXXVI. Къ Алинѣ.	180
XXXVII. Типирѣ и Мелибей.	181
XXXVIII. Посланіе къ брату моему.	187
XXXIX. Къ сосѣду.	193
XL. О независимости ученаго мужа.	197
XLI. Перуанецѣ къ Испанцу.	204
XLII. Къ Θεонѣ.	208
XLIII. О истинномъ щастіи.	212
XLIV. Къ Лилетѣ.	219
XLV. Сатира на нравы.	222
XLVI. Къ Эмилии.	232
XLVII. Тибуллова элегія.	236
XLVIII. Посланіе къ Графу Румянцову.	240
XLIX. Посланіе къ слугамъ моимъ.	277
L. Къ невѣрной.	282
LI. Къ друзьямъ моимъ.	287

ПОСЛАНИЯ, САТИРЫ, ЭЛЕГИИ,
ИДИЛЛИИ, ДИДАКТИЧЕСКІЯ И
ОПИСАТЕЛЬНЫЯ СТИХО-
ТВОРЕНИЯ.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire,
Arma la verité du vers de la Satire.

La plaintive Elegie, en longs habits de deuil
Sait, les cheveux epars, gemir sur un cercueil.
Elle peint des amants la joie et la tristesse;
Flatte, menace, irrite, apaise une maitresse.

Telle qu'une bergere, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis n'orne point sa tête,
Et sans mêler à l'or l'eclat des diamants,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornements;
Telle, aimable en son air, mais humble dans son style,
Doit eclater sans pompe une elegante idylle.
Son tour simple et naif n'a rien de fastueux.
Et n'aime point l'orgueil d'un vers presomptueux.
Il faut que sa douceur flatte chatouille, eveille,
Et jamais de grands mots n'épouvante l'oreille

BOILEAU.

Par un effort nouveau l'auguste Poesie
S'eleva de nos jours vers la Philosophie.
Osez du moins la suivre en son auguste essor;
Parvenu dans sa sphere, osez l'etendre encor;
Qu'un sublime talent soit un talent utile,
Pensez comme Platon, chantez comme Virgile.

L A H A R P E.

Oui, les riches aspects et des champs et de l'onde
D'interessans tableaux sont la source feconde!

Heureux qui, contemplant celté scene imposante,
Jouit de ses beautés! plus heureux qui les chante!
Pour lui tout s'embellit; il rassemble a son choix
Les agrements epars et des champs et des bois,
Et dans ses vers brillants, rivaux de la nature,
Ainsi que des objets, jouit de leur peinture.

D E L I L L E.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Желаніе открыться, а не злодворишь, вооружило истину
стихомъ сатиры

Унылая элегія, облеченная въ одежду печали, разпустивши
небрежно власы свои, спонетъ надъ гробомъ; она изобра-
жаетъ и радости и сраданія любовниковъ; ласкаетъ,
раздражаетъ, успокоиваетъ любовницу.

Подобная пастушкѣ которая въ праздничный день укра-
шаетъ голову свою не богатыми рубинами, не драгоцен-
ными алмазами и златомъ, но сорванными на ближнемъ
полѣ цвѣточками, Идиллія, пріятная и скромная въ сло-
гѣ, не удивляетъ насъ пышностію, ей неприличною. Въ
простыхъ и непринужденныхъ ея оборотахъ нѣтъ ни-
чего блестящаго; гордость высокопарныхъ стиховъ ей
противна. Она веселитъ, привлекаетъ своею пріятностію
и никогда не пугаетъ громозвучными словами, слуха.

Буало.

Въ наше время Поэзія возвысилась до философіи. Дерзай-
те за нею въ слѣдъ; разширьте ея владычество; да будетъ
дарованіе высокое и дарованіемъ полезнымъ. Мыслимъ съ
Платономъ; пойдемъ съ Виргиліемъ.

да Гартъ.

Поля и воды представляютъ намъ зрѣлища восхититель-
ныя. . . . Блаженъ, кто можетъ наслаждаться красо-
ми этой величественной сцены! Стократъ блаженъ,
кто можетъ ихъ воспѣвать! Все для него украшается;
онъ соединяетъ по выбору всѣ разбѣянные прѣлести и по-
лей и лѣсовъ; и въ пѣсняхъ своихъ, соперникъ природы,
наслаждаясь ея изображеніемъ, наслаждается въ то же
время и самою природою.

Делиль.

ПОСЛАНИЯ, САТИРЫ, ЭЛЕГИИ, ИДИЛЛИИ,
ДИДАКТИЧЕСКІЯ И ОПИСАТЕЛЬНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА.

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чшутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ
краса.

Не рѣдко и для той съ Парнаскихъ горъ
спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь;
Пою предъ тобой въ возпоргѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ и оное хвали воспоминаю,
Не ломкость лживаго и щасстья представляю.
Не должно тѣмъности примѣромъ твое быть,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено, огонь его родитель.

Съ напурой нѣкогда онъ произвѣсть хотя
Достойное себя и оныя дѣла
Во мрачной глубинѣ, подъ пятою земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,

Всѣ силы собралъ вдругъ, и хлѣби зашворилъ,
 Въ котлоры Океанъ на брань къ нему входилъ.
 Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
 И пятошу земли превыше облакъ вскинулъ.
 Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь;
 И въ ночь ужасную перемѣнился день.
 Не баснословнаго здѣсь ради Геркулеса
 Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
 Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
 Которая дала пушъ чуднымъ симъ родамъ.
 Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
 И свѣтъ опчался мнилъ, что зрѣтъ свою
 судьбину!

Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
 Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
 Прогнали долгу ночь и жаръ свой потасили,
 И солнцу ясному рожденіе открыли;
 Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь про-
 изшло?

Любезное дитя, прекрасное стекло.
 Увидѣвъ смершныя, о какъ ему дивились!
 Подобное тому сыскать искусствомъ щились.
 И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
 Превысило своимъ раченіемъ естество.
 Тѣмъ стало житіе на свѣтѣ намъ щасливо;
 Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
 И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ
 сердецъ:

Кого лзя видѣть сквозь, тотъ подлинно не
 льстецъ.

Стекло въ напѣнкахъ намъ не можетъ скрыть
 примѣсу;

И чиста совѣсть рветъ припворсавъ гнилу
 завѣсу.

Но сколько ли уже, стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино, и медъ самъ слаще
сталъ?

Никакъ! сѣ твоихъ достоинствъ лишь на-
чало,
Которы мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостями нашъ крошкѣй въ мѣрѣ
вѣкъ;

Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человѣкъ!
Онъ ищетъ помощи, хотя спасись отъ муки,
И жизнь свою продлишь, врачамъ дается въ
руки.

Не рѣдко намъ они оспраду могутъ дать,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписатьъ,
Лѣкарства, что въ стеклѣ храняшъ и со-
ставляющъ;

Въ стеклѣ одномъ отъ безвредны пребывающъ.
Мы должны здравію и жизни часть стеклу:
Какую надлежитъ ему принести хвалу?

Хоть вмѣсто онаго замысловаши Хины
Сосуды составляшъ нашли изъ чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ обративъ въ фар-
форъ,

Красой его къ себѣ народы привлекающъ,
Что, плавая, морей свирѣность презирающъ.
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ пѣлъ отъ скважинъ от-
вращаетъ;

Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ;
Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ;
Но шое, что на немъ увеселяетъ взоръ,

Сады, гульбы, пиры и все, что есть пре-
красно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Аппеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы отъ стекла пріобрѣло велики,
Доказываютъ то Финифти, Мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ геройскихъ бодрость
лицъ,

Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
И вѣшней древности грезенья не боясь,

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Сшибаетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не перпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человекъ себя въ толстыхъ стѣнахъ.
Онъ былъ бы принужденъ безъ сѣту въ нихъ
сидѣть,

Или съ дрожаніемъ неслосной хладъ перпѣть;
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впу-
скаетъ,

И лютость холода чрезъ то же опвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому бытъ
Не по ли мы зовемъ, что чудеса творить?
Пошомъ какъ человекъ зимой спалъ безопасенъ;
Еще припомъ желалъ, чтобъ цѣлъ всегда
прекрасенъ

И въ сѣверныхъ странахъ въ сѣту зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы;
Зимою за стекломъ цвѣты хранятся живы;
Даютъ пріятной духъ, увеселяютъ взоръ,

И вамъ, красавицы, хранящъ себя въ уборъ.
Позволь, Любитель Музъ, я рѣчь свою скло-

нию,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обра-
щаю.

И Музы съ оными единого сродства;
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.

Щасливой младостию твоей цвѣтущи годы
И склонной похвала и ласковой Природы
Мой стихъ отъ оныхъ къ симъ пренести не
возбраняю.

Прекрасной полъ! о коль любезенъ вамъ на-
рядъ!

Дабы прельстивъ лицемъ любовныхъ суетворъ,
Какое множество вы знаете манеровъ!

И, коль искусны вы уборъ перемѣняшь,
Чтобъ въ каждой день себѣ пріятность нову
дать!

Но былобъ ваше все старанье безъ успѣху,

Наряды ваши бы достойны были смѣху,

Когдабъ вы въ зеркалъ не видѣли себя.

Вы вдвое пригожи, стекло упоиребл.

Когда блестящъ на васъ горяще алмазы,

Двойной кипишь въ насъ жаръ сугубыхъ за-
разы!

Но больше красоты и больше въ нихъ цвѣты,

Когда кругъ нихъ спекломъ цвѣтки наведены:

Вы кажетесь намъ въ нихъ пріятною весною,

Въ цвѣтахъ париженой усыпанныхъ росю.

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.

Но въ чемъ красуешься, о сельски Нимфы, вы?

Природа въ васъ любовь подобную вложила,

Желанья нѣжны, въ васъ подобна движенію
сила ;

Вы также украшать желаете себя.

За тѣмъ прохладныя поля свои любя ,

Вы рвете розы въ нихъ , вы рвете въ нихъ
лилей ,

Кладете ихъ на грудь , и вяжете кругъ шеи.

Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна :

Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена ,

Когда , лишась цвѣтовъ , поля у васъ блѣд-
нѣютъ ,

Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ ,

Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло ,

Когда бы бисеру вамъ не дало стекло ?

Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привле-
каетъ ,

Какъ блестящій алмазъ богатыхъ увлечетъ ;

Или еще на васъ въ немъ больше красота ,

Когда любезная въ васъ свѣтитъ прохлада .

Такъ въ бисерѣ стекло , подобясь жемчугу ,

Любимо по всему земному ходитъ кругу .

Имъ красится народъ въ полуночныхъ сле-
дахъ ,

Имъ красится Арабъ на южныхъ берегахъ .

Въ Америкѣ живутъ , мы чаемъ , проспаки ,

Что тамъ драгой металлъ изъ сребреной рѣки

Даютъ Европскому купечеству охотно ,

И бисеру берутъ количествомъ песочною ;

Но тѣмъ , я думаю , они разумнѣе насъ ,

Что гонятъ отъ своихъ бѣдамъ причину глазъ ;

Имъ оны времена не будущъ въ вѣкъ заб-
венны ,

Имъ пали ихъ опцы для злапа побѣдны .

О коль ужасно зло! На то ли челоуѣкъ
 Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
 На то ли, разрушивъ естественны предѣлы,
 На, ушлоу деревъ обшелъ кругомъ свѣтъ
 цѣлый?

За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
 Чтобъ тамъ себя явишь свирѣпаго врага?
 По тягостномъ шрудѣ, снесенномъ на пучинѣ,
 Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
 Едва на твердый путь отъ бурь избытъ
 успѣлъ,

Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
 Уже горящъ царей тамъ древнѣя жилища;
 Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вра-
 тамъ пища!

И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
 Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ тру-
 намъ въ ровъ!

Съ перстнями руки прочь и головы съ убран-
 ствомъ

Сѣкутъ песьиые и злѣпомъ и ширанивомъ.
 Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонящъ горъ
 Драгой мешалъ изрытъ изъ преглубокихъ
 норъ.

Смятеніе и страхъ, оковы, гладъ и рапы,
 Что наложили имъ въ работѣ ихъ ширанны,
 Препятствовали имъ подземну хлѣбъ крѣпиль,
 Чтобъ тягоша надъ ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
 Безчасныя, или по истинѣ блаженны,
 Что вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
 Работы тяжкія, ругательства и мукъ! — —
 Ославивъ Расхилланъ невинность такъ по-
 пранну,

Съ богатствомъ въ общество спѣшивъ, по
 океану,
 Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купить.
 Но златомъ волнъ морскихъ не можно упоить.
 Подобный ихъ сердцамъ Борей, поднявъ пучину,
 Навелъ ихъ живому и варварству кончину;
 Погразилъ въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,
 На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
 То бури, то враги столь часто ихъ перзали,
 Что рѣдко до береговъ желанныхъ достигали.
 О коль великой вредъ! отъ зла раждалось зло!
 Виною толпкихъ бѣдъ бывало ли стекло?
 Никакъ! оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
 Полезно молодымъ и спарымъ помогаетъ.

По долговременномъ теченіи нашихъ дней
 Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей;
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажетъ въ тонкостяхъ напура и искус-
 ство.

Велика сердцу скорбь лишиться чтенія книгъ;
 Скутнѣ вѣчной тьмы, тяжелѣ веригъ!
 Тогда прошивенъ день, веселіе досада!
 Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдѣ спаси
 отъ прада.

Оно способствіемъ искусныхъ руки
 Подаетъ намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
 Не даръ ли мы въ стекло божественный имѣемъ?
 Что честь достойную воздасть ему косивемъ?

Взирая въ древности народы изумленны,
 Что грѣшитъ, почитъ, льститъ и свѣтитъ огнь
 возжеиный,
 Иные божеску ему давали честь;

Иные, зная хощя, кто съ неба могъ при-
нести,

Представили въ своемъ мечтанъ Прометей,
Что, многи на земли художества умѣя,

Различныя казалъ искусствомъ чудеса:

За то Минервою былъ взятъ на небеса,
Похитилъ съ солнца огнь и смершнымъ от-
далъ въ руки.

Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны
звуки;

Продерзскаго къ горѣ великой приковалъ,

И сильному орлу на разшерзанье далъ.

Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,

На комъ снова плоть на муку вырастаетъ.

Тамъ слышенъ спрашныи стонъ, тамъ тяж-
ка цѣпь звучитъ,

И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шу-
митъ.

О коль несносна жизнь! позорище ужасно!

Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ
ясно.

Пѣишы, украшать хощя свои списхи,

Описывали казнъ за мнимые грѣхи.

Мы пламень солнечный спекломъ здѣсь полу-
чаемъ,

И Прометею тѣмъ безбѣдно подражаемъ.

Ругаясь подлосии нескладныхъ оныхъ врагъ,

Небеснымъ безъ грѣха огнемъ курымъ табакъ;

И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,

Не сверглась въ пагубу наука Прометей?

Не злиась ли на него невѣждъ свирѣпыхъ
полю,

На знашны вымыслы сложилъ неправой толкъ?

Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сивозъ теле-
 скопы,
 Что нынѣ воскресилъ трудъ щасливой Ев-
 ропы?
 Не огонь ли онъ спекломъ умѣлъ сводить съ
 небесъ,
 И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,
 Что предали на казнь обнесши чародемъ?
 Коль много шаковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
 Что зависть, скрывъ себя подъ святоши по-
 кровъ,
 И груба ревность съ ней на правду спроя-
 ковъ,
 Отъ самой древности воюють многократно,
 Чѣмъ много знанія погибло невозвратно;
 Коль точно зналибъ мы небесныя сферы,
 Движеніе планетъ, печеніе луны,
 Когда бы Ариспархъ зависливымъ Клеан-
 томъ
 Не названъ былъ въ судъ несповымъ Гиган-
 томъ,
 Дерзнувшимъ землю всю отъ шверди по-
 трясти,
 Кругъ центра своего, кругъ солнца обнесши;
 Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашніе боги
 Терпятъ великой трудъ всегдашнія дороги;
 Вершился виругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ,
 И спрадуду ту же казнь, какъ дерзкой Ик-
 сѣонъ;
 И неподвижная земли богиня Весты
 Къ упокоенію сыскашь не можешь мѣста.
 Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенія боговъ

Закрывъ былъ звѣздный міръ чрезъ множе-
ство вѣковъ.

Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемъры,
Дабы она, открывъ величество небесъ
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непоспѣжна сила
Единого Творца весь міръ сей сотворила;
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сомнище
боговъ,

Не стоятъ пучныхъ жертвъ, ниже подъ
жертву дровъ!

Что агнцовъ и воловъ жрецы вѣявъ напрасно:
Сѣ одно, сѣ казалось быть опасно.

Ошолъ землю всѣ считали посреда.

Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ
трудъ,

Запушанъ циклами, пока возсталъ Копер-
никъ,

Презритель зависти и варварству соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце поло-
жилъ,

Сугубое земли движеніе открылъ:

Однимъ кругъ центра пулъ всеневный со-
вершаешь,

Другимъ кругъ солнца годъ печенемъ соспа-
вляешь.

Онъ циклы истинной системою разперзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ.

Попомъ Гугеніи, Кеплеры и Невтоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ за-
коны,

Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ помъ нѣтъ.

Клеаніповъ не боясь, мы нищемъ всѣ согласно,
 Что истиннѣ они прошиваясь напрасно.
 Въ безмѣрномъ углубя пространствъ разумъ
 свой,
 Изъ мысли ходимъ въ мысль; изъ свѣта въ
 свѣтъ иной.
 Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
 Въ благоговѣннѣ весь духъ свой погружаемъ.
 Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
 Что Богъ усстроилъ намъ въ безмѣрной глу-
 бинѣ.
 Въ ужасной скорости, и купно бытъ въ покоѣ,
 Кто чудо сотворишь кромѣ Его такое?
 Насъ больше таковы идеи веселятъ,
 Какъ Божій нѣкогда описывая градъ
 Вечерній Августинъ душею веселился.
 О коль великимъ онъ возпоргомъ бы пѣнился,
 Когдабъ разуму пварь толь тѣсно не вклю-
 чалъ,
 Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не опи-
 рицалъ,
 Безъ математички вселенной бы не мѣрилъ!
 Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
 Доказываетъ по подземный Каполикъ,
 Кады златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
 Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
 Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,
 И видимъ множество божественныхъ тамъ
 дѣлъ,
 Земель и острововъ, людей, градовъ и селъ,
 Незнаемыхъ предъ тѣмъ и спранныхъ тамъ
 животныхъ,
 Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ
 нечотныхъ.

Возмите сей примѣръ, Клеанты, ясно внявъ,
 Коль много Августинъ въ семъ мнѣнїи не-
 правъ;

Онъ слово Божіе употреблялъ напрасно,
 Въ Системѣ свѣта вы пожь дѣлаете власно.
 Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
 Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.
 Толь много солицевъ въ нихъ пылающихъ
 сіаетъ,

Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь
 являетъ.

Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
 Земля съ ходящею кругъ ней луной печетъ.
 Которую хотя весьма пространну знаемъ,
 Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку пред-
 ставляемъ.

Коль созданныхъ вещей пространно есте-
 ство!

О коль велико ихъ создавшее божество!
 О коль велика къ намъ щедрость его пучина;
 Что на землю послалъ возлюбленного сына!
 Не погнушался онъ на малой шаръ сойти,
 Чтобы погибшаго спраданіемъ спасти.
 Чѣмъ меньше мы его щедрость достойны
 зримся,

Тѣмъ больше благости и милости чудимся!
 Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
 Прогнавъ глубокую невѣденїа тьму!
 Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не-
 ложны,

Поспавлены Творцемъ; другіе невозможны.
 Въ благословенной нашъ и просвѣщенной вѣкъ
 Чего не могъ дойти по онымъ человекъ?

Хоть острѣмъ взорѣмъ насъ Природа одарила,
Но близокъ онаго концѣ имѣетъ сила.

Вромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онѣ требуетъ лучей;
Коль многихъ тварей онѣ еще не достигаетъ,
Которыхъ малой ростѣ предъ нами сокры-
ваетъ!

Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ
открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ живописныхъ соство-
рилъ!

Коль тонки члены ихъ, составы, сердце,
жилы,

И нервы, что хранятъ въ себѣ живописны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій кишъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности не-
бесной!

Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онѣ наполнилъ Понѣ, и воздухъ и
лѣса.

Прибавивъ ростѣ вещей, оно, коль намъ по-
требно,

Являетъ правъ разборъ и знаніе врачебно;
Коль много Микроскопъ намъ тайностей от-
крылъ

Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ
жилъ. —

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ баро-
метры

Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ
вѣтры;

Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,

Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ шомъ обманами не льстится,
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись почто имъ движенія свѣтилъ:

Чрезъ поже откроется въ погодахъ разность силъ;

Коль могутъ щастливы селяне быть опшолъ,
Когда не будешь зной, ни дождь опасенъ въ полъ!

Накой способности ждашь должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ злыхъ до-
стойно!

Далече до конца стекла достойныхъ хвалъ,

На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ уже слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю;

Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не поминуть.

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?

Услышавъ въ темнотѣ внезапной прескъ и шумъ,
И видя быстрой блескъ, мѣшается слабый умъ;

Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣбъ укрыться;
Часть IV. Б

Причины онаго изслѣдовать спрашйтся ;
 Дабы изпояковашь , что молнія и громъ ,
 Такія мысли всѣ счишаешь онѣ грѣхомъ .
 На бичь , онѣ говоришь ; я посмоярѣшь не
 смѣю ,

Когда грозилъ Отецъ намъ яростью своею .
 На какъ Онѣ насъ казнишь , поднявъ въ пучи
 чинъ валъ ,

То грѣхъ ли то сказать , что въпромъ онѣ
 нагналъ ?

Когда въ Египтѣ жаббъ довольный не ро-
 дилоя ,

То грѣхъ ли то сказать , что Нилъ тамъ не
 разлился ?

Подобно надлежитъ о громѣ разсужданы .
 Но блескъ и звукъ его не давъ главы подияшь ;
 Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толпъ-
 комъ ,

Что въ заблужденіи теряли путь великомъ ,
 И истинныхъ причинъ достигнуть не могли ;
 Поколъ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не
 напѣли .

Вершися стеклянный шаръ даетъ удары съ
 блескомъ ,
 Съ громовымъ сходственны сверканіемъ и прѣ-
 скомъ ;

Дивилъ сходству умъ ; но видя малость силъ ,
 До лѣша прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ ,
 Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи ,
 Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и
 ночи ;

И больше въ томъ одномъ раченіи имѣлъ ,
 Чѣмъбъ силою стекла болѣзни одолѣлъ ;
 И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вождѣлныя .

О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ спранамъ
печешъ,

Что отъ громовыхъ спрблъ опасности ужъ
нбшъ,

Что та же сила тучъ греющихъ мракъ на-
водитъ,

Котора отъ стекла движеньемъ изходитъ;

Что зналъ правила; изысканнымъ стекломъ;

Мы можемъ отъ хранимъ нашихъ
громъ.

Единство оныхъ силъ доказано спократно:

Мы лѣша нынѣ ждемъ пріятнаго обратна:

Тогда о истиннѣмъ стекло увѣритъ насъ,

Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?

Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила;

И махины уже пристойны учредила.

Я слѣдуя за ней, съ Парнаскихъ горъ схожу;

На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.

Хотя за тайнами въ искусствѣ и природѣ;

Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.

ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала

Гласитъ премудрости и щедрости дѣла.

Властныя времена! о крошныя законы!

Народу своему прощаетъ миліоны;

И пользу общую Отечества прозя;

Ученію великъ разширится въ моря;

Умноживъ бодрость въ немъ щедрою своею!

А ты, о Меценатъ, предстательствомъ

предъ нею;

Какой наукамъ путь стараешься открытъ;

Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вър-

ной быть;

В а

Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
 Что щашся постигаешь ученія полезны.
 Мой посильные и малые труды
 Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
 Услышанному быть ея крошчайшимъ слу-
 хомъ,
 Есть новымъ въ бытіи живошворився ду-
 хомъ!
 Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще
 младыхъ,
 Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ
 сѣдыхъ.
 Кто склонносць въ щастіи и доброту яв-
 ляетъ,
 Тотъ щастіе себѣ недвижно ушверждаетъ.
 Всякъ чувствуетъ въ себѣ и хвалишь обою,
 И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

Ломоносовъ.

II.

ПОСЛАНИЕ ОТЪ РИМОСКРЫПОВА ДЯДИ.

Хвалишь и всё и всѣхъ, то дѣло безопасно
 И будетъ всё съ тобой и дружно и согласно.
 Всѣ станушь говоришь: вотъ добрый человекъ!
 Умно и смирно онъ проводитъ честный вѣкъ.
 Водой не замушишь. Душа его почтенна,
 Что ей ни дай, ничѣмъ не будетъ огорченна.
 Онъ Ангелъ во плоти; прямой онъ Философъ!

Хоть скучный *Риѣмоскрыль*, возы навьюча
спрофь,

Его шерпѣнїю спо тысячь одь привозишь,
Онъ плодородіе его хвалой навозишь;

И сердцемъ дань плаши препавоспнымъ спи-
хамъ,

Хотя изъ подшипка въ кулакъ зеваешь самъ;
Но восхищается онъ явно каждой спрочкой,

И всѣмъ любуешься и запяшой и почкой.

„Куда, онъ говоришь, какъ эпо всё умно!

„Инымъ покажешь запушано, шемно;

„Но то и хорошо, одни лишь ниски слоги

„Понишны всякому; а кто, равно какъ боги

„Высоко говоря, на крыліяхъ паришь,

„Тотъ долженъ не поняшь и самъ что гово-
ришь.

„То честь ли, коль шворца такъ мало почи-
таюшь,

„Что безъ разбора всѣ его списки чипаюшь?

„Что приспущь всякому, свободный, легкій
къ нимъ;

„Что чернь безчестиишь ихъ понятїемъ сво-
имъ?

„Вспомни о царяхъ, владѣющихъ воспокомъ:

„Недосягаемы ничѣмъ изъ смертныхъ окомъ,

„На неприспущившей престола высотъ,

„Богами кажушся подвластныхъ простомъ.

„Хоть къ щастью ничего для насъ не сози-
даюшь,

„Велики тѣмъ они, что ихъ не понимаютъ.

„Почтенный *Риѣмоскрыль*! равно твои списки,

„Чрезъ мѣру гордые, надушы какъ мѣхи,

„Презрѣвъ и умъ простой, и числой смыслъ
и толки,

„Пребудутъ навсегда въ почитеніи на полки,
 „Съ подобострастіемъ храня ихъ святы покой,
 „Чшецы не осквернятъ ихъ дерзкою рукой.“
 Вошъ цакъ-по ободренъ, въ свои влюбленный
 враки,

Быть думаетъ орломъ, а ползаетъ какъ раки,
 Какой же люпа лестъ даетъ Ципцамъ плодъ?
 Ахъ! даже и на весь съ презрѣнемъ смотрятъ
 родъ

Того, который всѣхъ какъ смерпными грѣхами
 Терзаетъ и щомитъ несносными спихами.

Однако свѣтъ неправъ; и чѣмъ же виненъ я,
 Чпоэпощъ *Риемоскрылъ*, риемачъ родня мой?...
 Помилуй, свѣтъ, меня невинна предъ тобою!
 Я связанъ съ нимъ родствомъ, не связанъ
 головою.

„Но должнобъ, говорятъ, ему подать совѣтъ,
 „Чтобъ не спрямилъ себя на цѣля сцо лѣтъ.
 „Не лучше ли, скажи, честному человеку
 „Поденщикомъ копать каналъ, иль чистить
 рѣку?

„Не лучше ли улицу камнями мостить,
 „Не лучше ли огурцы или морковь садить,
 „Чѣмъ глупой спихъ щоча, какъ деревянну
 цѣдку,
 „Разсудку здравому его казать въ насмѣшку?“

Повѣрьте, говорилъ я то же много разъ;
 И мѣшилъ я ему не въ бровь, а въ самый глазъ,
 Примѣца склонности его души природны,
 Полезныя, хотя не очень благородны:
 А именно, конямъ онъ мастеръ гриву спричь,
 Умѣетъ гордо онъ держать на козлѣхъ бичъ;

Я видя, что онъ по все дѣйствуетъ пріятно,
 Будь кучеръ, я ему швердилъ неоднократно.
 Каретой произвестъ ты легче можешь громъ;
 Съ вожжами будешь ты почтеннѣй, какъ съ
 перомъ.

Умѣя обуздать на свѣтѣ всяку клячу,
 Загладь пвою, загладь съ Пегасомъ неудачу!
 Послушайся меня, племянникъ дорогой:
 Пармасской часто конь въ тебя лягалъ ногой
 И уморилъ тебя онъ можетъ напоследокъ.
 Плачевный сей примѣръ на свѣтѣ вѣдь не
 рѣдокъ,

Ты знаешь самъ, безъ крылъ не лзя никакъ
 летать,

Равно безъ дара намъ никакъ не лзя писатьъ.
 Есть всякому своя отъ неба данна доля;
 Безчестивъ лишь одна несмысленная воля.
 Смѣшонъ, кто не свое примаешь ремесло.
 Чишалъ ли ты когда Дебрео - Буало?

Ты помнишь ли врача достойна слезъ и смѣха?
 Лапинской людобѣ, другъ смерти и ушѣха,
 Наперстникъ дорогой царя подземныхъ царствъ;
 Онъ силою своихъ мерзавицельныхъ лѣкарствъ,
 Не уважая вдовъ, сиротъ оставшихъ спона,
 Толико же какъ моръ былъ вѣрный рабъ Плу-
 тона.

Однако былъ ученъ. Что вѣдалъ Гиппократъ,
 Что вѣдалъ Галіенъ, онъ по швердилъ спо-
 крашъ.

Наука у него какъ гидра въ мысли сбѣла
 И до конца его природный разумъ сбѣла;
 И думать запреща, лишь по велѣла знать,
 Другіе только что умѣли понимать.
 Святое жъ старинъ всегда храня почтенье,

Иное мыслишь онъ считалъ за пресупленье,
 И лучше онъ хотѣлъ по книгѣ уморить,
 Какъ жизнь по естеству больному подарить.
 Онъ впрочемъ былъ рѣчислѣ, способенъ къ
 красну слову,
 Какъ станеть говорить, не лѣзя не бышь
 здорову;
 Какъ станеть онъ лѣчить, не лѣзя не уме-
 реть.
 Изъ всѣхъ его друзей, преставшихъ солнце
 зрѣть,
 Остался другъ одинъ, который не былъ бо-
 лѣнъ;
 Богатый опкущикъ, избыточенъ, доволенъ,
 Охотникъ строиться, хоть вкуса не имѣлъ.
 Онъ друга лѣкаря въ свой новый домъ при-
 велъ.
 Несстройство зданія нашъ врачъ тотчасъ при-
 мѣтилъ,
 И дарованіемъ природнымъ вдругъ осѣнилъ
 Онъ всю тяжелую нелѣпость богача.
 Искусству строиться хозяина уча,
 Въ иномъ онъ мѣстѣ бышь крыльцу повелѣ-
 ваетъ;
 Изъ глупыхъ тамъ сѣней онъ залу созидаетъ;
 Тамъ кудри, какъ парикъ, велитъ сѣстѣны
 онъ сбить,
 И съ кровли здѣсь фроншонъ уродливый спа-
 щить.
 Прекраснымъ дѣлаетъ строеніе постыло;
 И снало самому хозяину то мило.
 Въ Архитекшурѣ врачъ, зря быспрый свой
 успѣхъ,
 За моду ли ея принялся не на смѣхъ.

Простясь съ пилюлями, съ микстурами, съ
ланцетомъ,
Миръ потчасъ заключилъ съ опустошеннымъ
свѣтомъ;
И болѣе земли гробами не шагча,
Строишель добрый спалъ изъ сквернова врача.
Депрео - Боало полезна эта сказка,
Племянникъ, на тебя прямая вѣдь указка.

Какой же мнѣ отвѣтъ? . . . „Не слушаю
я вракъ.

„Депрео пвой глупецъ, и Боало дуракъ;
„А съ сими Греками и дядя повредился;
„Узнай же, что на то я только и родился,
„Дабы вселенную въ стихи переложить.
„Что можешь такъ легко, какъ я, производить?
„Вчера задѣлалъ я лишь только эту драму,
„А вотъ она и вся Пѣишовъ нашихъ въ сраму.
„Хочу ее тебѣ и дядя прочиталъ.“
Потчасъ изъ пазухи онъ вынулъ те-

пера:

О ужасъ! . . . толщиной онъ съ Проптера (*)
казался,

Но спичкой сталъ, когда отъ драмы опростался.
Спрахъ свѣтлый день тогда преобразилъ мнѣ
въ ночь,

Я обмеръ и не могъ уйти оттолъ прочь.
Тиранъ сей, пользуясь моимъ осполбненьемъ,
Чтобъ умертвить меня пепради толстой
чшеньемъ,

Въ кафтану пеплю мнѣ свой перстъ загнулъ
какъ крюкъ,

(*) Славный толстякъ.

И средства тѣмъ лишилъ избѣгнуть лютыхъ
муѣ.

Любуясь своей спишистою громадой,
Котору называлъ поэзіи Палладой,
Безсиленъ удержавъ ее одной рукой,
Онъ дядю бѣднаго преобразилъ въ нагой,
И на мое плечо взвалилъ тяжело бремя:
„Безчеловѣчное пы демонское сѣмя!“
Ему я закричалъ, онъ шогоспи крихти.
Тогда, на шолстый пенъ сложивъ свое дитя,
Который близко насъ мнѣ къ щасію случился,
Чипаніемъ стиховъ душище мени пустился.
Уже ударивъ часъ, меня къ обѣду звалъ,
А варваръ чпеніе лишь только начиналъ.
Ротъ въ пѣнѣ былъ его и очи помушились,
Всѣ чувствія его лишь въ драму углубились.
Примѣща то, чѣобы себя освободить,
Я лучше захотѣлъ кафтанъ мой погубить,
Которымъ онъ ко мнѣ держался прицѣпился.
Онъ грусти полумертвъ, досадуя, сердясь,
Тишкомъ съ себя кафтанъ несчастный
спацилъ;

Онъ радости тогда и стыдъ и все забылъ,
Благодаря мени освободившей долъ,
Я бѣгомъ отъ врага избавился въ камзолъ,
И издали смотря доволенъ, хохоталъ,
Что драму моему кафтану онъ читалъ.

Теперь, на это все разсудка окомъ гляди,
Скажише, виненъ ли въ его безпутствѣ дядя?

Княжнинъ.

III.

НИИТЪ И ЕГО ДВУГЪ.

Д р у з ь я.

Во упражненіи расхаживая здѣсь,
Вперилъ, конечно ты въ трагедію умъ весь;
Въ очахъ, во всемъ лицѣ шеперь швоемъ пре-
мѣна,
И ясно, что въ сей часъ съ тобою Мельпомена.

Π ἰ η πϵ Ξ.

Обманывался, любезный другъ, внимли!
Я такъ далекъ отъ ней, какъ небо отъ земли.

Д р у з ь я,

Докладу.

П и н л ъ.

Пасухи, луга, цвѣты, Зефиры,
Толикожъ далеки — хочу писать сапиры:
Мой разумъ весь труда стремишельно печешъ,

Д р у з ѣ.

Но что отъ жалостныхъ шебъ днесъ драмъ
влечетъ?

П і н л з.

Въ Петрополѣ онѣ всему народу вкусны,
А здѣсь и городу и мнѣ подобно гнусны!
Тамъ сѣдающіе для нихъ внимати и молчать,
А здѣсь орѣхи грызть, шумѣти и кричать,

Благоприсойности не допуская въ моду,
Во своевольствіе преобразя свободу:
За чуждѣ бы, думаяшѣ, и деньги съ насъ сби-
рашѣ,
Коль было бы не лзя срамиться и орашѣ;
Возможноль автору сморѣшѣ на то спокойно!
Для зрителей такихъ прудиться не достойно.

Д р у з ъ.

Не всѣхъ мы зрипелей симъ должны обви-
нить:
Безумцовъ надобно однихъ за то бранить:
Не должно кришкики употребляши строга.

П и н л ъ.

Но зрителей въ Москвѣ такихъ гораздо много:
Крикнувъ, какъ колоколъ, единый оглушивъ,
И автора всего терпѣннѣ лишивъ;
А есмьли закричавъ пять дюжинъ велегласно,
Разумныхъ зрителей вниманіе напрасно!

Д р у г ъ.

Сапиры пишучи, ты можешь досадить,
И сею самъ себѣ досадой повредить —
На что мнѣ льстить тебѣ? и въ дружбѣ не
пашюся.

П и н л. Ъ.

А я невѣжесива и плушней не боюся,
Противъ прямыхъ людей почтеніе храня:
Невѣж: какъ хопяшъ пускай браняшъ меня;
Ихъ мѣсто. никогда въ сапиръ не зависнетъ:
А брань ни у кого на ворошъ не виснетъ.

Д р у г ъ.

Не брань одна вредишь : побольше брани есть ,
 Чѣмъ можно учинишь швоей сапирѣ мечь ;
 Лжецъ вымысломъ тебя въ народѣ обез-
 славиль ,

Судья соперника неправедно оправиль ,
 Озлбися межевщикъ полполя опрядиль ,
 А лавочникъ не дастъ шовару на кредитъ ;
 Со сбѣзжей поберушь людей за мостовую ;
 Кащей тебѣ съ родней испорчишь мировую .

П и и л ъ.

Когда я истинну народу возвѣщу ,
 И нѣсколько людей сапирой просвѣщу ;
 Такъ люди честные , мою зря мѣру службу ,
 Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дру-
 жбу :

Невѣжество меня ничѣмъ не возмутишь ,
 И Росская меня Паллада зацѣпишь ;
 Не малая спашья ея безсмертной славы ,
 Чпобѣ были чищены ея народа нравы .

Д р у г ъ.

Но скажетъ ли Судья , винилъ не право онъ ?
 Онъ будетъ говоришь : винилъ пѣбя законъ .

П и и л ъ.

Пускай винишь меня , и что мнѣ онъ ни ска-
 жетъ ,
 Изъ дѣла выписки онъ развѣ не покажетъ ?

Д р у г ъ .

Изъ дѣла выпиши, во четверти земли;
 Подвѣщай нагрузишь врагъ цѣлы корабли;
 И разумъ въ дѣлѣ помѣ онъ весь переломаетъ;
 Поймешь ли ты, чего онъ самъ не понимаетъ?
 Удобнѣй проплывай, коль пѣсенка не въ тактъ;
 Какъ мыслямъ сообразить подвѣческой эк-
 страктъ.

Экстрактъ тебя одной замучишь долгою;
 И спросишь: выпиской доволенъ ли ты тою;
 Ты будешь опивчаться: я дѣла не пойму;
 Такъ скажешь: дай вину ты слабому уму;
 Которымъ ты съ толпой вралей спихи крѣ-
 паешь;

И дѣловыхъ людей въ безчестіи купаешь.

А я даю совѣтъ: ты по предупреди;
 Или, сапирсвужа, ты по міру ходи.

П і и т ъ .

Гдѣ я ни буду жить, въ Москвѣ, въ лѣсу или
 полѣ;

Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ;
 Безъ обличенія презрительныхъ вещей.

Пускай злодѣйствуетъ безсмертный мнѣ Ка-
 щей;

Пускай Кащейка совсѣмъ меня ограбитъ,
 Мое имѣніе и здравіе ослабитъ;

И крютковорцы всѣ и мыши изъ архивъ
 Спрячась на меня, доколѣ буду живъ;

Пускай плушты попрутъ и правду и законы:

Мнѣ сыщется истина на помощь обороны;

А естли и умру отъ пагубныхъ свѣтей;

Монархія по мнѣ покровъ моихъ дѣтей.

Д р у г ъ.

Бездѣльство на тебя оправу усугубишь:
 Изморщенный Нащей въдѣ зеркала не любитъ;
 Старухъ, мнящейся блистати какъ луна,
 Скажи когда нибудь: изморщилась она,
 И что ея краса выходитъ ужъ изъ моды;
 Скажи слагашлю несстройной самой оды,
 Чтобъ бросилъ онъ ее не напечатавъ въ печь:
 Скорѣ самого себя онъ спанешъ жечь.
 Неправеднымъ судьямъ сказать имѣи опвагу;
 Что рушатъ дерзостно и честность и присягу;
 Скажи опкупику жаднѣйшему: онъ плутъ,
 И дася орденомъ ему ременной жгутъ;
 Скажи каршежнику: онъ обществу оправа!
 Не плущия-де игра, онъ скажетъ, но забава;
 Спроси, за что душа приказная дерешъ:
 Онъ скажетъ, то за трудъ изъ чести онъ
 беретъ.
 Ва что хавжа на всѣхъ проклятіе бросаетъ;
 Онъ скажетъ: души ихъ проклятіемъ спа-
 саетъ.

Противу логики кто спанешъ опвѣчать;
 Такого никогда не лзя изобличать;
 А логики у насъ и имя рѣдкимъ вѣспно:
 Такъ прудно доказать, безчестно что, иль
 честно.

И ѣ и жъ зъ.

Еще пруднѣй того, бездѣльство зря, терпѣшь,
 И видя ясно все, молчаши и кипѣшь.
 Доколъ дряхлостью иль смертью не увяну,
 Противъ пороковъ я писать не переспану.

Сумароковъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Мой другъ! вступаая въ шумный свѣтъ
 Съ любезной, искренней душою,
 Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Ты хочешь съ Музою моею
 Въ свободный часъ поговорить
 О томъ, чего всѣ ищущъ въ свѣтѣ;
 Что вѣчно у людей въ предметѣ;
 О чемъ позволено судить
 Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ,
 Богатымъ въ золотой одеждѣ
 И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ,
 На тронахъ, славой окруженныхъ,
 И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ;
 Что въ каждомъ климатѣ земномъ
 Надежду смертныхъ составляетъ,
 Сердца всечасно обольщаетъ,
 Но, ахъ! . . . незримо ни въ одномъ!

О счастье слово. Удалимся
 Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ ивъ;
 Прохладой чувства освѣживъ,
 Мы шамъ бесѣдой насладимся
 Въ любезной музамъ тишинѣ.

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
 Чтобъ десять тысячъ было мнѣнй,
 Ученыхъ философскихъ пренй,
 Въ архивахъ древности сѣдой

О средствахъ жить щасливо въ свѣтѣ,
 О средствахъ обрѣсти покой?
 Но точно такъ, мой другъ, въ семъ счетѣ
 Ошибки нѣтъ. Фалесъ, Хилонъ,
 Пифагоръ, Эпименидъ, Крипонъ —
 Бисны, Симмѣи, Спильпоны,
 Эскины, Эммѣи, Зеноны,
 Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
 На бочнахъ, темныхъ чердакахъ,
 О благѣ вышнемъ говорили,
 И смертныхъ къ щастію манили
 Своею . . . нищенской клюкой,
 Клянись священной бородой,
 Что плодъ земнаго совершенства
 Въ саду ихъ мудрости растетъ;
 Что въ немъ непламенный цвѣтъ блаженства
 Какъ роза пышная цвѣшетъ.
 Слова казались прекрасны,
 Но только были не согласны.
 Одинъ кричалъ: *стулай туда!*
 Другой: *нѣтъ, нѣтъ, лоди сюда!*
 Чтожъ Греки дѣлали? Смѣялись;
 Ученой распрей забавлялись,
 А щастье . . . называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
 Бываетъ много шуму, спору.
 Не мало новыхъ гордецовъ,
 Которымъ часто безъ разбору
 Даютъ названье мудрецовъ;
 Они намъ также общаются
 Опирыши прямой ко щастью слѣдъ;
 Въ глаза же щастія не знаютъ;
 Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
 Часть IV. В

Живутъ, и горькими слезами
 Судьбѣ тихонько плачутъ сами
 За право умниками слышъ,
 О щасть вѣ книгахъ говорить!

Престанемъ льстить себя мечною,
 Искать блаженства подъ луною!
 Скорбе, другъ мой, ты найдешь
 Чудесный философскій камень,
 Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
 Япешовъ сынъ эфирный пламень
 Похищилъ для людей съ небесъ,
 Но щастья съ нимъ онъ не принесъ;
 Оно въ удѣлѣ намъ не досталось,
 И тамъ съ Юпитеромъ осталось.
 Вдыхай, шужи; но пользы нѣтъ!
 Судьбы рекли: *да будетъ свѣтъ*
Жилищемъ призраковъ, суетъ,
Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!
 Рекли — и суеты спустились
 На землю шумною толпою:
 Герои въ латы нарядились,
 Плѣняя славы красою;
 Мечемъ махнули, полетѣли
 Въ забаву умерщвлять людей;
 Одни престоловъ захоули,
 Другіе самыхъ олшарей;
 Одни шумящими рулями
 Разсѣкли пѣну дальныхъ водъ;
 Другіе мощными руками
 Ошверзли въ землю темный ходъ,
 Чшобъ взять пригоршни свѣшлой пыли!...
 Мечшы всѣмъ головы вскружили,
 А горестъ вѣззалась въ сердца.

Народовъ сильныхъ побѣдитель
 И странъ безчисленныхъ властитель
 Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
 Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
 И часто самъ того не знаетъ,
 На что величїя желалъ,
 И кровью лавры омочалъ!
 Смѣльчакъ, Америку открывшій,
 Пути ко щастію не открылъ;
 Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
 Цѣпями самъ окованъ былъ,
 Провелъ и кончилъ жизнь въ слраданѣ;
 А сей вздыхающій скелетъ,
 Которой богамъ чинитъ снѣжанье,
 Среди богатствъ въ поскѣ живетъ!...
 Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ
 Глазами волны перечтешъ?
 И кто представитъ намъ въ картинѣ
 Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чтожъ дѣлать намъ? Ужель сокрышся
 Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
 Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
 И съ мїромъ навсегда проспнешся,
 Когда, къ несчастію, мїръ таковъ?
 Увы! анахоретъ не будетъ
 Въ пустынѣ щастливѣ насъ!
 Хотя земное и забудетъ;
 Хотя умолкнетъ страсти гласъ
 Въ его душѣ уединенной,
 Безмолвнымъ мракомъ огражденной;
 Но сердце станетъ унывать,
 Въ груди холодной посковать,
 Не зная, чѣмъ ему заняться.

Тогда пустынною являясь
 Химеры, адскія мечты,
 Плоды душевной пустокры !
 Чудовищъ грозныхъ миллионы,
 Змѣи летучія, драконы,
 Надъ нимъ крылами зашумящъ,
 И страхомъ умъ его зашмящъ. . . .
 Въ доскъ онъ жизнь свою скончаетъ !

Каковъ ни естъ подлунный свѣтъ;
 Хотя блаженства въ ономъ нѣтъ;
 Хотя въ немъ горестъ обитаешь;
 Но мы для свѣта рождены,
 Душой, умомъ одарены,
 И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
 Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
 Какъ можно менѣе шужить,
 Какъ можно лучше, тише жить,
 Безъ всякихъ суешныхъ желаній,
 Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
 Но что пріятное найдемъ,
 То съ радостью себѣ возьмемъ.
 Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
 Бываетъ краше анемонъ,
 Когда украдкой выдетъ онъ
 Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
 Во тѣмъ густой, въ печальной мглѣ
 Сверкнетъ лучъ солнца веселѣе:
 Добра не много на землѣ,
 Но естъ оно — и тѣмъ милѣе
 Ему быть должно для сердецъ.
 Кипю малымъ можетъ быть доволенъ,

Не скованъ въ чувстввахъ, духомъ воленъ,
 Не есть чиновъ, богатства льстецъ;
 Душею также прямъ, какъ станомъ;
 Не ищетъ благъ за океаномъ
 И съ моря кораблей не ждетъ,
 Шумящихъ въпровъ не робьетъ,
 Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
 Въ сей день для дня сего живетъ
 И мысли вдале не проспиралетъ;
 Кто смотришь прямо всѣмъ въ глаза;
 Кому несчастнаго слеза
 Оправы въ щипу не вливаетъ;
 Кому работа нешрудна,
 Прогулка въ полѣ нескучна
 И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
 Кто ближнимъ иногда полезенъ
 Рукой своей или умомъ;
 Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
 Любимымъ, щастливымъ супругомъ
 И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
 Кто Музъ отъ скуки призываетъ
 И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
 Стихами, прозою забавляетъ
 Себя, домашнихъ и чужихъ;
 Отъ сердца чистаго смѣется
 (Смѣяться, право, не грѣшно!)
 Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
 Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется,
 И дней своихъ не прекратитъ
 Желѣзомъ оспрымъ или ядомъ;
 Тому сей міръ не будетъ адомъ;
 Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
 Среди колючихъ жизни терній;
 Отраду въ горестяхъ найдетъ,

Съ улыбкой встрѣшилъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснемъ.

КАРАМЗИНЪ.

V.

чужой толкъ.

„Что за диковинка! лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напруги умъ, наморщивши чело,
Со всеусердїемъ всё оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Уже ли выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи рав-
нымъ,
И столькожъ, какъ они, во пѣснопѣньи слав-
нымъ?
Какъ думаешь!... вчера случилось мнѣ сли-
чащъ
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего чи-
тать!
Листочикъ, много при, а любо какъ читаешь —
Не знаю, какъ - то самъ какъ будто бы ле-
таешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвась, а не чепыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ сча-
сливѣй,
Когда мы во спо разв прилѣжнѣй, терпѣливѣй?

Вѣдь нацѣбъ начнетъ писать, по всѣ забавы
прочь!

Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣшетъ, думаетъ, чертишитъ и жжетъ бу-
магу,

А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной;
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой:
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого эпо рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти спирофъ!
Судижебъ, сколько шумъ хорошихъ есть
спиншковъ!

Къ томужъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь
вспупленье,

Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по цер-
квамъ,

Совсѣмъбъ шѣмъбъ нѣмъбъ чишаютъ охоты, вижу
самъ!

Возьму ли, на примѣрѣ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ тибли
Шведы;

Всѣ шумъ подробности сраженья нахожу:
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно, . . . а зеваю!
Я бросивши ее, другую разкрываю
На праздникъ, иль на что подобное тому;
Тутъ найдешь то, чегобъ не хитрому уму
Не выдумаешь и вѣкъ: *зари багряны перслы,*
и райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отсер-
слы!

Такъ громко, высоко! . . . а нѣмъбъ, не весе-
литъ,

И сердца, такъ сказать, ни тушь не шевелишь!“ —

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою

Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною;
Я, будучи и самъ товарищъ шѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ
должно;

Но къ счастью — ежели назвать то щасьемъ
можно,

Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разгово-
воръ:

— На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не общаюсь ихъ открывать и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю:
Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, успѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь, въ Москвѣ, толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣ-
чалъ:

Большая часть изъ нихъ: Лейбгвардіи Ка-
пралъ,
Ассессоръ, Офицеръ, какой нибудь подвѣчій,
Иль изъ куншсамеры аншикъ въ пыли ходятъ,
Уродовъ спражъ — народъ все нужной, долж-
носпной;

Такъ часто я видалъ, что испинно иной
Въ два, въ три дни приему лишь прибавить
едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопошахъ досуга не имѣетъ.

Лишь шодько мысль къ нему счастливая при-
детъ,

Вдругъ било пять часовъ! уже карета ждетъ,
Пора въ театръ, а шамъ на балъ, а шамъ
къ Лёону (*),

А шумъ и ночь когдажъ захватъ къ
Аполлону?

На завтра, лишь глаза опкроешь — ужъ билетъ:
На пробу съ пять часовъ куда же? Въ
модный свѣтъ,

Тдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю;
До одыль шумъ? шверди, свачи два раза къ
Кролю (**),

Потомъ опять домой, здѣсь холься да рядись,
А шамъ въ спектакль, и шамъ со днемъ опять
проспись.

Къ помужъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Гораций, на примѣръ, воспоргомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ не съ высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чшобъ Делія ска-
зала:

Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна спала.
А нашихъ многихъ цѣль: награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ Князь-
комъ,

Который отъ роду не чинывалъ другова,
Кромъ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ прїиселей, а имъ
Печатный всякой листъ бытъ кажется сви-
щымъ.

(*) Содержатель въ С. П. бургъ вольныхъ маскерадовъ.

(**) Поршней.

Судяжъ, сколь разные и шѣхъ и нашихъ виды,
 Навѣрно лѣзя сказать, не дѣлая обиды
 Решивымъ господамъ пипомцамъ Рускихъ Музъ,
 Чѣмъ долженъ бытъ у нихъ и особый вкусъ,
 И въ сочиненіи Лирической поэмы
 Другіе способы, особые пріемы.
 Какіе же они, сказать вамъ не могу,
 А только объявлю — и право не солгу —
 Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотвори-

шель,

Котораго трудовъ *Меркурій* нашъ и *Зритель*
 И книжный магазинъ и лавочки полны;
 „Мы съ приемами на свѣтъ, онъ мыслить, ро-

ждены;

Такъ не смѣшно ли намъ поэтамъ согласишься,
 На взморѣ въ хижинку какъ Демосѣенъ за-

бишься,

Читать, да думать все, и что, что вздумалъ
 самъ,

Разсказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?

Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;

Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье.

Науки будущъ все науки, а не даръ;

Потребный же запасъ: отвага, рѣшмы, жаръ.

И вошъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:

Лишь пушекъ громъ подаси прѣяину всѣмъ
 народу,

Что Римникскій Алкидъ Поляковъ разгро-

милъ,

Иль Ферзенъ ихъ вожди Косцюшку полонилъ;

Онъ потчасъ за перо, и разомъ вывелъ: ода!

Потомъ въ одинъ присѣсть: *такого дня и*
года!

„Тутъ какъ? . . . Пою! . . . Иль нѣтъ, ужъ
это старина:

„Не лучшѣ: даждь мнѣ Фебъ? . . . Иль
такъ: не ты одна

„Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!

„Но что же мнѣ прибратъ къ ней въ риѣму
кромѣ чорша?

„Нѣтъ, нѣтъ, не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.“ —

Пошелъ, и на пупи такъ въ мысляхъ раз-
суждаешъ:

„Начало никогда пѣвцовъ не устранишь:

„Что хочешь, то мѣли; вотъ шпунна, какъ
хвалишь

„Героя - то придешъ! не знаю, съ кѣмъ сра-
внишь?

„Съ Румянцовымъ его, или съ Грейгомъ, или
съ Орловымъ;

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а
съ новымъ

„Не ловко что - то все — да просто напишу:

„Ликуй, Герой! ликуй! Герой ты! возглашу:

„Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ
восторгъ;

„Скажу: кто завѣсу нѣ вѣчносли распоретъ?

„Я вижу молній блескъ! я слышу съ гор-
ня свѣта “

„И то, и то . . . А шамъ? . . . извѣстно:
много лѣта! —

„Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!

„Да здравствуетъ Поэтъ! осталось присѣсть,

„Да только написать, да и печатать смѣло.“

Бѣжитъ на свой чердакъ, черпигъ, — и въ
шляпѣ дѣло,

И оду ужь его писанню предаюшъ,
 И въ одѣ ужь его намъ ваксу продаюшъ.
 Вошъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
 Едва ли вывѣски надписывать способны!
 Желалъ бы, чѣобы Фебъ хопя во снѣ имъ рекъ:
 „Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ
 Хвалою ему сердецъ другихъ не восхищаетъ,
 И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
 Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не
 Поэтъ. —

Да вѣдаешъ же всякъ по одамъ мой клеветъ,
 Какъ дерзоспный языкъ безславилъ насъ, ни-
 чпожилъ,
 Какъ лириковъ цѣнилъ! воспринемъ! Марсѣй
 ожилъ!
 Товарищи! къ сполу, за перья! опомспимъ,
 Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
 Напишемъ на него предлинную сапиру,
 И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

ДМИТРИЕВЪ.

КЪ П. И. Т. КУТУЗОВУ.

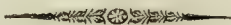
Дивишься ты, что равнодушно
 Я неудачи такъ сношу;
 Что время иногда нескучно
 При нихъ съ друзьями провожу:
 Что дѣлать! спорить намъ съ судьбою
 И на нее роптать не лзя.
 Хошь плачь, хошь рвись, хоши покою
 И день и ночь лишай себя —
 Спраданье только усугубишь,
 А пользы въ томъ ни мало нѣтъ;
 Такъ, на примѣръ, какъ спрасно любишь,
 И нѣжной спраспи сей въ отвѣтъ
 Одну холодность и досаду
 Лишь видишь вмѣсто всѣхъ наградъ;
 Хошь тысячу мученій сряду
 Сначала ты снести и радъ,
 Но какъ надежда вдругъ исчезнетъ,
 Тогда ужъ ей и сердце въ слѣдъ
 Охолодѣетъ — тамъ замерзнетъ,
 А тамъ — и сердца будто нѣтъ! . . .

Форшуну женщиной жестокой
 Считаю я прошивъ себя;
 Бывало ей поклонъ глубокой
 Съ почтеніемъ отвѣщу я,
 Чтобъ на меня хоши взглянула,
 Творя для столькихъ чудеса;

Но въ пользу мнѣ не повернула
Еще ни разу колеса. —

Я лучше съ сердцемъ неунылымъ
Суровоспи ея приму
И лишь скажу : *насилъно милымъ* ,
Увы ! *не будешь никому !*
Коль въ общей лопареѣ свѣша
Ни въ чемъ надежды не сбылось ,
И надпись моего билета
Есть грустное : *не удалось !*
Такъ видно навсегда оставишь
Желаній щещныхъ суеты ,
И мысль къ спокойствію направишь ,
Признавшись , что искалъ мечты ;
И уклоняя большого свѣшу ,
Гдѣ былъ со мной недруженъ рокъ ,
Во свѣдѣ душевному совѣшу ,
Просишь у дружбы уголокъ ,
Тутъ ей одною занимаешься ,
Злой грустью сердце не губя
Вотъ по чему и посмѣялся
Мнѣ удастся у тебя.

Г. Г. Салтыковъ.

САТИРА.

ПОДРАЖАНІЕ САТИРЪ БУАЛО.

Любимецъ нѣжныхъ музъ, пишомецъ Аполлона,
 Блуспишель истинный Парнасскаго закона —
 Что ясно видимъ мы въ швореніяхъ твоихъ,
 Въ которыхъ мыслію опличенъ каждый стихъ,
 Хотя за ними ты не мучишься, не ходишь —
 Скажи, о Дмишрѣевъ! гдѣ риемы ты находишь?
 Какъ можешь безъ труда приипно такъ пи-
 сать,

И мысли съ легкостью столь ясно выражаешь?
 Читай въ твои стихи, всякъ долженъ согла-
 саться,

Что риема подъ перо сама собой ложится —
 Не такъ какъ у меня, который за грѣхи
 Судьбою осужденъ мараить весь въкъ стихи!
 Въ семъ трудномъ ремеслѣ мой разумъ убивая,
 За риемами гонюсь, отъ смысла убѣгая,
 Терзаюсь, мучуся, бумагу я деру,
 Но нужнаго стиха никакъ не приберу.
 Коль ненавистника хочу назвать пороковъ,
 Миѣ умъ швердишь *Княжнинъ*, а въ стихѣ
 идешь *Сумбровокъ*;

Когдажъ съ Омиромъ я сравнишь кого готовъ,
Херасковъ на умъ, а подъ перомъ *Графовъ*;
 И сколько наконецъ ни мучусь, ни терзаюсь,
 А съ риемою моею никакъ не повспрѣчаюсь.
 Досадуя рѣшусь, себя чпобъ не помишь,
 Стихи и риемы всѣ на вѣки позабышь,

Нещастну спрость мою къ писанью про-
клинаю.

Ахъ! щепило удержашъ себя предпринимаю!
И Музъ всѣхъ разругавъ и Феба разбирая,
Приходитъ бѣшенство маранья на меня;
Мой умъ забытый стихъ нечаянно вспрѣ-
чаешъ;
И огонь опять въ душѣ писателя пылаешъ;
Всѣ кляпвы позабывъ, перо опять найду,
И за стихомъ стиха съ перивѣнемъ я жду.

О еслибъ я умѣлъ мою принудить Музу,
Чтобъ, пижкихъ правилъ всѣхъ сваливъ съ
себя обузу,
Рѣшилася въ стихахъ искать лишь словъ на-
боръ,

И кспатѣ вклеивашъ холодный, важный вздоръ:
Мнѣ легчебъ было то, и многимъ подражая,
Имѣлъ бы я слова для всякаго случая.

Хвали красавицу — *небесной красоты*,
Тотчасъ бы я нашелъ: *прелестный солн-*
ца ты!

Начавъ другой въ стихахъ: *единственная*
въ вселенной!

А приема шупѣ и есть: *ты ангелъ вопло-*
щенной!

И, словомъ, говоря не къ мѣсту въ сихъ стихахъ,
О солнцѣ и лунѣ, о вздохахъ и слезахъ,
Въ швореніи моемъ, безъ знанья, безъ искусства,
Я могъ бы выказашъ всѣ *Ахалкина* чувства
И всѣхъ любителей падушыхъ пуспиковъ.
Но разумъ мой всегда вникаешъ въ силу словъ,
И безъ разбору онъ пишетъ ихъ не рѣшился,
Противно слову мнѣ, не кспатѣ колы ложишся.

Стихъ двадцать разъ гововъ съ терпѣньемъ
 И написавъ шесть словъ, изъ нихъ мараю
 начинашь,
 пять.

Да будетъ проклятъ пошъ, кто впервые
 рѣшился,
 Чтобъ умъ его въ стихъ размѣрномъ заклю-
 чился;

Кто выдумалъ словамъ границы положить,
 И съ риемой захопль разсудокъ согласишь!
 Безъ ремесла сего я жизньюбъ наслаждался,
 Ни зависти людей, ни злобы не боялся;
 Смѣялся, пилъ и ѣлъ и веселилсябъ я,
 Какъ взятокъ нахватавъ безграмотный судья;
 Ночь спалъ бы хорошо, а въ день не зналъ работы,
 И сердце бы мое, безъ страсти, безъ заботы,
 Умѣло положить для гордости конецъ:
 Я знатныхъ бѣгалъ бы, не зналъ бы, гдѣ дво-
 рецъ,
 И словомъ, былъ бы всѣхъ счастливѣе межъ
 вами!....

Но заразись къ бѣдамъ проклятыми стихами,
 Въ писатели попалъ. Съ того печальна дня
 Спокойствіе мое оставило меня,
 Враждующій мнѣ духъ прельстилъ меня же-
 ланьемъ,
 Чтобы прославиться мнѣ правильнымъ пи-
 саньемъ!

Съ тѣхъ поръ съ перомъ моимъ минушы про-
 вожу,

И за бумагою, прикованный, сижу;
 Самъ у себя весь въкѣ я находясь въ неволѣ,
 Завидую твоей, о *Патрѣкѣичъ*! долѣ.

А ты, что на потопѣ Поэму сочинилъ,
И цѣлый книжный рядъ стихами затопилъ!
Ты дару твоему препоны не встрѣчаешь,
И мѣсяцъ каждый намъ по плути выспавляешь;
Счастливымъ чти тебя! Хотя въ шомъ
чепуха,

Но рима на концѣ есть каждаго стиха!
Чтожь нужды, что твои швореня осуждаютъ!
Ихъ Глазуновъ продашь, — а глупые читають.
Ты пишешь весело, не мыслишь никогда,
И очищать стихи не дашь себѣ труда;
Бывъ попой пораженъ въ писаньи красотой,
Дивишься въ немъ себѣ, доволенъ ты собою.
Но какъ несчастливъ шомъ, кто хочетъ со-
чинять,

И спрогимъ правиламъ свой разумъ подчинять!
Умъ пылкой, не терпя ни въ чемъ себѣ равен-
ства,

Спремится достигать до цѣли совершенства;
Но не смотри на то, что нравишься онъ всѣмъ,
Ошибки видишь всѣ въ швореніи своемъ,
И часто шомъ, кого свѣтъ цѣлый прослав-
ляетъ,

Что былъ писатель онъ, забывъ на вѣкъ
желаетъ.

Спѣшижь, о Дмитріевъ! отъ бѣды меня спасать,
И научи стихи по-твоему писать;
Когдажь надежды нѣтъ, скажи мнѣ безъ при-
творства,
Какъ мнѣ избавиться отъ спраси стихо-
творства?

Маринъ.

VIII.

Т Ы И В Ъ.

О пы, которую теперь звать должно вы
 Съ почтеньемъ, съ важностью, съ уклонкой
 головы;
 О прежня Лиза, пы! вы барыня ужъ
 нынѣ.

Скажете, такъ ли вы въ сей счастливы судь-
 бинѣ,
 Котора въ сорокъ лѣтъ вамъ пышности дала,
 Въ алмазы, въ фижмы васъ, въ величье убрала,
 Превосходительствомъ и знанью опягчила,
 И косо на меня смотрѣшь васъ научила,
 Когда, на улицѣ, звуча по мостовой,
 На быстрой шестернѣ встрѣчаясь со мной,
 Гордяся новаго родства высокой связью,
 Съ блистающихъ колесъ вы брызжете мнѣ
 грязью?

Сквозь чистыя стекла зря унылу красоту,
 Сіянья вашего я счастьемъ не чшу:
 Превосходительство является мнѣ ваше
 Скучиѣ во сто разъ, а ничего не краше.

Вспомните, какъ вы была лишь только — пы,
 Еще не знающа величія мечты,
 На имя Лизаньки мнѣ нѣжно опвѣчала,
 За пламень мой меня улыбкой награждала,
 Во стройной кофточкѣ, которой бѣлизнѣ
 Не уступала грудь швоя, открыва мнѣ,
 И только розою одною защищенна,

Котора, розами твоими помраченна,
 Должна была моимъ желаньямъ уступать:
 Уста твои и грудь прелестну цѣловать.
 Ты помнишь. . . не было моей любви препоны;
 Ты помнишь время то, какъ строгіе законы
 Хотѣли было насъ съ тобою разлучить!
 Но лѣзла препонаю любовь остановишь?
 У ней прѣпятствіемъ лишь крылья выро-
 стають.

Ей пушка всѣ глаза, чѣмъ Аргусы сверкаютъ.
 Воспомни время то. . . сколь сладко мнѣ оно!..
 Какъ лѣстницу любовь мнѣ ставила въ окно,
 Которо Граціи съ тобою опворяли,
 И въ сумерки меня къ ушамъ провождали.
 Въ восторгахъ нашихъ я и ты, забывъ весь
 свѣтъ,
 Мы думали, что насъ счастливей въ свѣтѣ
 нѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ такъ: кто могъ быть насъ
 блаженнѣй?

И чѣмъ же Генералъ въ веселіи опмѣннѣй?...
 Опмѣннѣй? . . . Быть не лзя! безмѣрно ни-
 же насъ. . .

Не по природѣ онъ, по этикету васъ
 Любя, нахмурился, къ вамъ важно подступаетъ.
 Прѣпятства, смѣхи прочь и игры отгоняетъ.
 Бояся знатность онъ высоко уронить,
 Онъ можетъ ли вамъ такъ, какъ я тебя, лю-
 бить?

Превосходительствомъ природу задушая,
 И въ сердцѣ гордость онъ съ любовію мѣшая,
 Васъ любитъ, помня то, что онъ и Генералъ;
 А я, тебя любя, себя позабывалъ.
 Всѣ были чувства, вся мысль полна тобою,

Щадишь чужой карманъ не лѣзя принудишь
лирой,

Того, кто цѣлый вѣкъ спесивился и вралъ;

Уклонивъ и умнѣй не сдѣлаешь сапирой.

Не лѣзя Поэзіей усовершенствуй лѣстеца,

Ни моша оперой исправишь, ни лѣншая,

Спихами въ краску ввести нѣтъ способу лѣстеца,

Иль въжеству выучить практична негодяя.

Героямъ Росскимъ въ честь воспеваая хвала

Трускова удержишь безсильна въ полѣ брани;

Сапирой на грабежъ направлена спѣла

Отъ взяпковъ Жмошкину закрыть не можешь
длани.

Картежниковъ, скупцовъ, какъ ни трудись
Пѣшь,

Во вѣки не уймушь комедіи, ни драммы;

А Бахусовыхъ чадъ, покуда свѣтъ стоитъ,

Отъ пунша воздержать не могушь эпиграммы.

На чтожь истощевать напрасныя слова?

На что, дразниа глупцовъ, безплодно надры-
ваться?

Нѣтъ, нѣтъ! во вѣкъ моя не будетъ голова

Сапирой никакой отнынѣ заниматься.

Оставимъ свѣтъ, Шишковъ, такимъ, каковъ
онъ есть,

Порочныхъ предадимъ ихъ совѣсти въ сужденіе;

Ты слѣдуешь уму, ты любишь правду, честь;

А добрыхъ главное есть свойство — снисхожденіе.

Отъ глупости людской и злобы удаленъ,

Въ обѣщаныхъ милаго семейства успокоенъ,

Я вижу благъ мірскихъ превращеніи и плѣнъ;

Желаньемъ ихъ мой духъ ужъ болѣ не раз-
строенъ.

Я за Суворовымъ по Альпамъ не лечу,
 Съ Вольперомъ на Парнассъ засѣсть не за-
 шѣваю,
 За то, что въ вистѣ нейдущѣ, въ бостонѣ
 не кричу,
 И въ клубѣ средѣ толпы нарядной не зѣваю.
 По утрамъ всей семьей, съ лопаткою въ рукахъ,
 Какъ лучъ златой блеснетъ по жемчугамъ
 Авроры
 На зеленѣющихъ въ саду моемъ лужкахъ,
 Лелѣемъ мы дары благоуханной Флоры;
 Иль сельскими занявъ работами мой умъ,
 Я собираю ихъ съ влѣянїями неба;
 Тамъ пїишическихъ лишаюсь пылкихъ думъ,
 И Триптолемовъ плугъ замѣнитъ лиру Феба.
 Но ежели когда въ свободные часы
 Я, духомъ воскресенъ, бряцаю въ струны лирные,
 Природы славлю я безчисленны красы,
 Священно дружество и дни воспѣваю мирны,
 И мысль надменную изъ сердца истребляю,
 Стараюсь научать, но не другихъ — себя.

К. Д. Горчаковъ.

Л ю д м и л а .

И д и л л и я .

~~~~~  
С т а р и к ъ .

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья ?

П а с т у ш к а .

Я, дѣдушка, со стороны ;  
Иду до ближняго селенья  
На праздникъ красныя весны.

С т а р и к ъ .

Чего же ищешь ты подъ тѣнью кусточковъ ?

П а с т у ш к а .

Богатой лѣншы нѣтъ, такъ я ищу цвѣточ-  
ковъ,  
Чтобъ свишь себѣ вѣнокъ и скрасить мой на-  
рядъ :  
Тамъ есть красавица Людмила, говорящъ.

С т а р и к ъ .

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людмилы ?

П а с т у ш к а .

Не вѣдаю !

С т а р и к ъ .

Ты рвешь цвѣшны . . . съ ея могилы.

Д м и т р и е в ъ .

~~~~~

Р Ы Б А К И.

Переводъ изъ Теофрита.

Повѣрь, Діафанъ, мнѣ, лишь бѣдность раж-
дае шѣ искуства;
Вина трудолюбія бѣдность — прямой нашѣ
учитель!
Какъ скоро заботы вокругъ изголовья, пѣсни, шпеси,
Тогда мы не вѣримъ пріятнымъ ласканіямъ
нѣги!
Едва зарумяниши небо зарею:
Гласъ нужды раздася — и сонъ улетаетъ!

✱

Два рыбака, спарцы, вкушали спокойствіе ночи
На холодной соломѣ, подѣ кровомъ, изъ лозъ
соплетеннымъ;
Склонясь главами на пуки изъ вѣтвей зе-
леныхъ;
Кругомъ ихъ лежали орудья ихъ жизни пе-
чальной;
Ловища для рыбы — кощницы изъ гибка
вербы,
Садки для храненія — обманчива пѣвника
болельность,
И верши коварны, горой у стѣны возгромо-
жденны,
Раскинушы сѣщи, и неводъ еще негопной,
И длинныя лѣсы и удочки съ пищею смертною,
И верви, и весла, и лодка, увязная въ шипѣ.

Два бѣдныя плащя, копомка съ изорванной
шапкой

Висѣли на гвоздѣ: вошѣ все ихъ наслѣдно
имѣнье,

Вошѣ все ихъ богатство! ни ложекѣ, ни чашѣ
деревяныхѣ,

Нѣшѣ даже собаки, надежнаго спража почнаго;

Не знали сосѣдей: сосѣдѣ ихъ единое море,

Котораго волны, ласкаясь, почти досигаютѣ

До хижины бѣдной. Еще, украшеніе мрака,

Луна не свершила пуши своего половины:

Любезна работа уже возбуждаетѣ, превозитѣ

Покой рыболововѣ. Встаютѣ — опрясаютѣ
отѣ вѣжей

Послѣднюю дремоту; и вскорѣ ихъ гласѣ раз-
даются

По зыбкому берегу. Ахѣ! сладостно устро вѣ
работѣ! —

Одинъ изъ рыбаковъ.

Такѣ! насѣ обманули, товарищѣ! сказали,
что ночи

Начнутѣ сокращаться, какѣ скоро Зевесѣ со-
изволитѣ

Веселое лѣто послать къ намѣ отѣ горняго свода.

Авроры не видно!... а сколько я зрѣлъ сновѣ-
дѣній!

О тяжкое время! скажи, что ночь удержало?

Скажи — я обманутѣ. . . .

Другой.

Ты лѣшу не радѣ, мой товарищѣ! —
Позѣрь, времена всѣ текутъ одинакой чредою;

Тебя посѣщали мечты, заботой рожденны;
Вотъ тайна — спойся!

П е р в о й.

Согласенъ съ тобою, товарищъ!
Ты, знаю, умѣешь разгадывать сны непонятны.
Я видѣлъ прекрасной; опъ друга его не сокрою!
Мы рыбы дѣлили, раздѣлимъ съ тобой снавидѣнья;
Ты разумъ имѣешь, а сны полковашъ, не пустое!
Теперь же есть время; и море бѣлѣетъ волнами,
И сонъ удался. Почто лежашъ намъ безмолвно
На холодной соломѣ?

Д р у г о й.

Скажи мнѣ сонъ по порядку.

П е р в о й.

Когда, окончавши работы вечернія, сладко
Васнулъ на соломѣ (нашъ ужинъ былъ очень умѣренъ!
Коль занявшъ трудами, всегда я въ пищу умѣренъ;
Мы такъ ужъ привыкли); заснулъ я, и вдругъ мнѣ приснилось,
Что, сиди на брегѣ, ловилъ я быструю рыбу.
Спадами мешалась, серебрилась въ водѣ чешуею!
За удой выдаюсь — (на деревѣ ближнемъ висѣла).

Гоща и пища, соблазни безсловесныя твари,
Послалъ ожидаю! какъ пѣсѣ во снѣ
ловилъ зайцовъ,

Такъ рыбу мы ловимъ. Дрожимъ поплавокъ
мой и понемѣ.

Влеву. кровь лилася. согнулся отъ тя-
жести прутьевъ.

Я прутья опускаю. кипѣла вода предо
мною.

Спремлюся руками схватить; — но естли
укусишь? —

Что нужды! опиваюсь укусишь, но бу-
дешь моею!

И бой начинаю! вѣсѣ ужасѣ пропалъ въ ту
минушу.

Извлечъ! — чтожь увидѣлъ? — — Ахъ!
злапо, чистое злапо

Движется въ мягкой правѣ. Я въ прелесть
сердца

Въздаю: не ты ли драгой любимецъ Непшуна?

Не пылъ украшенъ прелестной дщери Нерей?

Такъ точно! и тихо ее отдѣляю отъ уды,

Чтобъ не было злато такъ долго въ поддан-
ствѣ желѣза! —

Простершись на брегѣ, она засынаешь. —

Любуясь добычей, клянуся я всѣми богами,

Оспавишь и море, и въ градѣ на вѣкъ посе-
лишься,

Блестящая богатствомъ и славой, какъ горды
владыки! —

И здѣсь я проснулся, товарищъ! — клянусь,
сказалъ правду!

Д р у г о й.

Спокойся, что въ кляпѣ? Безъ нужды не-
 честіе клятва!
 Товарищъ! всѣ рыбы злая — обманчивой
 призракъ!
 Теперь ты не сонной: смотри, гдѣ играла
 добыча,
 Тамъ нѣтъ ничего. . . . Ахъ! не слушай ко-
 варныхъ желаній!
 Мы терпимъ гладную смерть, и видимъ сны
 золотые!
 Мерзляковъ.

XII.

КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней
 новыхъ
 Отъ Музы моей; ни Фавны рошѣ дубовыхъ,
 Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
 Ни боги свѣтлыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ,
 Не слышали еще имъ незнакомой лиры.
 Подъ мракомъ грозныхъ тучъ играютъ ли
 Зефиры?
 Поетъ ли зяблиця, какъ бури заревутъ
 И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвутъ?
 До пѣсней ли и мнѣ подъ гнѣвомъ рока злова?
 Еще дымился пепелъ опеческаго крова,
 Еще смущенна мысль все бродитъ въ пѣхъ
 мѣстахъ,

Недавно гдѣ земля на вѣкѣ сокрыла прахъ,
Прахъ старца, для меня шолко драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждашь отъ сердца огорченна?
Печальныхъ? . . . но почто маѣ Градіамъ ску-

часть,

Когда шлои нѣжный гласъ ихъ будешь ула-
ждашь?

Пускай онѣ швое посланіе читають

И розовой вѣнокъ любимцу соплетаютъ;

Пускай Херасковъ, мужъ отъ дѣтства чини-
мый мной,

То въ мѣрѣ фантазіи пушъ кажетъ за собой,
То въ райскимъ красопамъ на небо восхищаеиъ,
То на цвѣтущій брегъ Пенея провождаетъ,
И даже въ зиму дней умоиъ еще цвѣтѣя,
Манииъ на лирный гласъ крылатое дитѣя,
И съ кротоспѣю влечеиъ — нѣжнѣйшихъ

чувствъ владѣтель —

Любииъ поэзію, себя и добродѣтель.

Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приво-
дитъ духъ;

Пускай молодой Герой, къ нему склоняя слухъ,
Пылаеиъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взгля-
домъ

Копѣя, чтобы летиъ пошрѣстъ землей и
адамъ.

Пришворства и въ стихахъ казати я не хочу:

Поѣшиъ мнѣ, пою; не весело, молчу

И слушаю другихъ; иль взявши посохъ въ руку,

Въ поляхъ и по горамъ разсѣваю скуку;

Разнообразности Природы тамъ дивлюсь,

И сколько слабѣе снимаиъ съ нее учусь.

Какъ Волжанинъ, люблю близъ водъ искать
прохлады ;

Люблю съ угрюмыхъ скалъ греящи водопады ;

Люблю и озера спокойный , гладй видъ ,

Когда его стекло вечернй лучъ зашиплъ ;

А временемъ иди — куда , и самъ не зная —

Чрезъ холмы , чрезъ лѣса , не видя сбнимъ края ,

Подъ сводомъ зелени , вдругъ на свѣтѣ выхожу

И новую для глазъ каршину нахожу :

Открышя поля подъ золопою нивой !

Вездѣ блестящъ серпы въ рукъ прудолубивой :

Какой прїятный шумъ ! какая пестрота !

Здѣсь взрослый , шутъ старикъ , съ нимъ ря-
домъ красота ;

Кто жнетъ , кто вяжетъ сноплъ , кто подби-
раетъ класы ;

А дѣти между тѣмъ , Амуры свѣтловласы ,

Украдкой по снопѣ играючи берущъ ,

Кряхтящъ подъ ношею , другъ друга ею прущъ ,

Валяются , вспающъ , и усмотри цвѣточикъ ,

Всѣ врознь къ нему лешящъ какъ Майской вѣ-
терочикъ .

Ахъ ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ ле-
тѣть !

Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть ;

Уже я съ каждымъ днемъ чего нибудь лишаюсь .

Иду подъ тѣнь кушновъ : спущаю , и возвра-
щаюсь

Съ понишей головой : шамъ нѣтъ ужъ со-
ловья !

Сего дня у пруда остановился я :

И ласточки надъ нимъ кружилися , вилися ,

И сѣры облака по небесамъ неслися .

Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Эолъ
 Помчится на крылахъ шумящихъ съ горъ на
 долъ,
 Завоешь, занушишь, кусты въ землѣ при-
 клонишь,
 Свинцовые валы на озеро нагонишь,
 Въ пещерахъ заревешь и засвистишь въ ду-
 плахъ,
 И съ воздухомъ смѣсишь и листвѣя и прахъ;
 День, два, и можешь быть, цвѣшочка не за-
 спану;
 День, два, и можешь быть... какъ знаешь?...
 и самъ увяну!

ДМИТРИЕВЪ.

ХІІІ.

ФИЛАРЕТЪ и ЕВГЕНІЙ.
 С А Т И Р А.

Ф и л а р е т ъ.

Что такъ смущенъ, дружокъ мой? щоки
 внутрь опали,
 Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
 Задумчивъ, какъ томъ, кто чинъ Папріаршъ
 досташи
 Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кспати?
 Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
 Плашье носишь, иль твоихъ слугъ пеленашъ
 въ злато?

Картъ ли не спало въ рядахъ, виналь дорогова?
 Машеръ, знаю, и родня швоя вся здорова;
 Обилѣшво сыплешъ тебѣ дары полнымъ рогомъ,
 Ничто тебѣ не прешитъ жить въ покоѣ многомъ.

Ч а с т ь І V.

Д

Чтожь молчишь? ужь ли твои уста косны
спали?

Не знаешь ли, сколь намь другь полезенъ въ
печали?

Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать спросишь не запрещаетъ?
А! а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ доспалъ перемѣну чина,
Трифону ленша дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ име-
нами:

Забыша крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна
ревность;

И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависши въ тебѣ нѣтъ, какъ въ полахъ со-
борныхъ.

Евгеній.

Частъ ты прямо опгадалъ. Хоть мнѣ не за-
видно,

Чувствую, сколь злѣшнымъ всѣмъ и спыдъ
и обидно,

Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ
мозоли,

Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто гаушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ; кто съ подовыми горшкомъ истеръ
плечи,

Тотъ на высоку шепень вспрыгнувши бли-
стаетъ;

А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принесши мнѣ никакой польги.
Злѣшны ужь предки мои были въ царство Ольги,

И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не
сидѣли,

Государства лучшими чинами владѣли.

Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,

Книгу родословную, записки приказны;

Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,

Думнаго, намѣспника никто не былъ ниже;

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло

Вершили ружьёмъ, умомъ не одно тѣ дѣло.

Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,

Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы;

Всудъ чисты руки ихъ, помнишь челобитчикъ

Милость ихъ, и помнишь злу оспуду обидчикъ.

Абашюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не спало,

Государства правое плечо съ нимъ оппало.

Какъ башюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,

И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;

Всегда за нимъ выборна таскалася свита,

Что на день рано съ упра крестова набита

Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,

И ошъ копорыхъ нашъ братъ милость жи-

даетъ.

Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ

намъ сами,

Дворецкому кланялись съ полными руками?

И когда башюшка къ нимъ промолвишь хоть

слово,

Запоропѣвъ, онѣмѣвъ, слёзы у иново

Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоенъ

Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ до-

споенъ

Съ временщикомъ говоришь, и весь веселился

Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.

Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,

Споль славны предки имѣвъ, забытымъ оспашься,
Послѣднимъ видѣшь себя, куды глазъ ни ескину!

Ф и л а р е т ъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль опирьши и совѣшъ.
А вѣдай припомѣ, что я лукавыхъ примѣши,
Лестъ, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ; что мыслишь ты, сей вымол-
вить ясно.

Благородство будучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно, и много въ немъ пользы при-
знаваю.

Почесъ ты къ добрымъ дѣламъ многихъ обо-
дряетъ,

Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщещъ въ людяхъ шаковыхъ, которымъ не-
дѣшны

Куча золоша, ни домъ огромный, ни лѣстивны
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ шипламъ, къ славѣ до одной всяка душа
жадна;)

Но щещно имя оно, ничего собою
Не значить въ томъ, что себѣ своею рукою
Не присвоить почестъ ту добычу трудами
Предковъ своихъ. Грамота, пѣснью и червями
Изгрызена, знавшихъ насъ дѣлами естъ сви-
дѣтель,

Благородными явить одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военные?
Разогналъ ли предъ собой враги устращенны?
Къ безопасству общества расширилъ ли власны

Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ ли ты спра-
сти?

Облегчилъ ли тяжкія подати народу?

Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?

Примѣромъ, словомъ твоимъ ободренъ ли люди,
Хоть мало очистишь злыхъ нравовъ темны
груди?

Иль буде случай, младость въ то не допу-
стила,

Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?

Знаешь ли чисты хранишь и совѣсть и руки?

Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и доуки?

Не зависливъ, ласковъ, правъ, не гнѣливъ,
беззlobенъ,

Въришь ли, что всякъ тебѣ человекъ подобенъ?

Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,

Можешь счастъся Гектору иль Ахиллу сроденъ,

Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны

Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ
нравны.

Маложъ пользуешь тебя звать хоть сыномъ
царскимъ,

Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не различи-
ся царскимъ.

Спроси хоть у Нейбуша (*), паковы ли дрожжи

Любы, какъ пиво ему? опречетъ прожжи;

Знаетъ онъ, что пива тѣ славные оешапки,

Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.

Разнишься попомкомъ бышь предковъ благо-
родныхъ,

Или благороднымъ бышь. Такъ же и въ свобод-
ныхъ

(*) Пріятель сатирика, охотникъ большой до пива.

И въ холопахъ течешъ кровь, та же плоть,
тѣжъ кости;

Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя, злоспи
Нашей не могушъ прикрышъ; а худые нравы
Истребивъ вдругъ древнія въ умныхъ память
славы,

И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будешъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна
и жалка.

Знаю, что несправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣ-
ваетъ;

Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Спанемъ мы на нихъ однихъ. Сполбы сокру-
шатся

Подъ излишнимъ бременемъ, естли сами въ
силу

Нужную не приведемъ шу подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ шруды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ; но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сторбился
Къ ключу: сама вода въ ротъ твой не ста-
нетъ лишься.

Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и
нраву:

Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, спрахъ
и раны,

Инымъ въ морѣ недруги и валы поправы,
Иной правду вѣсилъ, шихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различныя достоинства виды.
Естлибъ ты имъ подражалъ, правобъ могъ
ропшати,

Что за другими себя и въ пару не знаши.

Попришь на оселку, другъ, покажи въ чемъ
славу

Крови собой, и швою жалобу бытъ праву.
Пѣлъ пѣшухъ, встала заря, лучи освѣпили
Солнца верьхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки швои, а ты, подѣ парчею
Углубленъ мягко въ пуху пѣломъ и душею,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгушъ двѣ доли,
Зевнешь, разпворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься ужъ часъ другой, пѣжишься сжидая
Пойла, что шлешъ Индія, иль везушъ съ
Кипая;

Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешъ
скокомъ;

Тамъ ужъ въ попеченіи и прудѣ глубокомъ;
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувшъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ
чину.

Часъ надѣ лоскимъ лбомъ торчать будутъ
сановицы,

По румянымъ часъ щекамъ въ колечки за-
вицы

Свободно спанешъ играть, часъ уйдешъ за
темя

Въ мѣшокъ. Дивится шому спроенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарциссъ
жадно

Глошаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ пѣсномъ башмакъ швоя, потъ со слугъ
валился,

Въ двѣ мозоли и тебѣ краса спановишся;
Избишъ полъ, и подѣ башмакъ спершо много
мѣлу.

Деревню вздѣнешъ пошомъ на себя ты цѣлу.

Не столько стоить народъ Римляновъ при-
 стойно
 Основать, какъ выбрать двѣтъ и парчу, и
 стройно
 Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и
 моды;
 Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы;
 Чѣмъ лѣшамъ сходенъ былъ двѣтъ, чѣмъ
 тебѣ въ образъ
 Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
 Чѣмъ бархатъ не шагчалъ въ лѣшню пору
 шло,
 Чѣмъ шафта не хвастала среди зимы смѣло;
 Но зналъ бы и скѣ свой предѣлъ, право и за-
 конъ;
 Какъ искусные попы всякаго дня звоны.
 Долголѣшняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
 Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
 Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербъ пожизни,
 Понялъ, что фалды должны тверды быть, не
 жидки,
 Въ пол-аршина глубоки и ситомъ подшиты;
 Согнувъ кафтанъ не былибъ станомъ всѣ по-
 крышы;
 Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья
 уставишь,
 Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавишь;
 Въ лѣто или осенью, въ зиму или весною
 Какую парчу подбишь пристойно какою;
 Чѣмъ приличіе нашить, серебро или золото,
 И Рексу (*) лучше тебя знать ужъ трудовато.
 Въ обѣдъ и на ужинъ частенько двоится

(*) Рексъ, Московской поршней.

Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ побой
вертишся,

И обжирство тебѣ вѣроу куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебѣ окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалятъ разумъ
зрѣлый;

Сладко щекопятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздушнымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что
подъ плечи

Не дойдешь тебѣ людей все прочее племя:
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ число сѣмя!
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ
ужь смѣется;

Скоро спанетъ и въ глаза; припворство ми-
нётся,

Когда истощишь твоихъ пожитковъ оспашки.
Боюсь я устѣ, что въ лицѣ почаетъ слова
сладки.

Ты самъ неотступно по время ускоряешь;
Изъ рувъ пы пестрыхъ пучки бумагъ не
спускаешь,

И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скопленно добро. Деревня со скопомъ
Не первая ужь пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ
штуку

Молода по жаркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу!
Часто любишь опираться щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день и ночь почти
цѣлу.

Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы

Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не-
малый;

Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужна, чтобъ знать назвашь черпу, что
копая

Воинъ предъ собой ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по
малу

Часнымъ быстро - пагубныхъ пуль ударомъ
пала;

Гдѣ грозно разсѣдшия земля вдругъ пожрала;
Къ чему шумъ войска одна часть въ четверо-
бочникъ

Строишься, гдѣ болѣе нуженъ ужь спомощникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужь превосходны силы
Оплошного недруга надежду прельстили.

Много вышнихъ пребудетъ свойствъ чинъ вое-
воды

И много разныхъ искусствъ: и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою, видишь однимъ взгля-
домъ.

Лишней безопасности не опоешь ядомъ,
Острѣе, проникаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ наветы;
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Опцемъ невинный народъ зоветъ, необидимъ
Его жадностью; врагамъ однимъ лишь ужасенъ;
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью кра-
сенъ;

Не спѣшивъ дѣло начать, начавъ производить
Смѣло и скоро; не споль бѣгло перунъ scho-
дишь

Страшно гремя; въ щастїи умѣренѣ бытъ
знаетѣ,

Терпѣливѣ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердѣ, не
унываетѣ.

Ты шѣхѣ добродѣтелей, шѣхѣ чужь имя знаній
Слыхалѣ ли? Самыхѣ числу дивишѣся шѣ званій,
И въ одинѣ всѣхѣ мозгѣ вмѣстѣишѣ смертныхѣ
столь мнишѣ шрудно,

Сколь дворецкому не красѣ, иль судѣ жить
скудно.

Какѣ тебѣ ввѣришѣ корабль, коль лодкой не
правилѣ?

И хощя въ пруду швоемѣ, лишь берегѣ оста-
вилѣ,

Тотчасѣ къ берегу спѣшишѣ, гладкихѣ испу-
гался

Ты водѣ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлѣ; смерть тамѣ обшту-
паетѣ

Сѣ низу, сѣ верьху и боковѣ; одна отдѣляетѣ

Отѣ нее доска толста пальца лишь въ чешыре:

Твоя душа пребуетѣ разстоянїя ширѣ,

И писана смерть тебѣ дрожатѣ заспавляетѣ;

Одинѣ холопѣ лишь швою храбросѣ искушаетѣ,

Чѣо одинѣ онѣ отѣвчатѣ тебѣ не посмѣетѣ.

Нужножѣ много и шому, кто рулемѣ владѣетѣ,

Искусшѣ и свойствѣ сѣ самаго укрѣпленныхѣ
дѣшства,

И столь нужный шѣ ему, сколь вищи сущѣ
бѣдства

На морѣ, нежѣ на землѣ. Твари Господѣ чудну

Мудросѣ свою оказалѣ во всѣхѣ не оскудну,

Мѣру посшавѣ часшямѣ мїра, и межѣ ними

Взаимно согласїе; лучами своими

Свѣшила небесныи, желѣзце не многу
 Ошѣ дивнаго камня взявѣ силу, намѣ дорогу
 Надежную вѣ безднѣ водѣ показатѣ удобны;
 Небесѣ положеніе на землѣ способный
 Бываетѣ намѣ проводникѣ, и когда спрахѣ
 мучитѣ
 Грубыхѣ пловцовѣ, кормчаго искуснаго учинѣ
 Скрытый камень миноватѣ, иль берегѣ опа-
 сный,
 И вѣ пристанѣ доспичѣ, гдѣ часѣ кончися
 ужасный.
 Недруга догнатѣ, надѣ нимѣ занятѣ вѣпрѣ
 способный,
 И побѣду одержатѣ, вступя вѣ бой удобный,
 Трудѣ не малый. На морѣ, какѣ на землѣ,
 тѣ же
 Начальниковѣ должности: тебѣ еще рѣже
 Спидасѣ трубка и компасѣ, нежѣ спрой и
 осада.
 За краснымѣ судишѣ сукномѣ Адамлевы чада
 Иль правитѣ достойнѣ шотѣ, чьи естѣ со-
 вѣстѣ чиста,
 Сердце кѣ сожалѣнію склонно, и рѣчисла
 Кого деньга одолѣтѣ, ни спрахѣ, ни надежда
 Не сильны; предѣ кѣмѣ всегда мудреѣ и
 невѣжда,
 Богачѣ и нищѣй сѣ сумой, тусна бабѣ рожа
 И краснаго цвѣтѣ лица, пахарѣ и вельможа
 Равны вѣ судѣ, и одна правда превосходна;
 Кого не могушѣ прельститѣ вѣ хитроспяхѣ
 всеплодна
 Ябеда и ея другѣ дякѣ или подъячей;
 Чтѣобѣ чрезѣ руки ихѣ прошедѣ слѣпымѣ не
 спадѣ зричей,

Блюспись долженъ, и самъ знать и листъ и
спраницу,

Что онъ нападенія сильного вдовицу
Соперника можешь спасти, и сиротъ спойну
Успавишь жизнь, предписавъ плутамъ казнь
достойну.

Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ успава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Пепровы,
Кони спали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше
обильный,

Завидимъ врагу, и въ немъ злобу уняшь сильный.
Можешь ли что общать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока
злобно

Ты смѣешься нищеть; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадностьъ крови, плоть въ слугъ швейской одно-
лична).

Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ
жаденъ:

Мощъ почти всегда живешь серебролюбьемъ
сраденъ,

И все законно, онъ мнитъ, что ужъ испо-
щенной

Можешь дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Спала ему золота куча, безъ которой

Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ
скорой.

Арабскаго языка права и законы

Мнящся тебѣ, дикіе Руску уху звонны.

Естьли въ шѣ чины не гождь, скажешь мнѣ, я чаю

Не хуже Клипа носишь ключъ золотой знаю;
 Какія свойства его, какая заслуга
 Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
 Клипа въ постелѣ застать не можешь день
 новой,

Неопшупенъ сохнешъ онъ зѣвая въ крестовой,
 Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
 Коимъ доступъ дозволенъ къ временничьимъ
 ухамъ;

Илишъ оспроуменъ свои слова точно мѣришь,
 Льстишь всякому, никому почши онъ не вѣришь,
 Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весъ не
 рдишь;

Истинная мысль его прилѣжно таишься
 Въ дѣлахъ его; о трудахъ своихъ онъ не шу-
 жишь,

Идучи упрямо въ цѣль; Клипу щастье слу-
 жить.

Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно;
 А у Клипа безъ того нѣчто занять нужно
 Тому, кто въ царскомъ прожилъ домъ жизнь
 ушавилъ,

Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не
 расплавилъ;

Короткой языкъ, лице и радость удобно
 И печаль изображать, какъ больше способно
 Къ пользѣ себѣ по другихъ лицу премѣняясь.
 Чести же будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ
 являясь;

И много смиреніе, и разсудность многу
 Совѣтую при Дворѣ. Лучшую дорогу
 Избралъ, кто правду всегда говоритъ принялся;
 Но и кто правду молчитъ, виновенъ не спался,
 Буде ложью утаишь правду не посмѣемъ.

Щастливѣ, кто средины шой держась умѣетѣ;
Умѣ свѣплый нуженѣ къ тому, разговорѣ прѣ-

ятный,

Учтивость приличная, что даешь родѣ знатный.
Ползати не совѣшую, хоть спеси гнушаюсь;
Всегда того я въ тебѣ искаю опасуюсь.

Словомѣ, много о вещахъ щещныхъ безпо-

койства,

Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свой-

ства.

Исправь себя, и тогда жди дружокѣ награды;
По тѣхъ порѣ, что ты забытъ, не чувствуй

досады;

Пороковѣ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнѣ твоихъ, не прикроешь вышшею сте-

пенью.

Чистѣ бытъ долженѣ, кто шуды не поблѣд-

нѣвъ всходитѣ,

Куды зоркіе глаза весь народѣ наводитѣ.

Но положимѣ, что твои заслуги и нравы

Достойнымѣ являютѣ тя лучшей мзды и славы;

Тѣ, кои оной тебя не право лишаютѣ,

Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютѣ;

А ты не долженѣ судить, судятѣ ли тѣ здраво,

Или самѣ многимѣ себя предпочтешь неправо?

Надѣ всѣмѣ же шому, кто родѣ съ древняго

начала

Ведетѣ, завистѣ какѣ свинѣ узда не при-

спала.

Ещебѣ можно извинить, естли знатный шу-

житѣ,

Видя, что щастье во всемѣ слѣпо шому

служитѣ,

Коего сколь племенъ родъ, столь нравы раз-
вращены,

Ни опечеству добры, ни людямъ прищны;
Но когда проповное видѣвъ въ человекѣ,
Веселился долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвы-
шаетъ

дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Тулѣ
гнусно,

Что какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть
гнусно?

Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала,
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла;
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не
знали,

Думнымъ и Намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ не лзя; да что съ того? они вѣдъ
собою

Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древнѣе вѣки
Твои предки, когда Русь спали крестить
Греки.

И твой родъ не всё таковъ былъ, какъ по-
томъ стался;

Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворя-
нинъ звался,

Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Какъ въ Трифонѣ, Тулѣ былъ, или и по-
хуже.

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому
свиню;

Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ рав-
ныхъ

Проспыхъ земледѣтелей, нравами лишь слав-
ныхъ:

Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣ
Осипавъ дудку, соху; другой попозднѣ.

К. КАНТЕМИРЪ.

XIV.

КЪ ТЕМИРЪ.

Гонимый гнѣвною судьбою
Отъ мѣстѣ, которыя красуются тобою,
Я бывъ, Темира, оплученъ,
И чувствій безъ тебя пріятныхъ я лишенъ.
Во всемъ, что есть прекрасно,
Въ необычности твоей красотѣ ищю напрасно.
Ни малой искры нѣтъ ни въ чемъ того огня,
которымъ воспламенилъ твой милый взоръ
меня.

Что есть прелестнаго, со всемъ тебя равняю,
И то лишь только обрѣтаю,
Что ты ни съ чѣмъ. . . ни съ чѣмъ, Темира,
не равна!

Когда восходитъ ночь на голубомъ престолѣ
И ей сопустствуетъ спокойная луна,
Сіянья пищиной любезна всемъ она;
Но зора крошесью ты всемъ любезна болѣ.

Аврора ясный день когда предвозвѣститъ,
 Струи златыхъ лучей обильно проливая,
 Природа вся тогда въ утѣхахъ утопая,
 Воспоргомъ радостнымъ горитъ.

Меня единаго то чувство не коснется. . . .
 Средь общей радости лишь молваю я спени:
 Милѣй бывало для меня,
 Когда Темира усмѣхнется!

Въ пріятны утѣхъ часы,
 Какъ дня свѣтило на восходѣ
 Живитъ въ проснувшейся Природѣ
 Ея безхитростны красоты,
 Всю тварь увидя обновленну,
 Я уподобилъ бы тогдашнее торжество
 Тому, какъ грусть, твоимъ отсутствиемъ на-
несенну,
 Ты гонишь свѣтлостью прихода твоего.
 Но солнце не всегда пріятно намъ бывашъ

 А ты, сколь долго бы въ бесѣдѣ ни была,
 Гдѣ ты, тамъ всякая бесѣда весела;
 Тамъ нѣтъ мгновенья, утѣхъ чѣмъ не родило.
 И солнце иногда не мило,
 А ты всегда мила.

Не зрящему тебя ни въ чемъ нѣтъ утѣшенья.
 Средь скуки томные влачу, Темира, дни;
 Мнѣ стали тягостны они,
 И по тебѣ поска мнѣ вмѣсто упражненья.

Спыдся иногда я праздности своей,
 Коль обращаюся къ забытой мною лирѣ,
 И духомъ вознесясь превыше пшари всей,
 Узря хранящійся порядокъ общій въ мірѣ,
 Хочу воспѣть боговъ. . . .

Хочу, но мысль одна всѣ мысли побѣждаетъ;
 Безсмертныхъ прославлять не обрѣпаю словъ.
 Коснѣя въ похвалѣ правителей міровъ,
 За сердцемъ мой языкъ всечасно повшоряетъ:
 Та міра божество, кто міръ сей украшаетъ!

*

Безчувственъ я къ предметамъ всѣмъ
 инымъ,
 Красы твои въ душѣ имѣя впечатлѣнны;
 Нѣтъ пищи мыслямъ здѣсь моимъ,
 Во мнѣ и хладенъ духъ и мысли распоченны;
 Темиры гдѣ не зрю, все мертво въ той странѣ!
 Воображеніе погасло и протыло;
 На что бы ни взглянулъ, все для меня по-
 стыло,
 И лиры ужъ моей пропивенъ голосъ мнѣ.

Прости, любезна лира!
 Не мнѣ побой владѣть.
 Гдѣ нѣтъ тебя, Темира,
 Тамъ нечего и пѣть.

Нелединскій.

ПОСЛАНИЕ КЪ И. П. ТУРГЕНЕВУ.

Не шомъ еще, мой другъ, свободной человѣкъ,
 Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечной вѣкъ
 Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ
 дѣла,

Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
 Я разныхъ зрю его невольникомъ спрасней,
 Подъ игомъ праздности спенищаго своей.
 Напрасно въ свѣтѣ онъ разбѣянья желаетъ:
 Свѣтъ, зримой всякой день, его не забавляетъ;
 И между тѣмъ какъ все въ движеніи вокругъ его,
 Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
 Напрасно бы жезломъ какой всеильной Феи
 Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны зашѣи —
 Онъ тысячи бы вновь желаній соплеталъ
 И посреди воды былъ жажденъ какъ Танталъ.
 Того лишь, кто владѣтъ умѣетъ самъ собою,
 Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
 Но всюду слѣдуетъ призванію ея,
 И знаетъ, живучи, всю цѣну жишя;
 Безъ наслажденія минувшя не проходящъ,
 Раскаянья онъ и скуки не приводящъ;
 Любовью истины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечты:
 Искусства, васъ къ себѣ онъ въ помощь при-
 зываетъ;
 Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скры-
 ваетъ;
 Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,

На пользу общую всегда, вездѣ готовѣ;
Онѣ свято чтитѣ родства священные союзы,
И, чтобѣ свободнымѣ быть, пріемлетѣ легки
узы;

Внимательный супругѣ и любящій отецѣ,
Онѣ властью облеченѣ по выбору сердецѣ;
Щастливѣ, что можетѣ быть семейства
благодѣтель:

Что нужды, домѣ тому, иль цѣлой мірѣ сви-
дѣтель.

Таковѣ Эмилій Павлѣ, равно достоинѣ хвалѣ,
Какѣ жилѣ въ семьѣ своей, иль какѣ при Кан-
нахѣ палѣ.

Конечно жребій тѣхѣ достоинѣ удивленія,
Кто поприще честей прошли безѣ умедленія:
Служитѣ отечеству верховный душѣ общѣ!
Нашѣ долгѣ шуда спѣшитѣ, куда оно зоветѣ;
Но естѣли въ множествѣ ревнищелей ко славѣ
Мнѣ должно уступитѣ, уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ только что служитѣ, опчизнѣ награж-
дать.

Изѣ прехѣ сошѣ праздныхѣ мѣстѣ Спаршан-
скаго совѣща

Народѣ ни на одно не избралѣ Педарепа:
„Хвала богамѣ, сказалѣ, народа не виня,
„Есть шриста чловѣкѣ достойнѣ мене!“
Полезнымѣ можно быть, не бывши знамени-
тымѣ;

Срѣщаютѣ шастіе и по шронинкамѣ скрышымѣ.
Сей старецѣ, коего Виргилій восшвалѣ,
Что близѣ Таренша макѣ и розы поливалѣ,
И въ поздну ночь подѣ кровѣ склоняся до-
машний,

Столы обременялъ не купленными брашны,
 Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ,
 И пышныхъ богачей душой превосходилъ.
 Ахъ! можетъ ли привести къ счастью богатство?

Желанье собирать есть болѣе препятство,
 Чѣмъ способъ къ счастью. „Ахъ естьлибъ къ
 кучѣ той
 „Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!“
 Вотъ собирателя одно воображенье;
 Для роскоши его опшверстая душа,
 Всечасно къ новому веселію спѣша,
 Опъ кой прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ,
 И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
 Богатъ, кто, зная свои достаткомъ
 жить,

Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;
 И словомъ, щастливъ тотъ и тотъ одинъ
 свободенъ,
 Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою
 сходитъ,
 Въ сѣннѣ не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
 Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
 Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури умирятъ,
 И скуку житія ученіемъ украшаетъ.
 Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
 Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
 Пріятны старости гошовищъ воспоминанья;
 Съ тобою почерпашъ мы прежде щились
 знанья,
 Щастливы опроки, въ возлюбленныхъ мѣ-
 стахъ,
 Гдѣ вѣночась Москва въ кичивыхъ берегахъ,

Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кри-
сталловъ,
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шу-
валовъ;
Гдѣ, Ломоносова преемля лирный звонъ,
Поповской новой путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ спалъ по немъ ревнишель Роска
слова,
И Паденъ истину являетъ безъ покроя:
Тамъ дружбы сладостной слышали мы гласъ —
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

МУРАВЬЕВЪ.

XVI.

ЛЮБИТЕЛЬ НЫНѢШНЯГО СВѢТА.

Кто хочетъ, тотъ грусти о старыхъ вре-
менахъ,
О вѣкѣ золотомъ, о царствѣи Астреи,
О дняхъ блаженнѣйшихъ Сатурна или Реи,
И нашихъ праотцевъ о щасливыхъ садахъ;
Но я довольствуюсь природы тѣмъ уставомъ,
Который произвелъ меня въ сей грѣшной вѣкъ,
Что столькохъ крикуновъ хулу себѣ навлекъ;
Сей океанной вѣкъ съ моимъ согласенъ правомъ.
Люблю утѣхи я, искусства всѣхъ родовъ;
Люблю довольствіе, и нѣгу прѣшность,
Вкусъ, украшеніе, наряды и ризность:
И кто изъ насъ, друзья, въ желаньяхъ не
таковъ?

Пріятно для моеѣ души пренечестивой
 На роскошь пышную вокругъ себя взирашь.
 Сія полезная изобрѣшеній машъ
 Рукою намъ несетъ, обильной и щасливой,
 И нужды новыя и новыхъ тѣмъ утѣхъ.
 Земное золото, сокровища морскія,
 Воздушны жилища, лѣсные, водные,
 Всѣ служатъ къ роскоши, къ обогащенію всѣхъ.
 О ты, бездѣнный мой и милый вѣкъ желѣзной!
 Излишнее у насъ, спавъ нуждою полезной,
 Свело и сблизило теперь концы земли;
 Мы имъ познали власть торговаго закона.
 Взгляните на сіи плывущіе корабли:
 Они изъ Лондона, Текселя, Лиссабона
 Летятъ искать вдали, надежды на крылахъ,
 Богатства новаго на Ганговыхъ брегахъ;
 Межъ тѣмъ какъ, побѣдя суровость Мусуль-
 мановъ,
 Французы винами поятъ самихъ Султановъ.
 Когда въ младенчествѣ своемъ еще былъ свѣтъ,
 Тогда въ невѣжествѣ дни люди провождали.
 Они различія межъ *твоей* и *моей* не знали:
 Но лѣзя ли знать его, гдѣ собственности нѣтъ?
 Гдѣ нѣтъ имѣнія, дѣлишься шамъ напрасно.
 Тамъ были наги всѣ — ни мало не прекрасно.
 И были презвы всѣ — о! я увѣренъ въ томъ;
 Тогда Шампанскаго не знали за споломъ.
 Пріятнаго вина и пѣнистаго сила
 Засохшихъ языковъ тогда не щекошила.
 И шокъ и золото безвѣстны были имъ;
 Дивисься для сего намъ праотцамъ своимъ?
 Они не вѣдали избытка, ни искусства.
 Гдѣжъ добродѣтели, гдѣ превосходны чувства?
 Одно невѣжество тому причиной ихъ.

Произведенія и вкуса и наукъ.
 Наружный онаго порядокъ украшаетъ
 Работа пысячи художественныхъ рукъ,
 Рисунки нѣжныя и кисть картинъ волшебна
 Пуссеня славнаго, Кореджа несравненна,
 Блистаютъ въ золотѣ великолѣпныхъ рамъ.
 Вотъ Бушардоновой руки произведение,
 А это серебро Жермень работалъ самъ;
 Обои на стѣнахъ обманываютъ зрѣнье:
 Здѣсь Гобеленовы игла и красокъ цвѣтъ
 И саму живопись искусствомъ превышаютъ;
 Блещащи зеркала въ простѣнкахъ повторя-
 ютъ

И кажутъ двадцать разъ единый вдругъ пред-
 метъ.

Въ окошко вижу садъ: тамъ всюду взоръ встрѣ-
 чаетъ

Бесѣдки миршвы, дорожки по кустамъ,
 И воды межъ куртинъ, бѣючи къ облакамъ.
 Но вотъ и господинъ, я слышу, выѣзжаетъ
 Въ каретъ щегольской, которой пышный видъ
 Подобенъ кажется кающемуся дому,
 Полупрозрачному и ярко-золотому;
 Онъ небрежливо въ ней раскинувшись сидитъ;
 Мчатъ лошади его, и гордыя и спашны;
 Рессоры гибкія, храня его покой,
 Качаютъ бережно по прясной мостовой.

Не въ банюль ѣдетъ онъ? тамъ мази аро-
 мажны

Умножатъ бѣлизну и красоту его.
 Опшоль онъ скачетъ въ часъ свиданья своего,
 Любовью въ щастливой увѣнчанный судьбинъ,
 Къ пріятной Катенькѣ, къ Парисѣ, Каролинѣ;
 Или спѣшитъ узрѣть волшебную страну,

Гдѣ сила нѣжнаго, прелестнаго искусства,
 Прельщая зрѣніе, прельщая умъ и чувства,
 Изъ разныхъ сна ушѣхъ составила одну;
 Онѣ новой Оперой шамъ вдеи ушѣшась,
 Освистывая Рамо и Глукомъ восхищаются.
 Пойдемте ужинашь — шамъ нѣжныхъ, вку-
 сныхъ блюдъ

Плѣнимся запахомъ, для вкуса совершеннымъ.
 Сколь поваръ кажется мнѣ смертнымъ драго-
 цѣннымъ!

Климена, Хлоя лютѣ лилейной мнѣ рукой
 Нектаръ, котораго спѣсненнѣй духъ и пѣна,
 Со прескомъ свободась, обрызгивая всѣхъ,
 Звѣздами, искрами, шипя, летяи изъ пѣна.
 Всѣ вздрогнули смѣясь — и пробка скачати
 вверхъ!

Въ кипищемъ, въ пѣннстомъ сего вина спре-
 мленѣ

Живое юности я зрю изображение;
 А завтра новыя ушѣхи зрю себѣ,
 И новы ужины, и новое блаженство.

Теперь превозноси, какъ хочешь, совершен-
 ство;

Премудрой Телемакъ, своей Иппаки мнѣ;
 Салента своего гордись теперь сѣннемъ,
 Гдѣ жили его, съ печальнымъ ихъ лицомъ,
 Имѣнемъ бѣдные; богаты воздержаньемъ,
 Надѣясь все имѣшь, нуждающа во всемъ.

Я слога пвоего прельщаюсь красотою,
 Но щастіемъ твоимъ себя не восхищаю;
 Нейду въ Ишаку я искашь земнаго раю:
 Гдѣ я теперь живу, тамъ мой и рай земной.

Д. БАРАНОВЪ.

XVII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДВУМЪ ДѢВИЦАМЪ.

Любезныя друзья! о милыя Анюшты!
 Вы, кои всякой день, всякъ часъ и всѣ минуты
 Взаимной дружбою питаеши себя!
 Ахъ! будьте щастливы, другъ друга вѣкъ
 любя!

Но можно ли одной вамъ дружбой наслаждаться?
 Нѣтъ, милыя мои, не можете это снаться:
 Всѣмъ смертнымъ сердце съ тѣмъ Природою
 дано,

Чтобъ и любовію пылало въ нихъ оно:
 На цѣло естество я въ томъ могу сослаться:
 Безъ дождика земля не можетъ раствориться;
 Мы видимъ, за волной и въ морѣ валъ бѣжитъ;
 И въ рѣчку ручеекъ теченіе стремишь;
 Замерзлая рѣка безъ солнышка не таетъ;
 Прелестну лилію Зефиръ въ саду лобзаетъ;
 И нѣжна пѣночка и громкой соловей,
 Всѣ пички хоть покои въ неволѣ у людей,
 Но можешь такъ имъ пѣть однимъ и въ
 тѣсныхъ кліткахъ,

Какъ весело поютъ съ подругами на вѣткахъ?
Прелестный Димитрева и спрастный голубокъ
Безъ миленькой своей голубки жить не могъ;
Рѣзвѣ бабочка межъ розъ въ саду порхаетъ,
Когда въ нихъ мотылька веселаго встрѣчаетъ:
Лишь только встрѣвшись, сплетаются, ле-
сятъ,

И вмѣстѣ на цвѣткѣ или на кусту сидятъ.
Когда отъ спада въ лѣсѣ овечка забѣгаетъ,
Блещущимъ тогда барашка призываетъ;
И вышедъ изъ лѣсу, его близъ рѣчки зрѣтъ —
Головку приподнявъ, съ веселіемъ бѣжитъ.
И словомъ, на землѣ, въ водахъ, во всей все-
ленной,

Все любитъ, все горитъ любовью совершенной.
Похвальна дружба въ васъ, но дружба лишь
одна

Безъ пламенной любви для сердца холодна.
И такъ вы дружески въ душѣ своей пищайте,
Но, милые мои! любви не презирайте.
Ахъ! естълибъ вамъ на мысль когда нибудь
пришло

Умножить хоть однимъ друзей своихъ число,
Охотно бы я былъ одной изъ васъ супругомъ,
Супругомъ пламеннымъ — другой бы нѣжнымъ
другомъ.

А естъли мало трехъ, чѣмъ весело намъ
жить,

Четвертаго легко намъ будетъ уловить,
Богатство, почести, повѣрьте, щастье ложно;
Съ любовью, съ дружбою лишь щастливо жить
можно.

К. Т. Хованской.

КЪ И. И. ДМИТРИЕВУ.

Ты правъ, мой милой другъ! всѣ наши спиходби

Слезливой лирою прославиться хотяшъ;
 Все голубки у нихъ къ красавицамъ лепяшъ,
 Все вьюшся ласпочки, и все однѣ зашъ;
 Всѣ хнычущъ и ревушъ, и мысль у всѣхъ
 одна:

То вдругъ представился луна
 Во блѣднопалевой порфирѣ;
 То онъ *одинъ остался въ мѣрѣ*;
 Нѣтъ милой! нѣтъ драгой! ... она погребена
 Подъ камнемъ сѣрымъ, мшистымъ!
 То вдругъ — подъ дубомъ тамъ вѣшвислымъ
 Сова уныло закричъ,
 Завоешъ сильной вѣтръ, любовникъ побѣжитъ,
 И слезка на струнахъ родится;
 Тутъ восклицаній тѣма и почекъ появился!
 Нѣтъ нужды до того. Онъ мыслитъ, что
 уменъ,

И что Пѣишомъ бытъ на свѣтѣ произведенъ;
 Что онъ съ Державинымъ, съ тобой равняшъ
 ся можетъ;

Что съ зависти къ нему и Спернъ нашъ
 пальцы гложетъ.

О плаксы бѣдные! жалка мнѣ участь ихъ!
 Они совсѣмъ того не знаютъ,
 Что гдѣ парятъ орлы, тамъ жуки не лежатъ.

Не крючковаѣа мысль ипворитѣ прекраснымѣ
стихѣ,
Но плавность, чистота, души и сердца чув-
ство :
Вотѣ спихотворцевѣ въ чемѣ прямое есть
искусство!
Намѣ можно подражать, не портя слогѣ дру-
гихѣ.

Такѣ Геснерѣ подражалѣ Бѣону ;
Такѣ ты, любезный нашѣ пѣвецѣ,
Вѣ слѣдѣ шествуя Анакреону,
Отѣ Грацій получилѣ вѣнецѣ !
Такѣ хвальну пѣснь поетѣ нашѣ Бардѣ Фели-
цѣ, Богу !

Такѣ милой, нѣжной Карамзинѣ
Вѣ храмѣ вкуса проложилѣ дорогу ;
И такѣ отечества усердной, вѣрной сынѣ,
На звучной лирѣ намѣ бряцаѣ,
Херасковѣ бранѣ воспѣлѣ, Омиру подражаѣ.
О естѣлибѣ Бардовѣ сихѣ я славной дарѣ имѣлѣ,
И всѣхѣ пѣвца сердца подобно имѣ умѣлѣ,
Тогдабѣ прославилѣ своей вездѣ я лирой !
Но я молчу — и имѣ не смѣю подражать ;
Живу я съ дружбой и съ Темирой ;
Для нихѣ единственно желаю я писаѣ.
Коль милая моя чистая улыбнешѣ,
Коль нѣжной другѣ души похвалилѣ пѣснь
мою ,

Когда я пламень мой и дружбу воспою :
То сердце съ радости забьешѣ !
То я доволенѣ и блаженѣ !
Коль милѣ Темирѣ я — шо щедро награжденѣ !
Пушкинѣ.

XIX.

КЪ ЛАУРѢ.

Весна моихъ проходишь дней,
Она пройдемъ — не возвратишься...
Когдажъ душа твоѣмъ чувствомъ на-
сладишься,

Которое одно открышь способно ей
Великость бытія — природы совершенство?
Гдѣ сердца моего блаженство?
Ужель Богъ милостей для бѣдствій насъ со-
здалъ?....

Я радостей любви не зналъ!
Я зналъ въ любви — одинъ спаданья;
Я чувствовалъ — одинъ желанья...
Ужель законъ любви: нашуру заглушать?
Бороться съ сердцемъ ежечасно?
Источникъ радостей спараться изпреблать,
И жить съ собой согласно

Во гробъ лишь начать?
Ужель законъ любви — съ любовію сражаться?...
Когдажъ — когда я буду наслаждаться?
Лауру создалъ Богъ для счастья моего...

Лаура! безъ тебя я сердца въ своего
Не зналъ — не чувствовалъ всѣхъ тайныхъ
благъ его.

Такъ бѣдный, отъ судьбы забвенный,
Безъ чувства зрѣнія рожденный,
Находишь мракъ одинъ — въ свѣтилахъ, въ
небесахъ,
Хаосъ — природы въ лучшихъ красотахъ.

Лаура, ты собой мнѣ новый мѣръ открыла!
 Но чѣмъ за спросъ твою любовь вознаградила?
 Въ слезахъ цвѣтѣхъ счастья твоего увялъ!
 Я радостей любви не зналъ!....

Гдѣжъ радости мой? Гдѣ ихъ судьба со-
 крыла?

Ужель Творецъ свое творенье позабылъ?

Ужель Творецъ свои дары всѣ истощилъ?

Ужель и одного спрадальца — Богъ,
 Чья власть колеблетъ всей натурой,
 Собою оградишь отъ горестей не могъ? — —

Комужъ я жертвовалъ Лаурой,
 Которую Онъ самъ любилъ мнѣ повелѣлъ,
 Съ которой я хопѣлъ

Дѣлиться существомъ, жить жизнью одною,
 Которую отвыкъ я различать съ собою,
 Съ которою никто ни въ сердца добротѣ,
 Ни въ силѣ чувствъ равняться не по-
 смѣетъ,

Которая одна, одна любилъ умѣетъ?

Комужъ я жертвовалъ? — Мечтѣ!....

Мечта, мечта воображенья;

Но, Богъ чувствительныхъ сердецъ!

Гдѣ — гдѣ твои вознагражденья?

И гдѣ спрадальческой вѣнецъ?

Отдай Лауру мнѣ, мечта или добродѣтель?
 Гдѣ счастье мое? Кто дѣлъ моихъ свидѣ-
 тель?....

Лаура! для тебя пожертвовать тобой!

На упренней зарѣ отъ жизни отказаться!...

И сердце осудить — знать мертвой лишь покой!..
 Когдажъ — когда я буду наслаждаться?

Ужель во цвѣтѣхъ лѣтѣхъ мнѣ сердце улаждать
 Однимъ воспоминаньемъ?

И упомянному спраданьемъ

Уже ли цѣлой вѣкѣ — желать? ...

Лауры самое дыханье

Въ себѣ я живо сохраняю,

И груди спраспной колебанье

Въ глазахъ моихъ живошворю. . . .

Но гдѣжъ она? но гдѣжъ Лаура?

Ахъ! лучшебъ опияла совсѣмъ ее Натура!..

Тогда легкобъ я могъ кольцо переломить!..

Теперь — живой мертвецъ — я долженъ, дол-
 женъ жить! . . .

Когда — когда окончатся желанья?

Гдѣ горестей моихъ конецъ?

Когда окончатся спраданья?

И гдѣжъ спрадальческой вѣнецъ?

Гдѣ сердца моего другая половина?

Гдѣ та, кою душа

Блаженство жизни сей открыла?

Кто возвратитъ блаженство мнѣ? —

Могила!

Но за могилою, въ сей таинственной пещи,

Ужели все запылится?

Ужель, какъ часть земнаго существа,

На вѣкѣ по сердце истребится,

Въ которомъ находилъ я отблескъ божества?

Гдѣ будетъ сила та, кою могла

Склонить — отъ счастья сердце отпасться?

Которая сказать: не буду наслаждаться!

Его принудить возмоща?

Но гдѣжъ замѣна наслажденій?
 Гдѣ царства горняго общованный храмъ?
 Гдѣ сердцу ждашь вознагражденій?
 Воззри на небо!... Тамъ!

В. Филимоновъ.

XX.

У ЕДИНЕНІЕ.

Идиллія.

Тирсисъ! пора, пора любить уединенье!
 Свѣшило нашихъ дней на западъ свой печетъ;
 Нашъ полдень пролетѣлъ, и времени спремленье
 Невидимо во гробъ рабовъ своихъ влечетъ.

✱

Довольно нашъ корабль носился межъ волнами;
 Довольно яросль бурь въ пучинѣ жизни сей
 Играла слабыми, несчастными пловцами:
 Пора намъ въ приспани искашь спокойныхъ
 дней!

✱

Надежда на дары форшунъ переменной
 Слабѣй чѣмъ на песокъ при вихрѣ легкой слѣдъ;
 Любимецъ, ласками невѣрной вознесенной,
 Скорѣ подъ ея ударами падетъ;

✱

И кедрѣ , гордящійся подоблачной главою ,
Скорѣй чѣмъ гибка просѣхъ дробится громомъ
въ прахъ ;
Чертоговъ земныхъ Владыкъ присясѣхъ подъ
грозою ,
Но кровля пастуха безвредна и въ громахъ .

Блаженъ, кто почестей ничтожныхъ не жа-
 луетъ,
 Который мертвахъ свободу и покой!
 Довольный шѣмъ, что есть, онъ жизнь благос-
 ловляетъ,
 И счастья ложный блескъ зоветъ одной мечшой.

Умѣя укрощатиъ спрасней своихъ волненіе,
Онѣ въ тихомъ щастіи проводитъ сельской
годъ;
Опцовскіе луга — вопѣ все его владѣніе;
Шалашъ — его чертогъ; спада — его народъ.

Пускай мудрецы узнать спремится ходъ При-
роды;
Пусть смѣлый Астрономъ дасть законъ
звѣздамъ!
Онъ сердца въ простотѣ предвидишь непо-
годы,
Чтобъ только отвращишь грозящій вредъ по-
лямъ.

Емულъ завидовать богатыхъ скучной долѣ?
Довольно знашь ее, жалѣшь объ ней въ меч-
тахъ!

Смотри, какъ онъ спѣшитъ на трудъ полез-
ный въ поле:

Награда осени блеснитъ въ его очахъ.

✱

Всегда умѣренный, всегда трудолюбивый,
Онъ тяжестью плодовъ корзины бременитъ;
Подъ острою косою златая клонитъ нивы —
О чемъ же болѣ боговъ ему молишь?

✱

Отъ Неба одаренъ чувствительной душою,
Спрашиси робку лань въ родныхъ ея лѣсахъ
Невинно погубить безжалостной рукою,
Иль горлицу спенать заставить ошпенцахъ.

✱

Подъ кровомъ хижины родительской, безвѣ-
стной,
Въ жилищѣ щастія, гдѣ съ самыхъ нѣжныхъ
лѣтъ
Въ свободѣ милой цвѣлъ и простотѣ любезной —
Счисленье мирныхъ дней по жатвамъ онъ ведетъ.

✱

По дерзостнымъ валамъ спихи развѣренной
Не мчится съ вѣтрами въ далекія страны,
Сбирашь сокровища изъ алчности презрѣнной,
Которыя ему природой не даны.

✱

Спокойно сморщивъ онъ — какъ мѣтжею
волненье,
Крамолы бурный духъ колеблютъ жалкой свѣтъ;
Какъ непрестанное форшуну обольщенье
Къ престолу — одного, другого — въ гробъ
ведетъ.

*

Не нужны для него надменные палаты,
Гдѣ пурпуръ, золото и мраморъ шѣшатъ
взоръ;
Природы — матери черпками богатыи,
Онъ дѣлитъ съ ней опрадъ и радостей соборъ.

*

Послѣдуй мнѣ, Тирсисъ! сѣдиной умощенный,
Я знаю жизни ходъ по опытамъ своимъ;
Оставимъ шумный свѣтъ, спростямъ порабо-
щенный,
И западъ нашихъ дней покоемъ усладимъ!

*

Довольно мы гнали за суешной мечтою!
Довольно слышали ничтожной славы звонъ!
Не лучше ли дни вести съ безпечною душою?
Что значить слава? — дымъ! Что счастье
наше? — сонъ!

*

Уединеніе! о другъ души бездѣльный!
Обищель радостей, какихъ не знаетъ свѣтъ!
Страдалецъ, и людьми и рокомъ угнетенный,
Въ тебѣ надежное пристанище найдетъ!

Мещевскій.

П Р О Т Е Й,

и л и

НЕСОГЛАСІЯ СТИХОТВОРЦА.

Ты хочешь, чѣшбъ Поэтѣ всегда одно лишь
мыслилѣ,
Всегда одно лишь пѣлѣ: безумный человекѣ!
Скажи, кѣо образы Пропеевы изчислилѣ?
Таковѣ пищомецѣ Музѣ, и былѣ и будещѣ
вѣкѣ.

Чувствительной душѣ не сроднолѣ измѣняться?
Она мягка какѣ воскѣ, какѣ зеркало ясна,
И вся природа вѣ ней сѣ опѣнками видна.
Не льзя ей для тебя *единою* казаться
Вѣ *разнообразіи* естественныхѣ чудесѣ.
Взгляни на свѣшлый прудѣ, едва, едва спру-

имый

Дыханьемѣ вѣперка: вѣ сѣю минушу зримы
Вѣ немѣ яркѣй Фебовѣ свѣтѣ, чистѣйшѣй
сводѣ небесѣ

И дерзостный орелѣ, горѣ одинѣ парящѣй;
Кудрявые верхи развѣсистыхѣ древесѣ;
Вѣ сѣни ихѣ пастушокѣ сѣ овечкою стоящѣй;
На вѣтви голубокѣ сѣ подружкою своей
(Онѣ дремлетѣ, подѣ крыло головку спрятавѣ
кѣ ней) —

Еще минута... вдругѣ совсѣмѣ иная сцена:
Сокрыли облака вѣ кристаллѣ Фебовѣ зракѣ;
Тамѣ спелешся одинѣ волнистый, сизый мракѣ,
Вѣ душѣ любимца Музѣ такаяжѣ перемена
Бываетѣ каждый часѣ: чѣо видитѣ, то
поетѣ.

И всѣмъ умѣя бытъ, всѣмъ бытъ перестаетъ.
Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣшу-
щихъ

Гуляя, видитъ онъ природы красоты,
Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, по-
ющихъ:

Тогда въ душѣ его рождаются мечты
О *вѣкъ золотомъ*, въ которомъ люди жили
Какъ братья и друзья, пасли свои стада,
Пилились ихъ млекою; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, по *чувству* добры были,
А болѣе всего . . . рѣзвились и любили!

Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлю своей
Изъ шума городовъ зовещъ въ поля людей.
„Оставьте, говоритъ, жилище скуки томной,
„Гдѣ все веселіе въ припворещѣхъ состоишь;
„Гдѣ вы находите единый ложный видъ
„Утѣхи и забавъ. Въ сѣни природы скромной
„Душевный, сладкій миръ съ веселостью живешь;
„Тамъ счастье на лугу съ фіалками цвѣтешъ,
„И смотришься въ ручей съ паспущкою пре-
красной.

„О счастье въ городахъ лишь только говоришь,
„Не чувствуя его; въ селѣ обѣ немъ молчаешь,
„Но съ нимъ проводишь вѣкъ, какъ день ве-
сенній ясной,
„Въ невинности златой, въ сердечной про-
стотѣ.“

Когдажъ глазамъ его явился блескъ искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:
Великолѣпный градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствіемъ ума премудро согласенныхъ,

И къ благу общества закономъ обращенныхъ :
 Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
 Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ ;
 Машина хитрая, чудесное сдѣленье
 Безчисленныхъ колесъ ; ума произведение,
 Но, не смотря на то, загадка для него !
 Тогда пѣвецъ села, въ восторгъ удивленья,
 Забывъ свирѣль, беретъ для гимна своего
 Златую лиру, пѣтъ успѣхи просвѣщенья :
 „Что былъ ты, человекъ, съ природою одинъ ?
 „Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
 „Лишь въ обществѣ ты спалъ природы вла-

стелинъ,
 „И въ первый разъ взглянулъ на небо горде-

ливо,
 „Взглянулъ, и прочиталъ тамъ славный жре-

бій свой :
 „Былъ въ мѣрѣ семь царемъ, твореній
 главой.

„Лишь въ обществѣ душа твоя себя сказалась,

„И сердце начало съ сердцами говорить ;

„Одна во слѣдъ другой идея развивалась,

„И скоро обняла вселенную ихъ нишь.

„Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,

„И мнимый вѣкъ златой, вѣкъ лѣни, дѣш-

ства, сна,
 „Безславенъ для тебя, хотя въ стихахъ и

слаенъ.
 „Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна :

„Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились ;

„Лишь тамъ художества съ науками роди-

лись —
 „И первый въ мѣрѣ градъ былъ первымъ пор-

жествомъ

„Даровъ, вліянныхъ въ насъ премудрымъ Бо-
 жествомъ.
 „Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая добродѣ-
 тель
 „Себѣ воздвигла храмъ: Сократъ въ Аѳинахъ
 жилъ,
 „И въ Римѣ Нума Царь, своихъ страстей
 владѣтель,
 „Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.
 „Не пошлъ Герой добра, кто скрылся отъ
 порока,
 „Отъ искушенія, измѣнъ, ударовъ рока,
 „И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвюю душой,
 „Но пошлъ, кто былъ всегда примѣромъ для
 людей,
 „Среди безчисленныхъ опасныхъ препикновеній
 „Какъ мраморный колоссъ незыблемо стоялъ,
 „Стезю правды шелъ во мракъ заблужденій,
 „Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь по-
 бѣждалъ.
 „Такъ кормчій посреди морей необозримыхъ
 „Безъ страха видя въ гробъ *волнистый* предъ
 собой
 „И слыша въ грозный ревъ пучинъ неизмѣри-
 мыхъ:
 „Тамъ гибельная мѣль, здѣсь камни подъ водой;
 „Но съ каршою въ рукахъ, съ магнитомъ
 предъ очами,
 „Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ вол-
 нами,
 „И къ пристани спѣшитъ, гдѣ ждетъ его
 покой.“ —
 Въ сей хижинѣ живетъ питомецъ Эпиктета,

Который, изшребивъ — чувствительность въ
себѣ,

Надежду и боязнь, прешалъ служить судьбѣ
И бытъ ея рабомъ. Сѣи царица свѣта
Опяты, ни дашь ему не можетъ ничего:
Ничто не веселишь, не прогаешь его;
Онъ ко всему готовъ. Предсавъ конецъ все-
ленной:

Небесный сводъ прещишь; огромные шары
Лепишь съ своихъ осей; въ развалинахъ мѣры...
Симъ спрашнымъ зрѣлицемъ мудрецъ не
успрашенной

Покойно бы сказалъ: „миѣ время отдохнушь,
„И въ гробѣ естества сномъ вѣчноспи за-
снушь!“

Позъ предъ нимъ свои колѣна преклоняешь,
И полубога въ немъ на лирѣ прославляешь.
„Великая душа! что мѣрѣ сей предъ тобой?
„Горсть пыльных земли. Кто повелитель твой?
„Самъ Богъ — или никто. Ты нужды не
имѣешь

„Въ подпорѣ для себя: тверда сама собой.
„Безъ счастья бытъ всегда щастливою умѣешь,
„Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
„Оно безъ глазъ, а щы безъ глазъ и для него;
„Смѣешься иль грозить, не видишь ничего.
„Пусть карлы будущъ имъ велики или славны;
„Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пу-
стой;

„Въ величїи своемъ они съ землею равны;
„А щы равна ли съ чѣмъ? съ единою собой!“
И шокъ ниспѣю, съ шѣмъ самымъ же иску-
спвомъ

Сей нравственный Апелль распишетъ сла-
бость вамъ,

Для Споиковъ пороковъ, но сродную сердцахъ
Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣж-
нымъ чувствомъ. . . .

Ахъ! слабость жить мечтой, отъ рока
ожидашь

Всего, что мыслямъ льститъ — надѣяль-
ся, бояться,

Отъ удовольствія и страха препешать,
Слезамъ радости и скорби обливаться! . . .

„Хвалитесь, мудрецы, безспасиѣмъ своимъ,

„И будьте камнями на зло самой природѣ!

„Чувствительность! люблю я быть рабомъ
твоимъ;

„Люблю предпочитать зависимость свободѣ,

„Когда зависимость есть дѣйствіе твое;

„Свободажъ дѣйствіе холодности безпечной!

„Кому пойду открытъ спрдачаніе мое

„Въ часъ люпыя тоски и горести сердечной?

„Тебѣ, Зенонъ? чтобъ ты меня лишь осу-
дилъ,

„Сказавъ, что виненъ я, не властвуя собою?

„Ахъ! кто несчастія въ сей жизни не вкусилъ,

„Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою

„И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья
нѣтъ;

„И рѣдко человекъ, который вѣчно твердъ,

„Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пойду съ
слезами,

„О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;

„По чувству, опыту извѣстна горестъ вамъ.

„Къ спрдавшимъ спраждающій довѣренность
имѣетъ:

„Кто падалъ, потѣ другихъ поддерживае
умѣетъ.

„Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій еимѣамъ. . . .

„Молишва общая до Вышняго доходна ;

„Молишва общая дѣшею Ошцу угодна :

„Онѣ исполненіе съ любовью изречетъ ;

„Зефиръ съ небесъ для насъ вѣстѣ сладкую
снесетъ ;

„Опчаянія мракъ надеждой озарится ,

„И мерпвый кипарисъ чудесно разцвѣстетъ ;

„Кто былъ несчастливъ , вдругъ отъ щастья
прослезится. “

Богатство , санъ и власть ! не ищете васъ
Поэтъ ;

Но бытъ хотя на часъ предметомъ удивленія

Милѣ для него земнаго поклоненія

Безчисленныхъ рабовъ ; ему вѣнокъ простой

Дороже , чѣмъ вѣнецъ блистательной злашой.

Съ какоюжъ ревностью онѣ славу прославляетъ ,

И шѣмъ , что любитъ самъ , сердца другихъ
плѣняетъ !

Съ какою ревностью онѣ служилъ эхому ей ,

Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая !

Сынъ Фебовъ былъ всегда хранишель олшарей ,

На коихъ , память душъ великихъ обожая ,

Попомощью еимѣамъ безсмертію курилъ.

„Все плѣнно въ мірѣ семъ , жизнь смертныхъ
скоропечна ,

„Минулы радости , но слава долговѣчна :

„Живите для нее ! “ въ воспорѣ онѣ гласитъ :

„Доспойна жизни цѣль , доспойна жертвъ на-
града.

„Мудрецъ ! ищи ее , шрудясь во тѣмъ почей :

„Да искрой истинны возженна лампада

„Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ для людей
„Источникомъ оправдъ! Творецъ благихъ за-
коновъ!

„Трудись умомъ своимъ для щасья милліо-
новъ!

„Отдай отечеству себя и жизнь, Герой!

„Дѣла вѣсь покоя нѣтъ; но естъ попомство,
слава;

„Испоря́ дя вась подѣмлепѣ грифель свой.

„Вы жертвой будете всемірнаго усташа,

„Низвидете во гробъ, но только для очей :

„Для благодарныхъ душъ дни ваши безконечны;

„Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:

„Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косою своею.

„Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,

„Которыхъ нѣтъ еще шеперь и колыбели,

„Вашъ будущъ знашь, любить, усердно про-

СЛАВЯТЬ,

„Какъ геніевъ земли счишашъ полубогами,

„И клясья вашими святыми именами!“

Тако́ свойспивенно пѣвцу о славѣ воспѣвать;

Но часто видя, какъ сердца людей коварны,

Какъ души низкія все любящъ унижающъ,

Какъ души слабыя въ добръ неблагодарны;

Онъ въ горести гласишъ : „о слава! ты мечта,

„И лишь вдали свои призраки свѣпозарны;

„Теряется вблизи ихъ блеснѣ и красота.

„Могу ли отъ того я быть благополученъ,

„Что скажешь обо мнѣ народная молва?“

„Счастливоль сердце пѣмъ, что въ лаврахъ

голова ?

„Великій Александръ себѣ былъ въ славѣ скупѣ

ченъ ;

„И въ чашѣ Вахтовой забвенія искалъ:

- „Хвалы ораторовъ Аѳинскихъ онъ желалъ;
 „Но острые умы его пересмѣхали:
 „Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ называли.
 „Ахъ! люди таковы: въ божественныхъ ду-
 шахъ
 „Лишь сморятъ на пороки, изящнаго не ви-
 дятъ;
 „Великихъ любятъ всѣ . . . въ романахъ, на
 словахъ,
 „Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненави-
 дятъ.
 „Для щастія вѣковъ трудись умомъ своимъ:
 „Въ награду прослывешь мечтателемъ пу-
 стымъ;
 „Будь мудръ, и жди себѣ однѣхъ насмѣшекъ
 злыхъ.
 „Глупцамъ пріятнѣе хвалятъ себѣ подобныхъ,
 „Чѣмъ умныхъ величаютъ; глупцовъ же по-
 лонъ свѣтъ.
 „Но справедливость намъ потомство от-
 даетъ!
 „Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потом-
 ковъ?
 „Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
 „Не будешь чувствовашъ, что скажешь о
 тебѣ. —
 „Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто судьбѣ
 „За сей *нималый* звонъ опдасъ изъ до-
 брой воли
 „Спокойствіе души, блаженство тихой доли!
 „Не знаешь щастія, не знаешь потѣ людей,
 „Кто ставитъ ихъ хвалу предметомъ жизни
 всей!“ —

Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ собою не-
согласенъ,

Какъ въ пѣсняхъ о любви? То щастіе она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;

То милъ ей законъ, то гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелестъ, жизнь чувствительныхъ
сердецъ;

Онажъ въ Поэзіи начало и конецъ.

Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъбы человекъ.

Прощаясь съ ея эфирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается на вѣкъ —
Или стихи его теряющъ цвѣтъ и сладость;
Златое время ихъ есть только наша младость.
Внимай: Эрошовъ другъ съ веселіемъ поетъ
Щастливую любовь: „какъ солнце краситъ
свѣтъ

„И мѣръ физическій огнемъ одушевляетъ,
„Такъ мѣръ чувствительный любовію живетъ,
„Такъ нѣжный огонь ея въ немъ душу согрѣ-
ваетъ.

„Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;

„Училищемъ ея бываетъ колыбель,

„И въ самой спаросси, у самыхъ могилъ

„Ея безцѣнные воспоминанья милы.

„Когда для тайныхъ чувствъ своихъ пред-
метъ найдемъ,

„Тогда лишь прямо жить для щастія начнемъ;

„Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.

„Какъ *первый* человекъ, печально вкусивъ

„Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жажду упо-
ливъ,

„Увѣрился, что есть *потребность*, насла-
жденье,

„Узналъ ихъ связь , предметъ : такъ юный
человѣкъ ,

„Любимый въ первый разъ , увѣренъ въ томъ
душею ,

„Что созданъ онъ любить , жить съ милою
своею ,

„Составилъ съ ней одно — или помирится
въѣкъ .

„Блаженная чета ! . . какая кисть опишетъ

„Тотъ радостный восторгъ , когда любовники
слышатъ

„Слова : люблю ! твоя ! . . . одинъ сей рай-
скій мигъ

„Завиднѣе ста лѣтъ , счастливо проведенныхъ

„Безъ горя и бѣды , въ избыткѣ благъ зем-
ныхъ !

„Все мило для сердецъ , любовью упоенныхъ ;

„Гдѣ тернѣе другимъ , тамъ розы имъ цвѣтутъ .

„Въ пустынѣ , въ нищетѣ любовники жи-
вутъ ,

„Для нихъ равно ; вездѣ , во всемъ судьбой до-
вольны .

„Неволя самая имъ кажется легка ,

„Когда и въ ней они любятъ другъ друга
вольны .

„Ахъ ! жертва всякая для нѣжности сладка .

„Любовь въ терпѣиѣ находитъ утѣшенъе ,

„И въ вѣрности своей за вѣрность награж-
денъе .

„Надъ сердцемъ милымъ власъ милѣ всѣхъ
власей .

„Вздыхаетъ иногда и лучший изъ Царей :

„Всегда ли можетъ онъ намъ властїю своею

„Блаженство даровать? Въ любвижъ всегда
мы ею

„И сами счастливы, и счастье даемъ;

„Словами, взорами, слезой, улыбкой, — всѣмъ.

„Минуша съ милою есть вѣчность наслаж-
денья,

„И вѣкъ покажется минутой восхищенья!“

Гакъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ го-
лосъ свой,

Изъ тихо-нѣжныхъ струнъ дрожащею рукой

Иные звуки онъ для сердца извлекаетъ . . .

Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ вни-
маетъ:

„Я вижу юношу примѣрной красоты;

„Любовь, сама любовь его образовала;

„Она ему сей взоръ небесный даровала,

„Сѣи прелестныя любовности черты.

„Для счастья созданъ онъ, конечножъ вы
сказали;

„Но помень видъ его, и черныи крепъ пе-
чали

„Темнитъ огонь въ глазахъ. Онъ медленно
идетъ

„Искашь, не алыхъ розъ среди луговъ весен-
нихъ —

„И льшо пропекло; цвѣтовъ нигдѣ ужъ
нѣтъ —

„Но горестныхъ картинъ и ужасовъ осеннихъ

„Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валился желтый
листвъ

„На желтую траву, гдѣ слышенъ вѣтровъ
свистъ

„Между сухихъ деревъ; гдѣ льшомъ ппички
пѣли,

„Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣли:

„Тамъ юноша стоишъ надъ шумною рѣкой;

„И зри печальный гробъ природы предъ собой,

„Такъ мыслишъ: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*

„Цвѣло для глазъ; теперь уныло, померкнѣло! . . .

„И н. душою цвѣла, и н. для счастья жила!

„Теперь на вѣкъ увяла, и съ счастьемъ *просидѣла!*

„На чтожь мнѣ жизнь? сказалъ. . . въ волнахъ рѣки сокрылся. . .

„О бѣжныя сердца! сей юноша любилъ;

„Но милый другъ ему коварно измѣнилъ! . . .

„Хошише ли змѣю подъ алой розой видѣти;

„Хошишель жизнь и свѣтъ душой возненавидѣти,

„И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага?

„Любите! . . . скоро прахъ вашъ будетъ подъ землею:

„Ахъ! жизнь чувствительныхъ не *можешь* быть долга!

„Любовь для нихъ есть ядъ: воспоргомъ и *поскою*

„Она мершвишъ сердца; воспоргъ есть мигъ — *проидетъ,*

„Но душу опъ другихъ благъ въ мѣрѣ *опвра-
щаетъ:*

„Все будетъ скучно ей — *попка же въ ней
живетъ*

„Какъ люшая змѣя; всегда, всегда *перзаешъ.*

„Измѣна, вѣпреность, коварство, злой *об-
манъ. . .*

„Кому изчислишь всѣ причины огорченій,
 „Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ
 „При каплѣ, можешь быть, сердечныхъ на-
 слаждений.

„Когда увидите спрѣданія черты
 „И блѣдноту томную цвѣтущей красоты,
 „Ахъ! знайте, что любовь шамъ души из-
 нуриетъ.

„Ктожь щасливѣе себя любовью почиваетъ,
 „Тотъ прїемъ Сиренъ на время усыпленъ,
 „Но тѣмъ несчастнѣе проснувшись будетъ онъ!“

Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно ста-
 вить
 Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выра-
 жать

Ощущенія разныхъ чувствъ, не мысли согла-
 шать;

Ихъ дѣло не рѣшить, но прогать и забавить.
 Пусть ищетъ Философъ тѣхъ кладезей подъ
 земныхъ,

Гдѣ истинна живетъ безъ всѣхъ гаданій тем-
 ныхъ,

И гдѣ хранится ключъ природы для ума!

Здѣсь сердце говоритъ, но истина нѣма;

Поэты дѣлаютъ языкъ его намъ внятнѣе —

И сердцу одному онъ долженъ быть прїят-
 нымъ.

Оно полюбитъ вещь, не влюбитъ черезъ часъ.

И Музы въ семъ ему охотно подражаютъ:

То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осу-
 ждаютъ.

Предметы разныхъ видъ имѣютъ здѣсь для
 насъ:

Съ кошарой староны они являюся взору,
И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ въспренный Зефиръ рѣзвись цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ — тамъ зрѣнїе
плѣняетъ

И роза и яминъ, и ландышъ и лилей;
Сорви, что выберешь по вкусу своему.
Такъ почто, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно шому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихамъ вѣ-
нецъ.

*Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сер-
дечъ.*

КАРАМЗИНЪ.

XXII.

ЕМИЛІЯ КЪ СВОЕЙ ПОДРУГѢ.

Ты мнѣ велишь играть еще на томной лирѣ:
Не милы пѣсни мнѣ, не льстивы мнѣ слава
въ мѣрѣ;
Ужъ нѣтъ въ душѣ огня, жаръ чувствъ мо-
ихъ погасъ;
Подъ тѣнью мрачныхъ соснъ умолкъ и лиры
гласъ.
Тебѣ, красавица, тебѣ вездѣ забавы;
Чело твое блистаетъ въ вѣнцѣ ПарнаССкой
славы;

Тебѣ и Граціи плещутъ изъ миршовъ цѣпъ:

А я облечена въ печальный вдовій крепъ.

Ужь нѣтъ моихъ друзей! я ихъ на вѣкъ ли-
шилась;

Не вижу красныхъ дней, и мракомъ жизнь
покрылась.

Но ты, которой взглядъ какъ солнышко цвѣ-
пешъ,

Для коей шучь еще и дней ненастныхъ нѣтъ,
Предъ кѣмъ едва взошла заря любви прелестной,
Живи — и веселись какъ пшичка въ подне-
бесной;

Во цвѣтѣхъ лѣтѣхъ пивонхъ, въ улыбкѣ красоны,
Надежда сладкая и милая мечпы

Предъ нами краситъ жизнь, и сладко въ душу
любится;

Тогда весна сердецъ, тогда стихи поются.

Пріятно милаго въ душѣ богошворить,

Пріятнѣе еще въ стихахъ его любить,

Въ стихахъ своихъ съ нимъ жить, въ разлу-
кѣ, въ смерти, вѣчно;

И въ будущихъ вѣкахъ любить его сердечно.

Дѣля съ драгимъ своимъ и славу и вѣнецъ,

Прелестнѣе для насъ хвала другихъ сердецъ;

Тогда и выборъ нашъ намъ кажется славнѣе.

Лауру пѣлъ Петрарка, и пѣмъ ей былъ милъ.

Хоть сердца Сафина пѣвнѣе не могъ Алцей:

Безъ дара чловѣкъ владѣлъ ея душой;

Безчувственной Фаонъ ея прелестной Музѣ

Клаису предпочелъ, и жилъ въ простомъ союзѣ;

Отвергнувъ пастушокъ Минервину любовь;

Предъ Дафной щещно пѣлъ самъ Фебъ, самъ
богъ стиховъ;

Парнасскихъ дѣвъ-богинь любовь не посѣщаетъ;

Любовь есть вздоха слѣдъ, и вздохомъ исче-
заетъ :

Однакожь игры Музъ опрадой насъ даритъ,
И могутъ на струнахъ намъ щастіе повпорять.
Жаръ пѣжныхъ лѣтъ своихъ пипала я сти-
хами :

Пріятно иногда жить сладкими мечтами;
Въ призракъ щастія есть ужъ щастіе для
сердецъ.

Духъ жаждущій любви былъ пѣсней всѣхъ
творецъ.

Намъ сладко воспрѣвать желанія въ разлукъ,
И сердце изливаетъ есѣ радость въ самой мукъ.
Но слава часто насъ манитъ въ блестящій
пушь,

Какъ будто для того, чтобъ послѣ обмануть;
И женщина должна, какъ слава ни прелестна,
Осмащся жить въ пѣни, быть лучше не-
извѣстна,

Чѣмъ зависть на себя опрѣсуду обратишь.
Насъ рѣдко за перо хвалою свѣтъ даритъ;
Полъ женщинъ и мужчинъ ревнуешь къ нашей
славѣ.

Замѣшатъ ли порокъ въ умъ иль въ нашемъ
правѣ,

Ошибкаль въ слогъ есть, завистники потчасъ
Сбираютъ стрѣлы всѣ и сыплютъ ихъ на насъ,
И слава дорога для насъ всегда бываетъ.

Намъ все прощаетъ свѣтъ: шалаша не про-
щаетъ.

Не все, не все велитъ и Музъ нашей пѣть.
Осмѣлилась она шумить на ближнихъ счетъ,
Тотчасъ ее бѣгутъ — спрашались и ошмѣ-
ютъ;

Сатиры и глупцу умъ волкой сообщаютъ.
 Насъ любящъ порицашъ; самолюбивой духъ,
 Бывъ нами раздраженъ, повсюду сѣтъ слухъ
 Объ нашихъ слабостяхъ, коварно и злобно;
 Не рѣдко спраждаетъ честь живущей безпо-
 рочно.

Не громкихъ пѣсней гласъ любовь намъ въ
 грудь влила:

Гдѣ Граціи поютъ, тамъ нѣжность лишь мила,
 Не намъ, не намъ гремѣть, лешать орлами
 въ мѣрѣ;

Мы можемъ иногда съ пріятностью на лирѣ
 Возвысить голосъ свой и пѣть какъ Дезульеръ;
 Ея и брать всегда намъ надобно въ примѣрѣ;
 Стыдливосць скромная перомъ ея водила;
 Она невинность въ стыдѣ ничѣмъ не приво-
 дила;

Наставница дѣтей, мать нѣжная семьи,
 Читаешь дочерямъ въ примѣрѣ ея стихи.
 Попомство будетъ чтить ея стихотворенье.
 Для женщинъ образецъ, для женщинъ пре-
 шкновенье,

Писала Севинье, писала въ славной вѣкѣ,
 И лился слогъ ея какъ легкій ручеекъ.
 Ла-сюзъ и Вилледье перомъ своимъ блистали,
 И вмѣстѣ съ Лафаетъ любовь живописали;
 Вся внушенность сердецъ въ Рикобони видна.
 Намъ многихъ славныхъ женъ извѣстны имена.
 Всегда, всегда себя мы славой обольщали;
 Но съ сею славою намъ сколько и печали!
 Однакожъ хоть во мнѣ проспылъ сердечный
 жаръ,

Хвалю, хвалю въ тебѣ стиховъ небесный даръ!

И я, мой милой другъ, вѣрушала оныхъ сла-
доспѣ;
Въ досугахъ, въ свѣтъ намъ они приносящѣ
радоспѣ.
Трудись въ Поэзіи; она мила душѣ;
Она улыбкой насъ даритъ и въ шалашѣ;
Но помни, что на часъ насъ слава оболѣ-
щаетъ,
Что счастье любитъ тѣнь, и шума убѣгаетъ,

Измайловъ,

XXIII.

МЕНАЛКЪ и ДАМЕТЪ,

Э К Л О Г А.

М е н а л к ъ,

Покоясь у ручья, подъ тѣнистою ивой,
Пастухъ, мечтаешь ты въ безпечности ща-
спливой
О радостяхъ твоихъ — овечкахъ иль пло-
дахъ,
Блестящихъ для тебя на пышныхъ деревьяхъ;
Мечтаешь, сладостной любовью упоенный,
О Сильвіи твоей . . . а я, всего лишенный,
Я горьки слёзы лью о милой спороцѣ,
О сродникахъ, друзьяхъ! . . .

Д а м е т ъ.

Ахъ, не завидуи мнѣ,
 Меналкѣ! и для меня давно ли дни ненасны
 (Тому лишь двѣ весны) переѣвились въ ясны?
 И я сперва въ тоскѣ считалъ недѣлей день;
 Искалъ покойсвѣя, его лишь видѣлъ тѣнь.

М е н а л к ѣ,

Повѣрь, мой другъ, Даметъ! я зависти не
 знаю,
 И щастія другимъ, какъ и себѣ, желаю;
 Но дружба, но любовь, вся прелесть жизни сей,
 Угасли для меня съ весной печальныхъ дней...
 Нѣтъ крова бѣдному среди полей родимыхъ!...
 И нѣтъ убѣжища въ тѣни деревъ любимыхъ!...
 Погибло все! на вѣкъ!.. Гдѣ прежде земледѣль
 За плугомъ, щастливый, веселы пѣсни пѣлъ —
 Тамъ въ хижинахъ пусыхъ лишь спонухъ
 враны злые!
 Гдѣ волновалися колосья золотые —
 Тамъ вѣтеръ носился межъ терномъ и волж-
 цемъ,
 И мирный серпъ жнецовъ спалъ пагубнымъ
 мечемъ!
 Корышодлюбѣемъ и яростью водимой,
 Тиранъ опустошилъ поля спраны родимой!
 Ощовску хижину, гдѣ я родился, взросъ,
 Онъ въ пепелъ обратилъ — и вѣтеръ ее раз-
 нѣсъ.
 Тѣнишныя древа, гдѣ часно я онъ зноя
 Искалъ убѣжища и сладкаго покоя —
 Увы! ихъ саѣда нѣтъ! (я собственною рукой

Въ саду ихъ посадилъ, ихъ самъ поилъ во-
дой).

Прощайте радости съ свободою злагою!...
Уже вы чужды мнѣ, убищю судьбою!
Простите пѣсенки! прости и ны свирѣль,
На коей при зарѣ я прелестъ дружбы пѣлъ!
Ужъ эхо звучное пвое не будетъ болѣ
Въ часъ узра оглашать родительское поле!
Ужъ холмы и лѣса, зари вечерней въ часъ,
Не будутъ болѣ внимать пвой сладкой гласъ!...
Простите житницы, зелены огороды!
Цвѣтны, простите! кщо, въ часъ бурной не-
погоды,

Или въ полдневный зной отъ смерти васъ
спасетъ?

Вы, ичелки! гдѣ теперь сбереете сладкой медъ?
Цвѣтны завднутъ всѣ, ... вы съ голоду по-
мрете!

Ягняща смирные! вы также не найдете
Ни поля, ни луговъ, гдѣбъ вѣрный кормъ
достанъ;

Бѣдняжки! знатъ и вамъ голоднымъ умирать!...

Д а м е т ъ.

Учись терпѣшь, Меналкѣ; терпѣние — наша
доля.

Быть щасливымъ, спрадась, — на то боговъ
есть воля!

Увы! я знаю самъ, сколь бѣденъ жребій пвой!
И я вздыхалъ, и я въ шокѣ былъ самъ не
свой!

Теперь гроза прошла; онытъ всего довольно,
Живу безъ пѣтоспи, и щасливо и вольно,

Хочу — работаю, хочу — пересстаю;
 Иль сѣвши въ холодокъ, беру свирѣль мою,
 И вмѣстѣ съ Сильвѣй прелестной прослав-
 ляемъ

Блаженство нашихъ дней; другъ друга укра-
 шаемъ

Гирландами цвѣтовъ; иль подъ вечеръ, когда
 Сойдутся на загонъ усталыя стада,
 Играемъ въ хороводъ съ пастушками своими;
 Повѣрь, Меналкъ! цари съ сокровищами зем-
 ными

Ничто передо мной! хоть я и небогатъ,
 За то заботъ ихъ чуждъ, и скромной долъ
 радъ.

Но твоей печальный видъ, пастухъ, меня
 тревожитъ;

Ахъ! естьли гласъ души моей достигнуть
 можешь

Престола Вышняго: пускай благій Творецъ
 Пошлетъ Меналковымъ спраданіямъ конецъ!
 Да возвратишь тебя въ родимыя дубравы,
 На доно дружества, любви и забавы,
 Да снова будешь ты въ кругу своей семьи!

М е н а л к ъ.

Нѣтъ! горестъ унесла всѣ радости мои!...
 Какъ часто, жаждою и зноемъ утомленный,
 Скрывался странникъ въ мой шалашъ уеди-
 ненный!

Какъ часто я дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ по-
 слѣдній мой!

Чтожь пользы? я забылъ жестокою судьбой!

Д а м е т ъ.

Но ктожъ не испыталъ, какой предашь
часть? —

То солнце надъ тобой — то бурное ненастье!
Я каждый годъ богамъ при жертвы прино-
силъ;

Но часто горести меня лишали силъ!
То рожь созрѣвшая была дробима градомъ;
То волкъ таскалъ овецъ — не зналъ что дѣ-
лать съ стадомъ;

То червь у иблонныхъ деревъ точилъ листья;
То вѣтеръ обивалъ любимые плоды . . .
Но я былъ твердъ, крѣпясь надеждой въ горь-
кой долѣ.

М е н а л к ъ.

Надежда! сей призракъ не льститъ спрадалъ-
цу болѣ! . . .

Супруги я лишёнъ и семерыхъ дѣтей,
Послѣдней радости моихъ увидшихъ дней!
Убийственнымъ мечемъ, неистовыхъ рукою,
Спрадалцы — опроки сраженны предъ мною,
Послѣднѣй (страшный видъ!) — онъ былъ
еще грудной —

Зарѣзанъ на рукахъ у матери родной! . . .
Желѣза избѣжалъ одинъ лишь я несчастной,
Чтобъ плакать и вздыхать средъ нищеты
ужасной!

О добрый мой Даметъ! прости моимъ сле-
замъ!

Могуль ихъ удержать? . . . ты былъ не-
щастливъ самъ!

Ты знаешь слезы дарь гонимому судь-
бою !

Ахъ ! естлибъ небеса, смягчась моей мольбою,
Велѣли солнышку лснѣ мнѣ свѣтити !
Ахъ ! естлибъ было имъ угодно возвратишь
Меня на милыя , опечески долины :
Тогда бы я забылъ жестокость злой судьбины,
Забылъ гоненія мучителей моихъ,
И снова бы разцвѣлъ, чуждъ горестей земныхъ.

Д а л е т ъ .

Чѣмъ мнѣ помочь тебѣ , спрадаецъ огор-
ченный ?

Хоть раздѣли со мной шалашъ уединенный ,
Мой черный вкусный хлѣбъ , и эшомъ слад-
кой плодъ ,

Копорый мнѣ мой садъ приноситъ каждый
годъ .

Но вижу , небеса мрачатся облаками
Пасухъ ! гроза близка ! ужь громъ гремитъ
надъ нами ,

И капли крупныя дождя въ листвахъ шумятъ :
Меналкъ пособитъ мнѣ загнать моихъ ягнятъ .
Смотри , какъ молнія въ свдой дали свер-
каетъ !

О страхъ ! дубъ падаетъ , глава его пылаетъ
Ахъ ! естли бы могли съ печальной бурей сей
Пройти и бѣдствія твоихъ ненастныхъ
дней !

М е щ е в с к і й .

XXIV.

В Е Ч Е Р Ъ.

Нѣтъ болѣ силѣ терпѣть! куда ни сунься,
спору,

И сплешни и обманѣ, и глупость, и раздоры.
Вчера, не знаю какѣ, попалѣ въ одинѣ я домѣ;
Я проклялѣ жизнь мою. Какой вралей содомѣ!
Хозяинѣ обѣ одной лишь музыкѣ толкуешѣ;
Хозяйка хвалишѣ, что славно дочь танцуетѣ;
А дочка, поясокѣ подѣ шею подвязавѣ,
Кричитѣ, что прискакалѣ въ коляскѣ модной,

Графѣ.

Графѣ входитѣ. Всѣ его съ восторгомѣ при-
нимаютѣ.

Какѣ милѣ онѣ! какѣ богатѣ! какѣ знаменѣ!
повторяютѣ.

Хозяйка на ушко мнѣ шепчетѣ въ потѣ же
часѣ:

„Онѣ въ Грушенькѣ влюбленѣ! онѣ всякой
день у насѣ!“

Но Графѣ, о Грушенькѣ никакѣ не помышляя,
Вѣщанѣ говоритѣ, ей руку пожимая:

„Какая скука здѣсь! какой несносной домѣ!
„Я съ этими людьми, боюсь, для васѣ знакомѣ;
„Я съ вами быть хочу, я видѣть васѣ желаю.
„Для васѣ я все терплю, и глупостямѣ про-
щаю.“

Вѣщана щастлива, и Графѣ доволенѣ ей!
Вдругѣ растворяютѣ дверь и входитѣ Спудовѣй.
Несносной говорунѣ! о всемѣ уже онѣ знаетѣ:

Тотъ жепися, другой супругу оставиешъ;
 Тотъ проигрался весь, тотъ по уши въ долгахъ.
 Потомъ судить онъ спалъ, къ несчастью, о
 спихахъ.

По мнѣнію его, Надушовъ всѣхъ плѣниешъ,
 А Дмитревъ, Карамзинъ, бездѣлки сочиняешъ;
 Державинъ, напимѣръ, изрядно бы писалъ,
 Но также, кромѣ Одъ, не споишъ онъ похвалъ;
 Пропали прагики, исчезла Россовъ слава!...
 И началъ наконецъ твердить намъ роль Синава;
 Ховеркался, кричалъ — воѣ восхищались имъ!
 Одинъ лишь старичокъ, смѣясь со мной надъ
 нимъ:

„Невѣжду, мнѣ сказалъ, я вѣчно извиняю;
 „Молчу, и слушаю, а въ споръ съ нимъ не
 вступаю.

„Напрошивъ, кажется, забавенъ, часно онъ;
 „Соврешъ, и думаетъ, что вздоръ его — законъ.
 „Что нашъ пишетъ умъ, что сердце вос-
 хищаетъ,

„То онъ бездѣлкою пустою называетъ.

„Нѣтъ пужды! Вѣрите мнѣ, невѣждина хула

„Писателю вѣнецъ, Поэту похвала.“ —

Я отдохнулъ. Увы! не долго былъ въ покое!

Хозяйка подошла. „Теперь насъ только трое!

„Не можете ли вы четвертымъ съ нами быть,

„И състои играть въ Бостонъ? безъ картъ
 не можно жить.

„Кто ими въ обществѣ себя не занимаетъ,

„Воспитанъ дурно тотъ и скученъ всѣмъ бы-
 ваетъ.“ —

И такъ мы за Бостонъ. — А шамъ оркестръ
 шумитъ!

Тутъ Графъ жеманится — шутъ Спукодѣй
кричитъ.

Змѣяда всѣхъ бранитъ, ругаетъ за игрою;

Играю, и дрожу, и жду бѣды съ собою.

Хозяйка милая не помнитъ ничего.

„Гдѣ Грушенька? гдѣ Графъ? не вижу я его!“

Босшонъ нашъ кончился — а въ залѣ ужъ
танцуютъ.

Какъ Грушенька, какъ Графъ прекрасно валь-
сируютъ!

Хозяйка съ радости всѣхъ обнимаетъ насъ.

Змѣяда ей твердитъ: „Ну, машка, въ доброй
часъ!“

„Графъ право молодецъ! къ концу скорѣ дѣло!“

„На Бога положишься, и по рукамъ бей смѣло;“

„Онъ знаменъ и хорошъ, и съ лучшими зна-
комъ;“

„Твой муженѣкъ съ тобой согласенъ будетъ
въ помѣ.“

Вѣспрана слышитъ то, смѣется и вертитъ.

Къ бѣдѣ моей тогда идетъ ко мнѣ, садится,

Белиза толстая, разскащица, *швея* (*);

„Ей Богу, говоритъ, вотъ чудная семья!“

„Хозяинъ съ флейтою все время провождаетъ,

„Жена преглупая и всѣмъ надобдастъ,

„И въ Грушенькѣ, повѣрь, пуши не будетъ
вѣкъ.“

„Но дѣло не о помѣ. Ты умной человекъ.

„У Скопидомова ты всякой день бываешь;

„Проказы всѣ его и все о немъ ты знаешь:

„Не правдаль, что въ женѣ находить онъ врага,

„И что она ему посшавила рога?“

(*) Сплетница, commère.

„Нахаловѣ часто съ ней въ театрѣ и въ во-
ксалѣ;

„Вчера онѣ танцовалѣ два Польскихѣ съ ней
на балѣ;

„А послѣ онѣ ее въ карету посадилѣ.

„Нешастный Скопидомѣ бѣду себѣ купилѣ;

„Богѣ патрадилѣ его прекрасною женою,

„Да полно самѣ дуракѣ всѣмѣ шалостямѣ
виною.

„Не онѣ одинѣ таковѣ: въ Москвѣ имѣ счета
нѣтъ!

„Буйновѣ и не глупѣ, но вздумалѣ въ сорокѣ
лѣтъ

„Женишься и франшишь, и шѣмѣ себя про-
славить;

„Чтобѣ жонушку свою пошчасѣ другимѣ оста-
вить;

„И подлинно успѣлѣ въ томѣ модной господинѣ;

„Сѣ Французомѣ барыня уѣхала въ Берлинѣ.“

— Я слушалѣ, и молчалѣ. Текли слова рѣкою;

Я могѣ ей отвѣчать лишь только головою.

Хотѣлѣ уйти — ушелѣ. Чтожѣ вышло изѣ
того?

Дивлюся силѣ я перпѣнья моего!

Попалѣ въ бесѣду я, доспойную почпенья!

Тутѣ былѣ великой шумѣ, различны были
мнѣнья;

Однако изѣ всего поняшь я спора могѣ;

Что то произвели коплешы и пироги;

И кончилось все шѣмѣ, что у одной Лизеи

И вафли лучшѣ и лучшѣ коплешы.

— Но аѣ спати, сполѣ готовѣ; всѣ гину-
лись туда;

Покойно думалъ бѣсть — и путь со мной бѣда!

Нешастнаго меня съ Вралевымъ посадили,

И милымъ подлинно сосѣдомъ подарили!

Не медля началъ онъ вопросы мнѣ пиворить:

Кто я таковъ? что я? гдѣ я изволю жить?

Потомъ о молодыхъ и старыхъ разсуждая:

„Нѣтъ, нынче жизнь не то! — твердилъ онъ
воздыхая:

„Все стало мудрено, нѣтъ добраго ни въ чемъ;

„Вотъ я таки скажу и о сынкѣ моемъ:

„Ужь малой въ двадцать лѣтъ, а книги лишь
читаетъ,

„Не ищетъ ни чиновъ, ни щасья не желаетъ;

„Я дочь Рубинова посваталъ за него:

„Любезный мой сынокъ не хочетъ и того.

„На деньгахъ, батюшка, никакъ-де не женюсь,

„А я жену возьму, когда въ нее влюблюся!

„Какъ бышь, не знаю, съ нимъ, и чувствую
я то,

„Что будетъ онъ бѣднякъ, а болѣе ничто.

„Вотъ что произвели проклятыя науки!

„Не нужно золото — давай Жанъ-Жака въ
руки!

„Да полно старые не лучше молодыхъ;

„Не много разницы найдешь ты нынѣ въ нихъ.

„Не рѣдко и старикъ, что дѣлаетъ, не знаетъ,

„Онъ хулитъ молодыхъ и имъ же пошакаетъ.

„Князь Мировъ въ пятьдесятъ и сорокомъ
уже лѣтъ

„Спроказилъ такъ теперь; что весь дивится
свѣтъ!

„Онъ, будучи богатъ, и дочь одну имѣя,

„Воспитывать ее, какъ должно, не жалѣя,

„Рѣшился наконецъ бѣдняжку погубить:

И я

„Маѳора одного изволь на ней женишь!
 „И чтожь онъ говоришь себѣ во оправданье?
 „Ты со смѣху умрешь — вотъ все его желанье;
 „Мой зять любезенъ мнѣ, и скромненъ, и уменъ;
 „Онъ свѣта пустошой никакъ не ослѣпленъ;
 „Совѣщовъ-де моихъ онъ вѣчно не забудетъ;
 „Въ глубокой старости меня покоить будешь.
 „Не знаменъ, бѣденъ онъ — я для него бо-
 гащъ;

„И зять такой милѣй мнѣ многихъ во спо-
 кращъ!

„—Вотъ, другъ сердечной мой, какъ нынче
 разсуждаютъ!

„И умниками ихъ иные называютъ!“ —
 Сосѣдъ мой шущъ умолкъ — въ отпращу я ему
 Сказалъ, что рѣдкіе послѣдуютъ тому;
 Что Миловыхъ Князей у насъ конечно мало;
 Что золото копить желанье не пропало;
 Что любимъ мы чины и ленты получашъ,
 Не любимъ только ихъ заслугой доставашъ;
 Что также здѣсь не всѣ охотники до чтенья;
 Что рѣдкіе у насъ желаютъ просвѣщенья;
 Не всякой знаніямъ честь должну воздаешъ,
 И часто враль, глупецъ, разумникомъ слыветъ;
 Достоинствъ лаврами у насъ не украшаютъ;
 Здѣсь любящъ пласуновъ — ученыхъ прези-
 раютъ. —

Тутъ ужинъ кончился — и я домой потчасъ.

О хижина моя! пріѣхавшій ты спо разв
 Всѣхъ модныхъ ужиновъ, концертовъ всѣхъ и
 баловъ,
 Гдѣ часто видимъ мы безумцевъ и нахаловъ.

Въ тебѣ не зрю досадѣ, въ тебѣ злословья
нѣтъ,
Въ тебѣ спокойствіе и тишина живетъ!
Въ тебѣ и разумъ мой и духъ всегда свободенъ!
Утѣхи мнѣ дарить свѣтъ модный неспособенъ,
И для того теперь на вѣкъ прощаюсь съ нимъ:
Форшуну не найду я съ сердцемъ въ немъ
моимъ!

Пушкинъ.

XXV.

Ц И К Л О П ъ.

ИЗЪ ТЕОКРИТА.

Любовь, всеильная любовь! гдѣ средства въ
мѣрѣ,
Могущія пвой ядѣ изъ сердца испребишь?
Ихъ нѣтъ . . . законъ судебъ, поминься и
любишь!
Но таинство у Музъ сокрыто въ спройной
лирѣ:
Пиная спрасть — ея жестокости смягчаешь;
Люби — иной, чѣмъ менѣ спра-
дать!

Такъ Полифемъ, Циклопъ несчастный,
Съ свирѣлю соглася свой голосъ спрастный,
Уединясь опъ всѣхъ, любовь свою пѣвалъ.
Свирѣпый рокъ ему къ напасти предписалъ
Во цвѣтѣхъ лѣтѣхъ своихъ увидѣшь Галашею,

Прелестную изъ Нимфъ морскихъ ближай-
шихъ водъ ,

И сердце мирное воспламенилось ею. . . .

Текущъ дни — мѣсяцы — проходишъ годъ ,

А Полифемъ, живи одною страстью ,

Забылъ себя — друзей ;

Спокойно предаетъ стада свои ненастью

И лютоści лѣсныхъ звѣрей.

Не розы для него любовь приготавлила ,

Не миршвы вѣнки въ награду мукъ сплетала ;

Но тернѣемъ свила его несчастны дни ,

Но адскимъ фурѣямъ подобно духъ терзала ,

И вздохи вѣчные готовила одни.

О Полифемъ ! ужель отчаянье , напасти

Удѣлъ чувствительныхъ ? ужель переменяшъ

Не льзя суровой чаши ?

Не льзя. . . . по Полифемъ умѣлъ ее смягчать.

Отъ ушра раняго до позднѣя Авроры ,

Вперя унылые на море взоры ,

Какъ будшо спражъ его , всѣдневно онъ сидѣлъ

На каменныхъ верхахъ высокаго ущеса ;

Носи въ груди стрѣлу , мѣсть злобой дщери

Зевса ,

И шакъ свои спраданья пѣлъ :

О ты прелестная — и чудо свѣща !

Которой милыя уста алѣй

Пылающей зари средъ лѣща ,

Которая сыровъ моихъ бѣлѣй ,

Нѣживъ ягнятъ , шельцовъ быстрѣй ,

Резвѣщихся подъ тѣнью лѣса ,

И непреклонѣе премнищаго ущеса !

Люблю тебя а ты мени бѣ-

жишь

Бывзешь здѣсь, какъ сонъ глаза мои смыкаеиъ ;

Едва проснусь, кѣ волнамъ спѣишиъ.
Споль агнца робкаго волкѣ хищный не смущаетъ ,

Какъ я тебя собой пугаю всякой разъ.
Увы, жестокая! еще въ томъ самой часъ,
Когда ты съ матерью моею приходила
На эиомъ холмѣ вѣнки изъ гѣациишовъ вишь,
Еще тогда меня краса твоя плѣнила ;
Я провожалъ тебя — взглянулъ — и спалъ
любишь ;

Умру, не измѣнясь... а ты пренебрегаешь...
Но что безчувственной? ... ты жалости не
знаешь ;

И воиъ за что моя отвержена любовь,
И воиъ причина вся споль жребія дурнаго:
Что чрезъ чело мое, отъ уха до другаго,
Проходитъ длинная щепинистая бровь,
Подъ коей глазъ одинъ — а надъ губами
Нависъ широкой носъ ; въ томъ вся моя бѣда.

Но съ сими малыми красами,
Послушай: я пасу нестепныя стада,

И въ каждое годично время
Пью сладкое млеко — бѣмъ вкусные сыры ;
Всѣ кошницы мои погнулися отъ бремя ;
Кѣ помужѣ имѣю я природные дары :

Могу не лживо похвалииъся,
Что ни одинъ Циклопъ со мною не сравнииъся
Прѣлпнностью въ свирѣль играть ;
Не рѣдко миѣ тебя случалось восиѣвать
Средь мраковъ ночи темной.

Я для тебя кормлю одиннадцать ягнятъ,
Волной покрытыхъ испещренной,
И чепырехъ еще питаю медвѣжатъ.

Приди прелестная въ сей грогѣ уединенной
Принявъ изъ рукъ моихъ готовыя дары!

Пускай о каменья утесистой горы

Ярся волны ударяюшъ,

Ничто уже тогда пвой не смутишъ покой.

Сей грогѣ, украшенный природою одной,

Со всѣхъ сторонъ деревья осѣняютъ:

Гдѣ лавръ растетъ, гдѣ плющъ, гдѣ зрѣетъ
виноградъ,

Гдѣ кипарисъ благоухаетъ;

А гдѣ для нѣги и прохладъ

Божественно пише спруся испекаетъ

Изъ бѣлыхъ, Эпнкою расплеченныхъ, снѣговъ;

Всѣ ручейки мои воды той полны.

Ужели симъ мѣстамъ, достойнымъ и боговъ,

Кто можетъ предпочесть морскія
волны?

Когдажъ тебѣ косматымъ я кажусь —

Неугасаемый подъ пепломъ огонь имѣю,

Иль мыслишь оробѣю?

Скажи, о милая! — на все рѣшусь!...

Хотябы ты сей глазъ, единственной, безцѣнной,

Сожгла въ забаву для себя,

Я всяку жершву для тебя

Почту — бездѣльной.

Ахъ! для чего мнѣ рокъ свирѣпой не судилъ

Родиться съ жабрами: тогдабъ съ тобою былъ;

Тогдабъ не зналъ разлуки горя,

Послѣдовалъ тебѣ въ средину моря,

И сталъ бы щамъ твоимъ я руки цѣловать,

Когда бы лобызая уша ты возбраняла;

Тыбъ все изъ рукъ моихъ единыхъ получала:

Тобѣ иногда тебѣ цѣлшисый макъ досталъ;

Тобы принесъ душистую лилею.

Я знаю къ горести — и прежде зналъ,
 Сколь море мило вамъ прохлагою своею;
 Но только бы пловецъ къ брегамъ моимъ при-
 спалъ,

Въ минушу плавать научуся,
 И болѣе съ тобой во вѣкъ не разлучуся.
 Приди ко мнѣ, приди, бессмертныхъ Нимфъ
 краса!

Приди, чтобъ позабышь клубящіяся воды!
 Какъ я узналъ тебя — съ погожь часа

Забылъ весь міръ и не ищу свободы...
 Приди со мной моихъ овечекъ охраняшь!
 Мы спанемъ вмѣстѣ сыръ съ тобою выжимаешь;
 Съ любящимъ, милая, мелькають годы. . . .

Тебя, жестока мать,
 Тебя въ своихъ бѣдахъ я долженъ упрекать!
 Тогда, какъ отъ любви я сохну — увидаю —
 Ты знаешь и молчишь,

И въ Нимфѣ жалости ко мнѣ не поселишь.
 Спрадай, жестокая, когда и я спрадаю;
 Скажу тебѣ, что я готовлюсь умирать,
 Что голова болитъ, что не владѣютъ руки,
 Что будто на ногахъ не въ силахъ устоять;
 Пускай и ты со мной мои раздѣлишь муки.

О ты Циклопъ, Циклопъ! игра судьбины
 злой!

Что спалося съ тобой? — гдѣ дѣлся разумъ
 пивой?

Ты щасливѣе былъ въ своихъ трудахъ все-
 дневныхъ;

Начни кормить ягнать, начни корзинки
 плести;

Не лучше ли по любить, что есть,

И не мрачиль послой часовъ уединенныхъ,
 Чѣмъ каждой мигъ шебъ тоняшся замечшой,
 Копорая погдажъ — мгновенно улешаешъ?
 Какъ знашь, гдѣ щастіе! бышь мо-
 жешъ, что съ другой

Оно Циклопа ожидаешъ.

Такъ, гордая! — и мнѣ случалось замѣчать,
 Что Нимфы сельскія хопяшъ со мной играшъ,
 И глядя на меня съ пріятностію смѣюся;
 Ихъ также спроенъ спанъ — ихъ также ку-
 дри вьюся,

Съ такоюжъ легноснью мелькаюшъ на холмахъ;
 Почти ешь сполько же пріятности въ устахъ;
 Почти шебъ во всемъ подобны красотою:
 Такъ видно, что и я чего нибудь да спою.
 Ръ чемушъ мнѣ вѣрное на мнимое мѣняшъ,

И — непреклонную любя — помишъся?
 Опомнись, переспанъ за призраки спрадашъ!...
 Нѣшъ! лучше съ жизнию — чѣмъ съ ними
 разлучишъся.

Такъ спрасшъ свою Циклопъ питая воспѣ-
 валъ;

Равно любилъ, но менѣ спрадалъ.

Бунина.

XXVI.

ПОСЛАНИЕ КЪ Ж.

И такъ, мой милый другъ, оставя скучный
свѣтъ,

И въ поле уклонясь, отъ шума и суеты,
Въ деревнѣ ты живешь, спокойный другъ При-
роды,

Среди кудривыхъ рощъ, подъ сѣнью свободы!
И жизнь твоя течетъ, какъ свѣтлый ручейкъ,
Бѣгущій по лугамъ; какъ легкій вѣтерокъ,
Играющій въ поляхъ съ душистыми цвѣтами,
Или въ тѣни древесъ пастушки съ волосами.
Безпечность твоя удѣлъ! стократъ она милѣй
И пышности владыкъ и блеска богачей!

Не томъ, по мнѣ, щастливъ, кто многимъ
обладаетъ,
Воспитанъ въ роскоши, въ звѣздахъ златыхъ
сѣдетъ

(Ни злато, ни чины ко щастью не ведутъ);
Но томъ, чьи ясны дни въ невинности те-
кутъ;

Кто сердцемъ не смущенъ, кто славы не
желая,

Но искренно, въ душѣ, свой рокъ благословляя,
Доволенъ тѣмъ, что есть, и лучшаго не ждетъ,
И небо на него лучъ благости лѣетъ!

Громъ брани до него въ пустынь не доходитъ,
Ни зависть мрачная въ смиренье не приво-
дитъ

Его, сидящаго при свѣтломъ ручейкѣ,

Или въ объятїяхъ своей супруги нѣжной.
 О другъ мой! такъ и ты, оставя градъ мя-
 тежной,
 Въ уединенїи, въ безмолвной тишинѣ,
 Вкушаешь всякій день лишь радости однѣ:
 То бродишь по лугамъ, по по лѣсу гуляешь;
 То лирою своей Климену восхищаешь;
 То быстро на конѣ несешься по полямъ,
 Какъ шумный вѣтръ лугамъ; по ходишь
 по уграмъ
 Съ собакой и ружьемъ — и съ птицами вою-
 ешь;
 То сидя на холмѣ прелесный видъ рисуешь!
 А вечеромъ, когда Зефировъ рѣзвыхъ рой
 На листьяхъ алыхъ розъ, осыпанныхъ росой,
 Упихнешъ и заснешъ, какъ пахарь возвра-
 щаясь
 Съ полей, чтобы въ семьѣ покоемъ насла-
 дишься,
 Какъ вечера шуманъ обымешъ мрачный лѣсъ,
 Когда успеешь звѣздами сводъ небесъ:
 Тогда ты, вышедши изъ хижины смиренной,
 Покрышой мягкимъ мхомъ, древами обѣнной,
 Съ своею милою приблизишься къ рѣкѣ,
 И станешь разсѣкать съ ней волны въ чел-
 нохъ,
 И будетъ вамъ луна-сопутницей прїятной!
 Взоръ бросивъ на тебя, взоръ, только сердцу
 внятной,
 Промолвитъ милая, вздохнувъ: другъ нѣжный
 мой!
 Какое щастье быть любимою тобой!
 Но, ахъ! всегда судьбы къ намъ будутъ
 такъ преклонны?

Быть можеть: разлучать съ тобой насъ лю-
ди злобны,

Иль смерть . . . печальна мысль! . . . „На
что себя смущать,

Ты скажешь ей, на что покой свой нарушать?
Любезны мы богамъ, чего же намъ спрашиваться?
Мы чистою душой привыкли имъ молиться!
Когда отъ насъ въ слезахъ убогій уходилъ?
Когда гонимый въ насъ друзей не находилъ?
Утѣшься, милая! мы добры — и конечно
Насъ боги награждать здѣсь жизнью долго-
вѣчною!“

Потомъ, обнявшись, въ безмолвіи, домой
Вы возвратитесь вкушать ночный покой.
Вы не услышите ни ппичекъ щебешанья,
Ни звука отъ роговъ, ни эха грохотанья —
Сны благотворные съ лазоревыхъ небесъ
Слепятъ на ложе къ вамъ съ толпой пріят-
ныхъ грезъ;

А упренный Зефиръ, прохладу разливая,
Разбудитъ васъ опять . . . Живи въ поляхъ,
вкушая

Прямые радости чувствительныхъ сердецъ!
Когда же Нимфы соборъ оставитъ мрачный
лѣсъ,

Когда шуманами одѣтая Аврора
Въ лѣсу поющихъ ппичъ не будетъ слышать
хора,

И вмѣсто яркихъ розъ лишь иней по уграмъ
Съ осенней будетъ мглой на землю сыпать
къ намъ:

Тогда, мой милый другъ, въ столицу возвра-
тятся;

Таковъ, какъ былъ всегда, къ друзьямъ своимъ
 имъ явился!
 Повѣрь! и въ городѣ возможно съ счастьемъ
 жить!
 Оно вездѣ — умѣй его лишь находить!

К. П. В.

XXVII.

КЪ БѢДНОМУ ПОЭТУ.

Престань, мой другъ, поэтъ унылый!
 Ропщашъ на скудный жребій свой,
 И знай, что бѣдность и покой
 Еще быть могутъ сердцу милы.
 Фортуна - мачиха тебя,
 За что - то очень не влюбя,
 Пустой сумою наградила
 И въ мѣрѣ съ клюкою оппустила;
 Но истинно родная мать,
 Природа, любяща награждать
 Несчастныхъ пасынковъ фортуны:
 Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
 Искусство пѣть, чудесный даръ
 Вливать огонь въ златыя струны,
 Сердца гармоніей плѣнять.
 Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
 Стихами чистыми умѣешь
 Любовь и дружбу прославлять;
 Какъ пшичка въ бѣломъ свѣтѣ волея,
 Не знаешь кляпки, ни оковъ —

Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать, есть страсть глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный;
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣпло - желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поетъ! натура вся пивоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонъ
Ты царь на веледѣнномъ проиѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ, изъ пѣжныхъ розъ сплетеннымъ,
Тобой отъ Грацій полученнымъ!
Тебѣ ничто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спокоинъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство пшичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, аже - Орфеевъ,
Которыхъ музы въ одахъ лгутъ
Нескладно - пышными словами.
Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами,
Иначе будетъ жизнь скучна.
Не Крезъ съ мѣшками, сундуками

Здѣсь можешь веселѣе жить,
 Но потѣ, кто въ бѣдности умѣешь
 Себя богачствомъ веселить;
 Кто даръ воображать имѣешь
 Въ карманѣ тысячи рублей,
 Копѣйки въ домѣ не имѣя:
 Поэтъ есть хитрый чародѣй;
 Его живая мысль какъ Фея
 Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
 На соснѣ розы производитъ,
 Въ крапивѣ нѣжный миртъ находишь
 И строишь замки изъ песка.
 Лукуллы въ нѣгѣ ушонченной
 Напрасно вкусъ свой прищипленной
 Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
 Самрапъ съ Лаисою зѣваешь;
 Плапокъ ей бросивъ, засыпаешь.
 Ихъ жребій: дни считаешь, не живъ;
 Душа ихъ въ роскоши испѣла,
 Подобно камню онѣмѣла
 Для чувства радостей земныхъ.
 Избытокъ благъ и наслажденья
 Есть хладный гробъ поображенья.
 Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
 Мы только щасливы бываемъ;
 Надежда золото для насъ,
 Призракъ, любезнѣйшій для глазъ,
 Въ которомъ счастье лобызаемъ.

Не сытому хвалишь обѣдъ,
 За коимъ Нимфы, Ганимедъ,
 Гостямъ амброзію разносятъ,
 И не въ объятіяхъ Лизетъ
 Пѣвцы красавицъ превозносятъ;

Все лучше кажешся вдали.
 Сухими фигами питаюсь,
 Но въ мысляхъ царски наслаждаясь
 Дарами моря и земли,
 Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
 Друзей любезныхъ и щастливыхъ
 На сладкой и роскошной пирѣ;
 Сбери красотохъ несравненныхъ,
 Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
 Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
 Пѣшь въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
 Летать подобно Терпсихорѣ
 При плескѣ радостныхъ гостей,
 И милой ласкою своей,
 Умилнымъ, сладостраснымъ взоромъ,
 Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
 Сердца къ тому приготавлишь,
 Чего . . . въ стихахъ не лъзя сказать.
 Или, подобно Донъ Кишоту,
 Имѣя къ рыцарству охоту,
 Въ шишакъ и панцырь нарядись,
 На борзого коня садись,
 Ищи опасныхъ приключеній,
 Волшебныхъ замковъ и сраженій,
 Чтобъ добрымъ Принцамъ помогать,
 Принцессѣ опѣ узѣ освобождать.
 Или, Пластоновъ воскрешая,
 И съ ними умъ свой изощряя,
 Законъ Республикамъ давай,
 И землю въ небо превращай.
 Или . . . но какъ все то изчислишь,
 Что можетъ стихотворецъ мыслишь
 Въ укромной хижинѣ своей?

Мудрецъ, копорой зналъ людей,
 Сказалъ, что мѣръ стоитъ обманомъ;
 Мы всѣ, мой милой другъ, лжецы:
 Прослые люди, мудрецы;
 Непроницаемымъ туманомъ
 Покрыта истина для насъ.
 Кто можетъ вымыслишь прѣятно,
 Стихами, прозой — въ доброй часъ!
 Лишь толькобъ было вѣроушно.
 Что есть поэтъ? искусной лжецъ:
 Ему и слава и вѣнецъ!

КАРАМЗИНЫ

XXVIII.

КЪ ВОЛЬНОЙ ЭЛИЗѢ.

О ты, въ копорой Богъ всѣхъ дней моихъ
 блаженство,
 Все милое мое судилъ мнѣ показать,
 Чтобъ обольщенному спраданію познашь,
 Въ копорой видѣлъ я природы совершенство!
 Вѣдай, почто она, законы позабывъ,
 Свой ходъ перемѣняетъ?
 Почто глава свѣтила, въ среду небесъ всту-
 пивъ,
 Благошворящаго огня не разливаетъ?
 Почто, шуманной мглой одѣвъ свой чертогъ,
 Доселъ медлитъ онъ надъ нашею спраною
 Явиться съ милою сопутницею, весною?
 Когда свирѣпыхъ бурей Богъ
 Владычество его оспаривать престанетъ,

И радостно земля проглянешь? —

Увы! все, все — земля и небеса,

Природа, кажется, съ твоимъ поскуетъ дру-
гомъ,

Взирая на тебя, терзаему недугомъ!

Творенье лучшее Творца,

Возможетъ ли Онъ насъ обрадовать весною,

Когда весна не воззоветъ

Тебя къ здоровью и покою?

Гдѣжъ первый взоръ ея оправдѣ блеснешь,

Когда онъ не блеснешь въ твоимъ уныломъ
взоръ?

Гдѣ веселишься ей, когда Элиза въ горѣ?

Гдѣ лучше раздѣвши, какъ, Ангелъ, не въ
тебѣ?

Подобно блѣдному пловцу среди волненья,

Спихій разгнѣванныхъ въ борьбѣ,

Безплодно ждущему знакомыхъ звѣздъ явленья,

Пушеводителей къ любезной сторонѣ,

Я взоръ свой на тебя едину обращаю,

И въ нестерпѣи безмолвномъ примѣчаю,

Когда наступитъ часъ прииди моей веснѣ!

Такъ, для души моей, о другъ мой несрав-
ненной!

Въ выздоровленіи твоимъ она придетъ;

Въ тебѣ возвеселитъ улыбкой драгоценной;

Въ тебѣ, Элиза, раздѣвнетъ;

Въ тебѣ благотворить и восхищать насъ ста-
нетъ;

Въ тебѣ и на мою печальну Музу взглянешь —

И все приметъ новый видъ!

Природа радостной одеждою возблещетъ;

И оживленный лѣсъ, при тихихъ вѣтеркахъ,

Зеленой тѣнью вострепетъ;

Ковры разстелюся въ лугахъ,
 Какъ бисеромъ ручьи посыплюся струями;
 Въ дубравахъ гимны возгремятъ;
 Амуры, радости на землю низлелятъ,
 Украсятъ милую цвѣтами,
 И я, воспорженный, свой голосъ вознесу,
 Съ Природой вмѣстѣ даръ Элизѣ принесу.
 Надежда сладкая! . . . о Боже, о Всесильный!
 Котораго съ тѣхъ поръ я болѣ началъ знать,
 Какъ сталъ Элизу обожать,
 Источникъ благости обильный,
 О горняя Любовь! услыши спонъ любви,
 На слезы преклонись, на лютое спраданье,
 Содѣлай чудеса — укрась свое созданье,
 И скорбный духъ мой оживи! . . .

.
 Элиза! Богъ благій мольбѣ моей внимаешь!
 Могуль роптать, что Онъ весны не возвра-
 щаешь?
 На что она, къ чему? когда для всѣхъ дру-
 гихъ
 Покрытъ лазурный сводъ одеждой тучъ гу-
 спыхъ;

Когда свирѣпствуютъ метели,
 Морозы снова прилетѣли
 И въ бѣлыхъ ризахъ дерева. . . .
 Мой Богъ мнѣ милосливъ! и вижу: небеса
 Отверзлись, процвѣли, Природа обновилась,
 Весна съ любовію на землю низпустилась,
 И все ликуетъ въ щипинѣ. . . .
 Ахъ, нѣтъ! ты улыбнулась мнѣ!

МЕРЗЛЯКОВЪ.

Уже любимыхъ ты пѣвцовъ,
Делилля, Коллардо съ Торкватомъ забываешь,
И въ скромную свою диванну мудрецовъ,
Бюфона и Руссо и Лонка призываешь;
И даже въ эпитъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
Зовешь чрезъ Фауля въ свой храмъ забавъ,
утихъ;
Какъ пудры облака покрыли шуалеты,

Какъ все въ движеніи: флёръ, шлипки и кор-
сеты,

Картоны, ящики, мужья и сундуки —

Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!

Сидишь, облокотясь надъ книжною смиренно;

Сидишь, и все швое поняшье вперенно

Въ систему, правила Британскаго шворца,

Который только сухъ для одного глупца.

Вся мысль и все швое желаніе, чтобъ сына

Содѣлать званія достойнымъ гражданина.

О подвигъ сладостный, священный искони!

Климена! уѣдчай ты имъ прекрасны дни.

Кто болѣе тебя во способахъ обилень?

Не материль одной достоинъ сей предметъ?

Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ.

Такъ, умница! храни, лелѣй ты нѣжный цвѣтъъ

Подъ собственной рукою,

И удобряй его ученія росю.

Пекись, чтобъ изліялъ онъ райской ароматъ,

Когда желанный день созрѣнія наступитъ;

Да усладитъ швое и сердце онъ и взглядъ,

И въ осень дней швоихъ весну швою вспо-
мянетъ!

А ты, дитя, залогъ дражайшій двухъ сер-
децъ!

Живи и усугубь ихъ счастье, наконецъ!

Будь честенъ, будь уменъ, чувствителенъ,
незlobенъ,

Пріятенъ, милъ — во всемъ будь маминькѣ
подобенъ.

ДМИТРИЕВЪ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. Н. В.

О ты, съ которою блаженство постигаю,
 Которой радости и радостями счищаю,
 Которой горести для сердца моего
 Тяжелъ собственныхъ печалей и спраданья!
 Въ послѣдній часъ прими, за всѣ благодѣянья,
 Сердечной, старой долгъ отъ друга твоего!
 Ты совѣщъ, Ангелъ мой и благошворный Геній!
 Благодарю тебя, что ты меня спасла
 Отъ низкихъ слабостей, привычекъ, заблу-
 жденій;

И въ пристань тихую корабль мой привела.
 Ты радость и печаль со мною раздѣлила,
 Ты щасіе дней моихъ цвѣтами осыпала;
 И въ пацѣ желѣзной вѣкѣ, когда порокъ, раз-
 вращъ
 Изъ свѣта дѣлаютъ не свѣтъ, но мрачной
 адъ,

Съ тобою проводилъ я время золотое:
 Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое!

Какъ сладко заключенъ сей дружеской союзъ
 Непоспимую, таинственную силой!
 Однѣ желанія, во всемъ единый вкусъ,
 Любовь къ изящному, вліяніе чистыхъ Музъ,
 Воспламененный духъ и горестно-унылой,
 Благоговѣніе къ Природѣ и Творцу,
 Какъ къ доброй матери, какъ къ ищному ошцу,

Насъ къ мирной дружбѣ сей давно пригото-
вляли :

Мы свидѣлись — и вмигъ сердца насъ сочetaли

Могу ли не лѣтѣшь душой къ тѣмъ райскимъ
днямъ ,

Которые съ тобой въ деревнѣ мы дѣлили ?

Здоровы , веселы , мы цѣлой день бродили

По берегу Оки , по рощамъ и садамъ :

Едва лишь пихая денница занималась ,

Мы шли на ближній холмъ — глядѣли , какъ
съ весной

Надежда юная на землю низпускалась ;

Какъ новой ризою Природа облекалась ,

Румянцемъ небеса , а воды синевою ,

И съ бездною небесъ сливалась водъ равнина —

Великолѣпная , волшебная картина !

Блѣяніе овецъ , шумъ листьевъ , вѣтерковъ

Хоръ птицъ невидимый , журчаніе ручьевъ ,

Казались пѣснью хвалебною Природѣ ,

Любви , безопасности , блаженству и свободѣ !

Могу ли позабыть , какъ позднею порой ,

Въ пріятномъ сумракѣ , я , ты и другъ нашъ общій ,

Плѣнялись на холмъ спокойною луной ,

Задумчиво на насъ сѣявшей изъ-за рощи ;

Какъ , наслаждаясь , любуясь и спрашась ,

Капались въ лодкѣ мы подъ чернымъ кровомъ

ночи ;

И шрели соловья плѣняли нѣжно насъ —

Онъ пѣшь переставалъ , но мы еще внимали !

Какъ съ каждымъ , съ каждымъ днемъ я дѣ-

лался добрѣй . . .

Какъ сладко мы тогда другъ къ другу при-

выцали !

Душа моя тогда, смѣшавшись съ пшвоей,
 Жила для дружества, добра и наслажденья;
 За все, за все тогда, въ огнь благоговѣнья,
 Мы возносились хвалою къ небесамъ.

Найдуль подобные шѣмъ райскимъ вечерамъ;
 Когда чинали мы Жанъ - Жака и Расина
 Въ зной лѣтній подъ окномъ, зимою у ка-
 мина?

Когда, послѣдуя Боннети - мудрецу,
 Любили восходить опъ пварей ко Творцу;
 Какъ съ Геснеромъ мы въ вѣкъ злашой пере-
 селялись;

Какъ съ Юнгомъ плакали, съ Фонъ - Визи-
 нымъ смѣялись;

Когда чинали мы исторію злодѣйствъ,
 Паденья сильныхъ царствъ, несчастія се-
 мействъ,

И жизнь свирѣпую убійцъ высокопарныхъ —
 Ты ужасалась ихъ замысловъ коварныхъ,
 И слезы (числая прелесныхъ глазъ роса!)
 Слѣшила осушить, взглянувъ на небеса!

Тогда я лиру бралъ, и въ струны ударяя,
 Жизнь сельскую хвалилъ, Делію подражая;
 Училъ располагать зеленые кусты,
 Ручьи серебристые и алые цвѣты;

Тогда у Буало и Дмишрева учился,
 Съ пороками людей и глупостью бранился,
 Или славныя дѣла Россіянъ воспѣвалъ!

Тебѣ единственно я правиться желалъ.

Не требуешь вѣнковъ моя простая лира,
 Возвышенный пшвоей, о милой другъ! хвалою;
 Я могъ ли дорожить народною молвой?

Изоръ дружбы для меня лестнѣе плесковъ мѣра.
 Съ побой я клевету Зоиловъ презиралъ!

Я не завидовалъ любовникамъ - счастливымъ,
 Я дружбу чистую любви предпочиталъ:
 Любовь не рѣдко смерть даетъ своимъ лю-
 бимцамъ;

Она съ оковами, съ рѣбрами, шестивой,
 Повязка на глазахъ и крылья за плечами;
 А дружба нѣжная съ открытыми глазами!
 Ее ли обольстишь наружной красою?

Теперь, мой другъ! тебя надолго покидаю!
 Теперь прошедшее живѣй воображаю.
 О домъ родимельской! о братья! о друзья!
 Въ послѣдній можешь быть прощаюсь, плачу
 съ вами;
 Быть можешь чуждые, съ холодными сердцами,
 Положишь въ мрачный гробъ, въ чужой зем-
 лѣ меня:

Никто не посѣтитъ могилы моея. . . .
 Не горько умирать, но горько разлучаться!...
 Такъ рокъ опредѣлилъ — готовъ повиноваться!
 Когда Отечеству полезенъ быть могу:
 Я Россѣ! и брани страхъ и смерть прене-
 брежу —

Гласъ челоѣчества и сердца умолкаетъ,
 Когда Отечество на битву посылаетъ!
 Богъ силенъ! можешь быть невреденъ возвра-
 щусь,

И снова съ Музами, съ Природой подружусь,
 И снова буду жить, какъ прежде, веселъ,
 воленъ,

Богатый дружбою, умѣреннымъ доволенъ!
 Ахъ! что мнѣ золото, алмазы и цѣнецъ,
 Коль друга, лучшее сокровище имѣю?
 Безъ злата съ дружбою я счастливъ быть умѣю!

Когда же дней моихъ приближится конецъ ,
 Съ улыбкой встрѣчу смерть , какъ вечеръ тихой , ясной ,
 Съ улыбкой кончу жизнь , какъ Майской день
 прекрасной .

Воейковъ.

XXXI.

ЭЛЕГИЯ

НА СМЕРТЬ ПЕЛЬСКАГО.

Вчера въ моемъ уединеннѣи
 Я съ нимъ о жизни разсуждалъ ,
 О нашемъ горѣ , утѣшеннѣи :
 Вчера съ друзьями онъ гулялъ
 По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный ;
 Глазами солнце проводилъ
 На западъ тихій и прекрасный ,
 И виды сельскіе хвалилъ ! . . .
 Слѣды его еще не скрылись
 На сѣхъ коврахъ травы густой ;
 Еще цѣпки не распрямились ,
 Измятые его ногой —
 Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся ! . . .
 Едва вдохнулъ — и вдругъ исчезъ !
 Съ дѣшными , съ друзьями не простился !
 Мы плачемъ : онъ не видѣлъ слезъ ! . . .

Ахъ! въ гробъ мертвые спокойны!
 Ихъ время горевать прошло. . . .
 Смерть только для живыхъ есть зло,
 Могилы зависти доспойны —
 Ничтожество не спрашно въ нихъ! . . .
 Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
 Умомъ, любезностью своею,
 Но тайно мучился душою, . . .
 Ахъ! онъ умѣлъ богошворить
 Свою любовницу - супругу!
 Оплакавъ милую подругу,
 Кто можетъ въ жизни щасливъ быть?
 Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
 Усопшихъ, посреди могилъ:
 Онъ тамъ рѣною слезы лилъ!
 Тамъ было и его гульбище,
 Равно прелестное для насъ,
 Равно любившихъ и любимыхъ,
 Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!
 Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
 Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
 Что самъ онъ скоро отдохнетъ
 Отъ жизни, въ коей счастья нѣтъ?
 Гдѣ радость есть приготовленье
 Къ упратамъ и печалямъ вновь;
 Увы! гдѣ самая любовь,
 Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
 Готовишь только сожалѣнье
 И гаснетъ всегда въ слезахъ,
 Тамъ есть ли въ благахъ совершенство? . . .
 Мечта прелестная, блаженство!
 Мелкая въ сердцѣ и въ глазахъ,
 Ты насъ желаньемъ упомляешь —
 Приводишь къ гробовой доскѣ,

Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!

Теперь супруги неразлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покойся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытїемъ! . . .
А мы, во странствїи своемъ
Еще шомимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣньемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣщаетъ,
Что мїръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыни передъ нимъ.
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности прїятно жили;
Тамъ, тамъ *собраніе вѣковъ*,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Копорыхъ въ лѣтописяхъ славимъ! . . .
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!

КАРАМЗИНЪ.

XXXII.

ДОГОВОРЪ.

Чтожъ дѣлать, милый другъ, люблю, люблю
тебя!

Я сталъ совсѣмъ иной, не узнаю себя!
Готоваюсь все опкрыть — но взглянешь . . .
содрогаюсь!

Одинъ въ безмолвіи, задумавшись, скипаюсь!
Грущу, гдѣ нѣтъ тебя, ночь въ скукѣ про-
вожу;

Въ мечтаніяхъ души тебя воображаю;
И естли иногда сонъ сладкій нахожу,
И въ немъ еще тебя, тебя же я встрѣчаю!
Приличноль это мнѣ? — ахъ, нѣтъ! минулъ
ужь вѣкъ
Любовныхъ замысловъ, щастливыхъ заблуж-
деній!

Второй десятокъ мой протекъ!
Исчезли призраки сердечныхъ восхищеній!
Исчезли — мнѣль тебя любить?
Разсудокъ не великъ съ Амурами шутить:
Рѣзвась съ мальчишками, въ мальчишки по-
падаешь.

Все правда! . . . но вчера . . . ты знаешь! . . .
Могу ли позабыть пвой нѣжный разговоръ?
Ты рѣзвостью мила! но вздохъ, но спрасш-
ный взоръ,

Но что задумчивость пвоя мнѣ общающъ?
Признаешься ли шебъ? ужь люди примѣчаютъ,
Что ты не такъ рѣзва, безпечна — и меня

Безмолвно слушаешь! Вчера рука твоя
Мною не покидала;
Она въ моей рукѣ пылала, препешала,
И пламенной, твоей взоръ спремился... на кого
Кого искалъ? Меня, меня лишь одного!
Я видѣлъ всё — такъ, я любимъ тобою!
Увѣренъ, милый другъ, увѣренъ, что любимъ!
Чье въ мірѣ щастіе 'сравняется съ моимъ?

Теперь заранѣ намъ должно межъ собою
Согласно начертать сердечный договоръ;
Мы пѣмъ предупредимъ семейственный раз-
доръ,
Неудовольствія, причудливые споры.
Вотъ *первая* сташья:
Мы будемъ жить одни, глазъ на глазъ, пѣ-
да п.

Здѣсь тѣмъ насмѣшниковъ, которыхъ злые взоры
Во всемъ находятъ зло! ехидныхъ языковъ
Я право не боюсь; но модныхъ болшуновъ,
Кудрявыхъ волокишъ, съ лорнетками, съ очками,
Какъ можно принимать? Признаться, между
нами,

Что ихъ ни дружба, ни любовь,
Ни посвщенія, не могутъ быть пріятны;
И что за щастіе имѣть собранья знатны,
Тѣмъ обожашелей, въ шуму ихъ обиташъ,
Безумно умствовашъ, безъ толку толковашъ?
Какъ можно мирную любовниковъ обитель
Въ нарядный маскарадъ шумовъ перемѣнить?
Нѣтъ, нѣтъ, мой милый другъ! я моды не
любителъ,

Я волокиповъ врагъ! — Возможно ли сносишь
Мучительны слова и въ дружбѣ увѣренье

Безпутныхъ въпреницъ? — Имѣешь позволеніе
Разъ въ мѣсяцъ . . . два раза . . . принять и
угостишь

Добросердечнаго спешеннаго собесѣда,
Шестидесяти лѣтъ — его мила бесѣда:
Онъ другъ премудрости, разврата первой
врагъ! . . .

И такъ мой сдѣланъ первой шагъ,
И первая спашья написана! *Вторая*:
Театровъ никогда тебѣ не посѣщать;
Но въ этомъ, кажется, и жершва не большая!
И намъ ли время убивать,
За *дымъ радостей* спрѣмиться?
Мигъ дорогъ для любви! О другъ мой, милый
другъ!

Минуша праздная чѣмъ можетъ наградишься?
И что же видимъ мы въ театрахъ? Малый
кругъ

Разумныхъ криптиковъ! другіе всѣ — звѣаки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, верпопрахи!
Открылся занавѣсъ — неистовый Герой,
Крича въ стихахъ *умри!* съ опчаяньемъ же-
маннымъ,

Дрожащую Княжну *дрожащею* рукой
Ударилъ не впопадъ кинжаломъ деревяннымъ;
Иль громкимъ голосомъ провозгласи *уби!*,
Безъ слезъ расплачется — въ блаженнѣйшей
любви,

Клянетъ себя и жизнь, на сценѣ умираетъ..
И ужинаетъ домой съ Княжною увѣжаетъ.
Комедія тебѣ, ты скажешь, веселишь.

Чему учишься въ ней? Лукавствовать, смѣяться
Надъ добрыми людьми? но можешь забавляться

Нещастіемъ другихъ? Тамъ старичокъ смѣ-
шилъ,

Что поздно полюбилъ! — Ахъ, кто повелѣ-
ваетъ

Волненіемъ спрашней? — Тамъ мужа наря-
жаетъ

Прической модною. прелестная жена;

И мужъ - Амфипріонъ — насмѣшка не одна
На счетъ любовниковъ бываетъ!

Что здѣсь пріипнаго? къ кому не вижуль я

И здѣсь соборища *святцовъ немилосердыхъ*,

Которыхъ такъ боюсь? Они найдутъ меня,

Найдутъ, я чувствую — нѣтъ мѣстъ для
нихъ священныхъ!

Ахъ! вотъ они! шумятъ! ужъ въ ложъ! Боже
мой!

Дадутъ ли гдѣ нибудь мнѣ бѣдному покой?

Увы! тѣснятъ меня, толкаютъ съ изви-
неніемъ,

А я въ углу спую лукавыя слова

Ихъ слушать осужденъ съ досадой, съ не-
терпѣніемъ! . . .

Молчу — что дѣлать мнѣ? — супружнія
права

Теряютъ дѣйствіе въ собраньяхъ многочу-
дныхъ.

Но кончился театръ, и мы идемъ съ толпой

Къ подвѣзду — ахъ! и шумъ, и шумъ го-
нимъ судьбой,

И шумъ и пригласеніе толпою безразсудныхъ,

Несносныхъ волокишъ! — за нами въ слѣдъ ле-
пятъ,

Усердствующіе тебѣ и руку предлагающіе.

Возможноль отказать? учтивоснѣ, говорятъ,

Часть IV.

К

Отказамъ первый врагъ. — Глаза мои те-
ряютъ
Тебя среди толпы, и я одинъ брожу! . . .
Нѣтъ, именемъ любви, мой другъ, тебя прошу:
Забудь навѣкъ театръ, любви моей опасной!

„Готова!“ — Далѣе! танцуешь ты прекрасно,
Я знаю — но тебѣ на балахъ не бывать.
Какъ! будешь для другихъ такъ мило наря-
жаться?

Съ намѣреньемъ пригошляешься,
Чтобъ нравиться другимъ, прельщать, обво-
рожать,
Чтобъ, шумною толпой влюбленныхъ окру-
жась,

Въ чадѣ кадилницъ забывался,
Изъ жалости одной взоръ бросить на того,
Кто болѣе другихъ пылаешь, и ного
Ты не нарядами, не блескомъ восхищаешь,
Но сердцемъ, но умомъ, но чувствами пль-
няешь.

Ужь танцы начались . . . на вальсъ тебя про-
силь
Подходящъ Адонисъ — онъ съ видомъ боязли-
вымъ,

Бродящимъ взоромъ, шоропливымъ
Искалъ прекрасную — и взоръ остановишь
Быль долженъ на тебѣ — и кто не восхи-
щенъ,

Увидѣвши тебя? — Ужь онъ съ шобой вер-
щенъ,

Рукою окружа пшвой шонкой, спройной спанъ,
Лещаешь — до полу изъ милости касался!

И ты въ его рукахъ! а я? . . . я, разры-
 ваясь,

Сажу въ углу одинъ, клянусь себя! въ обманъ
 Попался! думалъ быть съ тобою неразлученъ!
 Ждалъ удовольствія! теперь несносенъ, ску-
 ченъ!

Въ опчаянїи, возбъшенъ! . . . Ты, милая,
 бѣжишь

Немного отдохнушь — садись и едва ды-
 ханье переводить,

Трепещешь грудь твою . . . — но ты опять
 находишь

Пріятность танцовать! опять на вальсъ спѣ-
 шить,

Опять, опять меня въ смущеніе приводишь
 Воздушной легкостью своей! . . .

Нѣтъ, балы позабудь! — Я въ ревности своей
 Кажусь взыскашенъ? чтожь дѣлать, другъ
 мой милой!

Могу ли быть тебѣ несносенъ отъ того?

Ахъ, кто причиною? я сердца моего

Перебѣню ли спросить? какою силой

Дамъ чувствъ новыхъ ему?

Ты скажешь, я тебя на скуку осуждаю,

Изъ дома дѣлаю шюрму,

Столицу въ монастырь глухой перебѣняю. . .

Ахъ, нѣтъ! я самъ хочу, чтобъ всюду за
 тобой

Утѣхи, радости стремились толпой;

Но я покоя другъ, но скромность обожаю,

И для того тебя въ деревню призываю!

Огромны зданія не нужны намъ съ тобой!

Чертогъ, украшенный искусною рукой,

Очаровательный, чудесный,

Не споль миѣ нравишся, какъ сельскій домикъ,
тѣсный,

Но свѣтлой и простой — я тѣснопу люблю;
Боюсь далеко житьь отъ той, съ кѣмъ жизньъ
дѣлю!

Въ одной же горницѣ — кто шепчетъ, кто
вздыхаетъ,

Кто спукнетъ, заскрипитъ, на цыпочкахъ
супаетъ. . .

Я вижу, слышу, знаю всё,

И сердце отъ того спокойнѣе мое!

Чего еще желать блаженства къ дополненью?

Во вкусѣ Англійскомъ, простомъ,

Я рощу насажу — она окружитъ домъ;

Пустыню оживитъ, дастъ пищу размышленью;

Вдоль рощи побѣжитъ спруисный ручейъ:

Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплелутся,

Березы, надъ скамьею развѣсившись, нагнувшись;

Тамъ мшистый, мрачный гротъ; тамъ свѣт-
ленькой лужокъ;

Здѣсь скромный огородъ принудитъ насъ за-
нянись,

И непорочною занятій восхищаться!

Мы будемъ щастливы природой и собой!

Глазъ скоро обойметъ пустынниковъ владѣнья;

Но ограничимъ въ нихъ всѣ наши наслаж-
денья;

Ахъ! удовольствіе, блаженство и покой

Обширности бѣгутъ, довольны тѣсношой!

Друзья, товарищи забавъ моихъ смиренныхъ

Кто будешь? Жители села, съ простымъ
умомъ,

Умъ стоишь остропы; въ невѣжествѣ сво-
ёмъ.

Они почтениѣ людей високомѣрныхъ,
 Которыхъ называшъ опасно — замолчу.
 И такъ съ побою я въ деревню полечу,
 Забывши свѣтскія печальныя забавы,
 И общежитіе, и модныя успавы. —
 О сколько радостей насъ ожидаетъ тамъ!
 Скипашъ будешь ты по роцамъ, по горамъ,
 Куда глаза глядятъ — но только все со
 мною,

Не разлучаясь, рука съ рукою!
 Найдемъ прекрасный видъ — плѣняясь въ серд-
 цѣ имъ,
 Присядемъ на часокъ, и взоръ свой усладимъ,
 И сердце нѣжными наполнимъ мечтами. . . .
 Но вечерѣетъ день, ужъ солнце за горами,
 Синѣетъ дальный лѣсъ — мы спихою сполой
 Идемъ, задумавшись, съ разпроганной душой,
 Спокойны, щастливы — деревню перехо-
 димъ,

Но мимо хижины убогой не проходимъ;
 Тамъ бѣдность, милый другъ, и скорбь и
 гладъ найдешь:
 Смотри, какъ блѣдна мать съ дѣтьми къ
 тебѣ тѣснится!

Ты всѣхъ несчастныхъ другъ, ты помощь
 имъ даешь,

И нѣжная слеза изъ глазъ твоихъ каплетъ.
 Такъ всякую семью ты щастіемъ даришь:
 Тамъ Ваню добраго на Лизанькѣ женишь;
 Тамъ старца дряхлаго ты лѣта уважаешь;
 Почетную скамью на свадьбѣ уступаешь;
 И болѣ чѣмъ меня въ душѣ обворожишь,
 Ты всѣмъ, мой другъ, велишь себя боготво-
 рити!

Такъ въ радостяхъ любви мы дней не замѣ-
чаемъ!

Такъ жизнь лепящую въ блаженство обра-
щаемъ!

Ратификаціи трактата моего
Я съ неперывнымъ жду! коль друга своего
Ты любишь, подпиши спашьи первоначальны.
Доволенъ будешь онъ! Со временемъ для
насъ

Осенни вечера, мечты, прогулки дальны,
Откроются новыя! Придетъ блаженный часъ —
И *скрытыя* спашьи явятся на показъ.

Давыдовъ.

XXXIII.

Э л е г і я.

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодной, бурной вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ пѣсни мирныя доселѣ просширались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались —
Поблещіе лѣса въ безмолвіи спойшъ,
Туманы спелюшся надъ доломъ, надъ холмами.
Гдѣ сосны дрезнѣя задумчиво шумяшъ
Усопшихъ поселяшъ надъ мирными гробами,
Гдѣ все вокругъ меня глубокой сонъ шагчашъ,

Лишь колоколъ ночью одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу спонъ
глухой —

На камнѣ гробовомъ печальный, тихій Геній
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой;
Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:
„Смотри, какъ сохнешь все, хладѣешь, исплѣ-
ваешь;

Смотри, какъ грозная, безжалостная смерть
Всѣ ваши радости на вѣкъ уничтожаетъ!
Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть!“

О ты, кого еще надежда обольщаетъ —
Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, щастливый человекъ!
Но вы, несчастные, гонимые судьбою —
Вы, кои въ мѣрѣ семъ проспилися навѣкъ
Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умоливъ веселья
гласъ!

Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
Съ любезною навѣкъ, иль съ другомъ разлу-
ченный!

Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять.
И въ самыхъ горестяхъ насъ можешь утѣ-
шать

Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ!
Ахъ! только имъ однимъ спрадець и жи-
ветъ!

Пускай щастливца мѣрѣ къ веселію зоветъ;
Но ты, во цвѣтѣхъ лѣтъ сраженная судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!

Ни юность, для другихъ зря прекрасныхъ

Ни прелести ума, ни рай души твоей,
 Которой все вокругъ тебя щастливо было,
 Ничто, ничто судьбы жестокой не смягчило!
 Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала щастье ты,
 Проснулась — и ужь нѣтъ лѣтнимъ мечтательной
 мечтаний!

Напрасно въ снѣ за ней душа твоя спрем-
 мится,

Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтатель:
 Ахъ! томъ, когдѣ еще хотѣла ты прикасать
 Къ изсохшей груди — плачь! — ужь онъ не
 возвратится

Во вѣкъ!... Здѣсь будешь ты оплакивать его,
 Всѣхъ въ жизни радостей на вѣки съ нимъ
 лишена:

Здѣсь бурной осенью Природа обнажена
 Раздѣливъ съ нѣжностью грусть сердца твое-
 его;

Печальный мракъ ея съ душой твоей сходнѣ;
 Тебѣ ли радости въ мірскомъ шуму найши?
 Одинъ увидшій листъ несчастному милѣ,
 Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
 И горестъ сноснѣ въ обѣщаніяхъ свободы!
 Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раз-
 дѣлитъ:

Здѣсь, все тебѣ о немъ лишь будешь говорить.
 Съ улыбкой томною опцѣвшія Природы
 Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты;
 А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные слѣды,
 Ты скажешь: гдѣ они? здѣсь только прахъ
 ихъ шавешъ,

И скоро бурный вихрь и самый прахъ раз-
вѣетъ!

И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой,
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ
его!

Какъ нѣжная рука тебя образовала,
И прелестною добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала,
И радостей иныхъ постигнушь не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна...
Но жизнь обманъ; а ты, минутой обольщенная,
Хотѣла вѣчно жить для счастья, для него;
Хотѣла — громъ гремитъ — ты видишь...
гробъ его! . . .

Что счастье? быстрый лучъ сквозь мрачныхъ
лучъ осеннихъ:

Блеснетъ — и только лишь несчастный въ
восхищеньи

Къ нему обвѣтѣ и взоры устремитъ:
Уже сокрылось все, чѣмъ бѣдный веселился;
Опраданный лучъ исчезъ, и мракъ надъ нимъ
сгустился,

И онъ обманутый, расперзанный стоитъ,
И Небо горестной слезою укоряетъ!

Такъ! счастья въ мѣрѣ нѣтъ; и кто живетъ,
спрадаетъ!

Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей!
Найти спокойствіе внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселишься,
Что съ мирной совѣстью твоей духъ не воз-
мутился!

Пусть съ доброю душой для щасья ны ро-
жденъ;

Но бывъ нещасными опвсюду окруженъ,
Но бѣдспѣй ближняго со всѣхъ сторонъ сви-
дѣтель —

Не будетъ для тебя блаженствомъ добродѣ-
тель!

Какъ часто доброму опрада лишь въ слезахъ,
Спокойствіе въ землѣ, а щасье въ небе-
сахъ! — —

Не вѣчно и тебѣ, не вѣчно здѣсь помишься!
Утѣшься; и шуда швой взоръ да устремится,
Гдѣ швой смущенный духъ найдетъ себѣ покой;
Гдѣ позабудетъ все, чѣмъ онъ терзался прежде,
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ;
Гдѣ царство вѣчное одной любви свящой!

ТУРГЕНЬВЪ.

XXXIV.

ПОСЛАНИЕ КЪ В. А. Ж.

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ
шомъ,

Что часто я шружусь день цѣлой надъ спи-
хомъ?

Что Кондильяка я и дю Марсе читаю;

Что Логикъ учусь и яснымъ бытъ желаю;

Какая слава мнѣ за тяжкіе шруды?

Лишь только всякой часъ себѣ я жду бѣды;

Стихо - марашелей здѣсь скопище упрямое.
Не спавлю я нигдѣ ни *съмо*, ни *оуамо*.
Я признаюсь, люблю Карамзина чашать,
И въ слогѣ Дмишреву стараюсь подражать.
Кто мыслишь правильно, кто мыслишь бла-
городно,

Тотъ извѣсняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ,
И на Парнассѣ они Поэта не ведутъ.
Кто Руской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно хотѣ писать Трагедіи пусхился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣіе, но сущій только бредъ.

Вотъ такъ я думаю, и если ошибаюсь,
То на Горація и Буало ссылаюсь;
Они противъ враговъ мнѣ цѣвръдый будущъ
щій:

Разсудокъ слѣдоваѣ примѣрамъ ихъ величѣ.
Талантъ намъ Фебъ даѣтъ, а вкусъ даѣтъ
ученѣ;

Что просвѣщаетъ умъ, питаетъ душу? Чтение!
И что намъ говорятъ Паскаль и Воссюэль,
Въ Синописѣ того, въ Спенсеновой книгѣ въшъ,
Отечество люблю, языкъ я Руской знаю,
Но Тредьяковского съ Расиномъ не равняю,
И Пиндаръ нашихъ спранъ шѣмъ слогомъ не
писалъ,

Какимъ Баянъ въ свой вѣкъ героевъ восхвалялъ.

Я правъ. Что пользы въ помѣ? Родится
только злоба.

И доведешъ меня спрость ко спихамъ до гроба.

Я вижу весь соборъ раскольниковъ - Славянъ,
 Которыми здѣсь вѣсѣ къ изящному погранъ,
 Противъ меня теперь, рыкающій ужасно;
 Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ веле-
 гласно:

„О братіе мои! зову на помощь васъ,
 „Ударимъ на него и первой буду азъ.
 „Кшо намъ граммашикъ совѣтуешъ учись,
 „Во пшму кромешную, въ геенну погрузится;
 „И аще смѣетъ кшо Карамзина хвалить,
 „Нашъ долгъ, о людѣ! злодѣя изпребишь.“

Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтен-
 ный!
 Не бойся; мранъ исчезъ; насмалъ намъ вѣкъ
 блаженный.

Великій Петръ, попомъ Великая Жена,
 Которой именемъ вселенная полна,
 Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь
 открыли,

Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
 Виргилій и Гомеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
 Гораций, Ювеналъ, Саллустій, Фукидидъ
 Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славы
 Россовъ,

Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ.
 На лирѣ золотой Державинъ возгребалъ,
 Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ
 воспѣлъ;

Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенной,
 Представилъ Душеньку въ Поэмѣ несравненной;
 Во вѣсѣ часъ насмалъ великихъ перемѣнъ:
 Явились Карамзинъ и Дмишревъ-ла Фонтень!
 Вотъ чѣмъ всѣ Рускіе должны гордиться нынѣ;

Хвала Великому! хвала ЕКАТЕРИНЬ!
 Пусть Клиѣ рецензїи писанью предаѣтъ;
 Безумцу вопреки поэтѣ всегда поэтѣ.

И такѣ, любезный другѣ, я смѣло въ бой
 вступаю;

Въ Словесности расколѣ, какѣ должно, осуждаю.
 Аристѣ душою добрѣ, но Авшорѣ онѣ дурной,
 И намѣ онѣ книгѣ его нѣтъ пользы никакой.
 Въ страницѣ каждой онѣ слогѣ древнїй вы-
 хваляетѣ,

И Рускимѣ всѣмѣ словамѣ прямой источ-
 никѣ знаетѣ.

Что нужды! толстый помѣ, гдѣ зависть лишь
 видна,

Не есть Лагарповѣ курсѣ, а пагуба одна.
 Въ Славянскомѣ языкѣ и самѣ я пользу вижу,
 Но вкусѣ я варварской гоню и ненавижу.
 Расинѣ и ла Фонпенѣ, Вольперѣ, Руссо, ла
 Мотѣ,

Писали ужѣ не такѣ, какѣ писывалѣ Маршѣ.
 Словѣ много зашвердишь не есть еще ученье.
 Намѣ нужны не слова, намѣ нужно просвѣ-
 щенье.

Пушкинѣ.

О ИСТИННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ.

САТИРА.

Эмилій, другъ людей, полезной гражданинъ,
 Великой человекъ, хопя не Дворянинъ!
 Ты, славно побѣдивъ людей несправедливостъ,
 Собою посрамилъ и барство и кичливостъ.
 Ты свой возвысилъ родъ; швой гербъ, швой

чины,
 И слава — собственно побой сотворены;
 Твои послѣ тебя наслѣдуютъ попомки
 Любовь къ отечеству, не шиплы только
 громки.

Однако же не лзя Дворянство вздоромъ счесть,
 Когда, съ заслугами соединяя честь,
 Почтенный Дворянинъ, блистая орденами,
 Быть хочеть, пакъ какъ ты, полезенъ намъ
 дѣлами.

Дворянство помнишь онъ лишь только для
 шого,

Чтобы достойнымъ быть опличія сего;
 Заслуги пращцовъ своими умножаетъ —
 И честь ихъ имени еще свѣплѣй сѣлетъ!

Напрощивъ не могу я вытерпѣть никакъ,
 Чтобы воспианный Французами дуракъ
 Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
 И предковъ шиплами предъ свѣтомъ величался.
 Пусть пращцовъ его сѣлетъ похвала;
 Пускай въ Исторіи безсмертны ихъ дѣла;

Пускай Монархи имѣ, за вѣрное служенье,
 Пожаловали гербѣ, дипломы въ награжденье:
 Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ лю-
 дей —

Гнидой пергаментѣ, пыль, обѣдки отъ червей,
 Коль, предковъ славныхъ являя намъ дѣянъ,
 Въ ихъ внука не возжгушъ къ честямъ по-
 ревноващя;

Когда безъ славныхъ дѣлъ щеславіемъ набишъ,
 Попомошъ глупой ихъ въ презрѣнной цѣбѣ
 спитъ;

А между шѣмъ сей Князь, Бояринъ эшотъ
 гордой,

Надушый древнею высокою породой,
 Глядишъ, какъ будшо онъ насъ царствомъ
 подарилъ,

И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
 Какъ будшо съ Минихомъ дѣлалъ труды и
 славу,

Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.

Не ужъ ли вѣчно мнѣ глупца сего щадитъ?

Однажды навсегда хочу его спросить:

Скажи, о дивной мужъ, опличное шворенье!

Какія у людей живошныя въ почтеньѣ?

Мы дорого цѣнимъ решиваго коня,

За то, что спашенъ онъ, горячъ, какъ пылъ
 огня;

За то, что никогда въ бѣгу не упомлялся,

И на ристалищѣ спократно опличался;

Но будь Алфановъ онъ, или Байрдовъ внукъ,

Да кляча по себѣ, пошчасъ сбываютъ съ рукъ;

Прощай почтенье и къ племени и къ роду!

На немъ шашатъ дрова, или привозятъ воду.

За чѣмъ же хочешь ты слѣпить насъ мину-
рой?

Родня великимъ ты — примѣры предъ побой:
Румянцовъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ;
Въ посольствѣ Князь Репнинъ, въ Сенатѣ
Долгоруковъ;

Спаситель Ерапкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители Наукъ Шуваловъ, Муравьевъ;
Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвший древни
брани,

Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, Вельможей образецъ,
Державинъ, славныхъ бисповъ, любви, боговъ пѣ-
вецъ:

Онъ движетъ въ насъ сердца, златны движа
спруны;

Онъ нѣженъ какъ любовь, и звученъ какъ
перуны.

Къ заслугамъ и честиамъ премножество дорогъ!
Наслѣдникъ бабушкинъ и маминъкинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь баринъ самымъ
дѣломъ;

Великихъ сихъ Мужей пославъ себѣ примѣромъ;
Будь чещенъ, какъ они — и Княжесствомъ
хвались;

Полезенъ обществу — и предками гордись;
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ цар-
ской,

А прародишелемъ Князь Курбскій, пль По-
жарской.

Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внуч-
комъ слышь:

Кипо смѣетъ Минина породой укорить?

Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Гер-
кулеса,
Не долженъ быть ни прусъ, ни глупая по-
ѣвса.

Но ты не внемлешь мнѣ! ты, вѣчное пьяно,
Безчестіе пращцовъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благо-
родной,
Отъ корня добраго гнилой сучокъ, негод-
ной. . . . — —

Остановись, мой духъ! въ досадѣ на бояръ;
Ты слишкомъ далеко простиеръ усердья жаръ;
Со знашимъ будь всегда учивше, скромнѣе.
Суровость усмиривъ, спроси его нѣжнѣе:

— Какъ древность рода вы изволили счи-
тать? —

„О! я за триста лѣтъ могу вамъ дока-
зать,

„И доказательство такъ ясно и безспорно:

„Дипломы, грамоты!“ . . . — Помилуйте, до-
вольно!

А кто поручится, когда васъ смѣнь спро-
сить,

Что не изволили прабабушки шутить
Надъ знаменитыми своихъ супруговъ лбами,
Простонародными украся ихъ рогами?

И не было ли вспарь проворныхъ молодцовъ,
Которые у сихъ почтенныхъ старичковъ

Чистѣйшей крови шокъ въ печень возмутили?

Иль ваши пращцы другихъ щастливѣй были,

И въ длинной рядъ вѣковъ, на грѣшной сей
земли,

Въ родство съ Лаисами ни разу не вошли?...
 При томъ, какъ Русскому, вамъ должно бытъ
 извѣстно,
 Что мѣстничество здѣсь ни мало несовмѣстно;
 Подъ скиншромъ Благоспи для всѣхъ права
 даны:

Полезные сыны Ошечеству равны,
 И самой древнѣй родъ, богатое наслѣдство,
 Не есть опличное для службы Царской сред-
 ство.

Но если какъ нибудь ошибкой, или такъ,
 И выдешъ въ знашней чинъ лѣнивецъ и ду-
 ракъ:

Почтенія къ нему ни мало не прибудешъ,
 Онъ изъ просшихъ глупцовъ глупцомъ чинов-
 нымъ будешъ.

Ошечество мое! ты будешъ вѣкъ цвѣсти;
 Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверзтые пуши
 Ко побѣдъ на бою, къ пріумфу послѣ боя!
 Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Петръ Героя,
 Которой не родствомъ, а самъ собой блисталъ
 И выборъ Мудраго заслугой оправдалъ.

Пускай же мальчики болтають и панцуютъ,
 Попомни воиновъ всю жизнь провальсируютъ;
 Пусть эши гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
 Спараютъ набрать толпу большую слугъ,
 Лакеевъ опличать ливрейными цвѣтами
 И съ ногъ до головы обшить ихъ голунами.
 Невѣжъ нужно бытъ опличну отъ людей
 Кафпановъ песпрошой и спашью лошадей;
 Но горькіе плоды ихъ спаростъ ожидаютъ,
 Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.

Межъ шѣмъ, Эмилій, ты, прудясь, какъ му-
равей,

Чинъ знашной заслужилъ прилѣжностью своей;
Твоею доблестью Ошечество гордишься :

Осмѣлился съ шобой дворянской сынъ срав-
нишься,

Которой газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарѣ жизнь прекрасную ведетъ ?

Эмилій, ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защищи-
шель;

Ты духомъ дворянинъ! прудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлѣемъ, за Кольбертомъ спу-
пай;

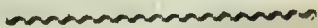
Не орденской звѣздой, сѣй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душею, не чинами ;

Монарху славному со славою служи;
Добромъ и пользою вселенной докажи,

Что Александръ къ дѣламъ людей избралъ
умѣтъ;

И ревностныхъ сыновъ Ошечество имѣетъ.

Воейковъ.

XXXVI.

КЪ А Л И Н Ъ.

Супругъ швой слишкомъ щасливъ былъ:
 Не могъ онъ жить въ подлунномъ свѣтѣ,
 Гдѣ тайный рокъ въ своемъ совѣтѣ
 Сердца на горести осудилъ,
 А щастью бытъ велѣлъ мечюю.
 Но кто нечаянной судьбою,
 Украдкой будешь здѣсь блаженъ,
 Тому *сѣнь розы* положенъ:
Какъ щастливъ я! едва лишь скажешь,
 Увянешь — и въ могилу ляжешь.
 На что ты Ангельской душой,
 Своей любовью, красою,
 Въ супругъ сердце восхищала,
 Его съ безсмертными равняла?
 Когда бы жизнью онъ скучалъ
 И смерть къ себѣ какъ друга звалъ,
 Тогда бы долго прожилъ съ нами;
 Тогдабъ сѣдыми волосами
 Еще онъ . . . слезы опиралъ.
 Гдѣ радость есть *судьбы'ошибна*,
 И гдѣ веселая улыбка
 Бываетъ рѣдко не обманъ,
 Тамъ онъ въ душѣ швоей прелестной
 Нашелъ *блаженства талисманъ*,
 Земнымъ спрадальцамъ неизвѣстной,
 Нашелъ — и смерть нашла его.
 Твоей любовью упоенный,
 Въ жару воспорга своего

Ударомъ рока пораженный,
 Щаспливецъ умеръ какъ заснулъ;
 Въ минушу самыя кончины
 Еще опъ нѣжности вздохнулъ.
 Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
 Семи вѣкамъ не предпочтешъ?
 Не время мило, наслажденье.
 Одно щаспливое мгновенье
 Не лучшело многихъ скучныхъ лѣтъ?

КАРАМЗИНЪ.

XXXVII.

ТИТИРЪ и МЕЛИБЕЙ.

ПЕРЕВОДЪ ПЕРВОЙ ВИРГИЛЕВОЙ ЭКЛОГИ.

М е л и б е й.

Плюясь въ пѣни, подъ зыбкимъ сводомъ нвы,
 Пастухъ, сливаешь ты свирѣли звукъ игривый
 Со гласомъ сельскихъ Музъ! — Ты веселъ,
 другъ . . . а я

Оставилъ родину, любезные края,
 Опечесства бѣгу! . . . подъ пѣнью безопасной
 Ты учишь пѣшь лѣса о Деліи прекрасной,
 И рѣзвой гулъ вдали швердитъ ее стократъ. —

Т и т и р ъ.

О Мелибей, есть богъ, податель сихъ оп-
 радъ! —

И будетъ онъ мой богъ! Его олшарь свя-
щенной,
Ягненокъ, съ машерью лишь столько разлу-
ченной,
Здѣсь будетъ кровію своею омывать!
Взгляни на свѣтлой лугъ, къ чему другихъ
искать? —
Здѣсь стадо, здѣсь пою, здѣсь съ ровными
прѣзляюся;
Ему обязанъ всѣмъ.

М е л и б е й,

Безъ зависти дивлюся!
Куда ни обратись — гроза во всѣхъ мѣстахъ!
Смущаются поля!... Я самъ, при сѣдинахъ,
И дряхль, и слабъ, влекусь за щощими ов-
цами;
А эту чутъ веду... бѣдняжка за кусками,
Теперь лишь двухъ ягнятъ несчастно родила.
На нихъ — то вся моя надежда и была!
Какъ угадашь бѣду! — а молніи не даромъ,
На дубы древніе спускалися съ пожаромъ,
Не даромъ вѣщій вранъ далъ голосъ надо
мною...
Но, Типиръ, кто сей богъ, хранитель-ге-
ній швой? —

Т и п и р ъ.

Ахъ! какъ же я былъ просиъ! послушай для
забавы:
Я думалъ: городъ сей, о коемъ столько
славы,

Что Римомъ всѣ зовушь, похожъ на нашъ
родной,

Куда точили мы ягнѣтъ своихъ весной.

Такъ равнымъ махери козленокъ мнѣ казался;

Такъ малое съ большимъ равнялъ я пріучался!

Нѣтъ! — Римъ среди градовъ такъ выситъ
ся главой,

Какъ гордый кипарисъ надъ низкою правой!

М е л и б е й.

Чтожъ въ Римъ тебя влекло, скажи мнѣ?

Т и л и р ѣ.

Что? — свобода!

Хоть поздно (такъ какъ Февъ, въ шуманные
дни года),

Свобода за меня возрѣла наконецъ!

Я молодъ былъ, лѣнивъ, отъ всѣхъ прудовъ
бѣглецъ;

Едва, едва мои ланины опускались;

Возрѣла наконецъ — и всѣ бѣды скончались!

Забытый Лилою, а Деліей любимъ,

Я началъ помышлять, какъ жить добромъ
своимъ;

А прежде, признаюсь, когда владѣлъ я Лилою,

Не думалъ объ овцахъ, ни о свободѣ милой;

Хоть часто въ городъ я водилъ своихъ ягнѣтъ,

Хоть сѣромъ, молокомъ всегда бывалъ бо-
гатъ,

Но пользы

М е л и б е й.

Такъ! — теперь открылось предо мною,
Что былъ, о Делія, шоски швоей виною! —

По комъ, печальная, спенала ты, въ слезахъ,

Кому ты берегла плоды на деревьяхъ?...

Такъ, Тиширь, ты любимъ! Тебя, пастухъ
щасливый,

И рѣки ждали здѣсь и дубы молчаливы,
И ближней рощи гулъ всегда къ тебѣ взывалъ!

Т и ш и р ь.

Что дѣлать! я въ цѣпяхъ неволи злой спеналъ!

Здѣсь не было боговъ спрадалицу въ утѣшенье;
Но въ Римѣ, Мелибей, мой богъ, мое спасенье!

Но въ Римѣ видѣлъ я шого, кому онѣ насъ
Нуряшся олшари въ году двѣнадцати разъ.
Со взоромъ кротости онѣ внялъ мое моленье;
Не бойся, мнѣ вѣщаль, съ шобой швсе вла-
дѣнье!

Здѣсь скопѣ свой разводи, сюда гоняй шпада!

М е л и б е й.

И пакъ швои поля съ шобою навсегда;
О щасливый пастухъ! скажи, чего не болѣ?
Когда луга другихъ, забышы по неволѣ,
Лишь камень кажущъ намъ, лишь перномъ
поюсли:

Все виругъ тебя цвѣтешъ! и вредный плодъ
земли

Не будешъ пищею ягнятъ новорожденныхъ;
Ни язва не придетъ онѣ шпадъ къ тимъ за-
раженныхъ;

Жестокой брани кликъ не возгремить въ твоей
 слухъ;
 Не придетъ злобный врагъ; о щастливый па-
 спухъ!
 На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ, ро-
 димыхъ,
 Близъ крова милаго, въ тѣни деревъ люби-
 мыхъ, —
 Тамъ радости твоей! шагъ спупишь — и лѣ-
 сокъ!
 Здѣсь перелетной рой, спускаясь на лужокъ,
 Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призы-
 ваетъ,
 Здѣсь пѣсни нѣжныя садовникъ напѣваетъ,
 И голуби твои, утѣха юныхъ дней,
 Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей.

Т и л и р ъ.

Пусть прежде робка лань, забывъ долины мирны,
 Для паствы воспаритъ въ обители эфирны;
 Пусть прежде, измѣнивъ родительскимъ по-
 лямъ,
 И странствуя по всѣмъ вселенныя концамъ,
 Пьетъ Германъ Тигровы, а Парѣ Арарски
 воды;
 Пусть прежде премѣнитъ жилище всѣ народы:
 Не измѣнюсь! — ему вся жизнь посвящена!

М е л и б е й.

А намъ, изгнанникамъ, — гдѣ смерти намъ
 суждена?
 Мы, сирые, влечемъ шяжело бремя горя,

Иль въ Ливію , иль въ Кипръ ; пройдемъ рав-
нины моря —
Въ безвѣстной , новой мѣрѣ — въ Британ-
скіе лѣса! . . .

Ахъ! — естли нѣкогда позволяшъ небеса
Еще хоть разъ одинъ увидѣшь лѣсъ знакомой,
И бѣдну хижину , покрытую соломой :

Что , что тогда найду на нивѣ я родной?
Колосьевъ нѣсколько , подавленныхъ правой!
Какъ! лучшія поля , трудовъ , раченія пра-
ша ,

Должны добычей быть прищельца — супо-
спаха?

Добычей варвара и жатва и плоды? . . .

О мщеніе боговъ , гражданскія вражды!

Теперь шрудись , нашъ братъ , при холодѣ ,
при зноѣ!

Теперь - то , Мелибей , разсаживай въ покоѣ
Свой добрый виноградъ , хранимый для дѣ-
тей!

Сступайте козы , вы , опрада лучшихъ дней ,
Щасливый прежде скотъ! сступайте
нѣтъ! ужъ болѣ ,

Сидя въ прохладѣ дровъ , въ безопасности , на
волѣ ,

Не буду видѣть васъ , любясь издали ,
Висящихъ на краю пѣнистыхъ скалъ! . . .

Прости цвѣтушій край! вы , пѣсенки , прости-
те! . . . ,

Что , козы бѣдныя , что помно вы глядите?
Нѣтъ! вы не будете уже въ глазахъ моихъ
Ощипывать листья кусточковъ молодых! . . .

Т и л и р ъ.

Постой, куда спѣшишь? я плачу самъ съ тобою!
 Чѣмъ бѣдному помочь? останься здѣсь со мною!
 Всѣмъ радъ, что Богъ послалъ. Есть яблоки
 у насъ,

Каштаны, доброй сырѣ; теперь покой часъ!
 Смотри: уже туманъ вдали сналъ подниматься,
 И тѣни, съ горъ склонясь, длиннѣе становятся

Мерзляковъ.

XXXVIII.

ПОСЛАНИЕ КЪ БРАТУ МОЕМУ

НА НАШЕ УЕДИНЕНИЕ (*).

Въ душѣ источникъ благъ — сказалъ ты,
 другъ любезный,

Изъ сердца глубоко вздохнулъ,
 На бурный свѣта вихрь въ послѣднѣй разѣ
 взглянулъ

(Какъ добрый сынъ и нѣжный,
 Прощаясь навсегда съ отеческой страной,
 Приносишь дань любви ей горестной слезой)

Взглянулъ — и удалился
 Къ мѣстамъ, гдѣ сверстникъ-братъ, другъ
 юности швоей,
 И самъ отъ суеты подъ кровъ домашнѣй скрылся:

(*) Эта піеса въ первый разъ была напечатана въ Аонидахъ

Но скрылсяль отъ тоски? Нѣтъ! онъ безъ
 друга жилъ;
 Всѣ мысленно съ побой опасности дѣлилъ,
 И зрѣлъ тебя въ борьбѣ съ людьми и съ ихъ
 спрашьями,
 Теряющимъ разсудка лучъ,
 Какъ въ ярости стихій, подъ мракомъ бур-
 ныхъ шучъ,
 Пловца сраженного волнами. —
 Но возвратился ны — и дружба наконецъ
 Ушѣлилась съ побой; луга зазеленѣли,
 Пѣвцы лѣсовъ воспѣли
 Восторгъ чувствительныхъ сердецъ.

✱

На мирныхъ сихъ поляхъ, гдѣ крадешься и
 вьешься
 Безвѣстный ручеекъ, журчащій подъ правой;
 Гдѣ воздухъ къ намъ родной
 Съ долинъ отеческихъ несется;
 Гдѣ древнихъ и густыхъ лѣсовъ домашни пѣвцы,
 Покоя прахъ опцевъ, ласкала нашу младость;
 Гдѣ жизнь цвѣла, какъ ясный день,
 И въ сердце проливалась радость.
 Здѣсь будемъ, о мой другъ! вкушать покой
 и сладость
 Природы и весеннихъ дней,
 Какъ пчелка нектаръ пьетъ съ душистыхъ
 розъ, лилей.

✱

Взгляни, мой другъ, взгляни! богини зорь го-
 рящихъ
 Течуть на небеса струею золотой,
 Льются капли слезъ блестящихъ

И розы сыплеть за собой
 На тронъ Царя Природы,
 Любимца сердца своего, ...
 Вдали сверкнулъ вѣнецъ его;
 Предъ нимъ играютъ въ искрахъ воды;
 Въ поляхъ бѣжитъ и свѣтъ и тѣнь;
 Съ луговъ бальзамомъ дышетъ Флора;
 Краснѣетъ въ облакахъ Аврора,
 И разцвѣщаетъ свѣтлый день.

И мы, мой другъ! и мы, какъ упренны богини,
 Съ любовью скроемся въ пустынный уголокъ.
 (Съ любовью кажется прекрасна и пустыня!)
 Тамъ сидемъ — воздохнемъ — и крошкѣй въ-
 шерокъ

Снесемъ вѣсть сердца къ Нимфамъ милымъ,
 Подобно намъ однымъ, подобно намъ унылымъ.

Пастушки радостно вздохнушъ
 И на голосъ любви къ намъ тайно прибѣгушъ
 По Флоринымъ коврамъ, за упреннымъ Зе-
 фиромъ.

Мы вспрѣшимъ ихъ, свирѣль возьмемъ,

И тихо, тихо запоемъ:

„Пастушки! наслаждайтесь миромъ!

„И на землѣ красуйтесь вѣкъ!

„Красою вашею утѣшенъ человекъ,

„О вы, съ кѣмъ свѣтъ для насъ милѣ,

„Свѣжѣ жизни цвѣтъ, блаженство дней поливе!

„Пишая въ насъ любовный жаръ,

„Отъ насъ примите сердце въ даръ!

„Увы! мы царства не имѣемъ,

„Не можемъ золотомъ дарить;

„Но васъ, красавицы, любимъ

„И сердцемъ и душой умѣемъ;

„А чистая любовь сердецъ
„Есть радостей земныхъ вѣнецъ.“

И слезы оботремъ, которыми рѣкою
Прольются изъ очей. Щасливый Богъ любви
Изъ сердца искры двѣ вмигъ высѣчетъ спрѣлоу,
А Эхо въ слѣдъ шепнетъ; любовію живи!
Румянецъ на щекахъ пашушекъ запылаешь;
На вѣткѣ соловей, влюбленныхъ вѣрный другъ,
Споетъ намъ брачный гимнъ; цвѣтны успелятъ
лугъ

Для роскоши любви, и солнце возсіяетъ
Предъ нами ярче во сто кратъ.

✱

Украсимъ нашъ Эдемъ мы лучшими цвѣтами,
Какъ Богъ украсилъ райскій садъ,
И Грацій милыхъ предъ очами
Ихъ будемъ на зарѣ съ весельемъ окроплять,
Чтобъ только и дышать
Цвѣтами и любовью,
Какъ жизнью, текущей съ нашей кровью.
Любовь питаешь жизнь, какъ розу ароматъ.

✱

Въ часъ ушренныхъ прохлада,
Какъ небо и земля Творца благословляетъ,
Какъ пѣснь хвалы къ Нему хоръ пшарей воз-
сылаетъ,
Не будемъ въ высоту умомъ своимъ дерзать
Съ ученой смѣлостью Боннепа;
Не будемъ съ нимъ ключа искасть
Къ непостижимой тайнѣ свѣта;
Но поклоняйся ей въ пшореньи червячка,
въ дыханіи вѣтерка,

И въ сердцѣ, гдѣ огонь небесный пламенѣетъ,
 Которое любишь такъ сладостно умѣетъ.

✱

Мы будемъ иногда подъ осень вечеркомъ
 Пастушкамъ говорить о томъ
 Творишь краснорѣчивомъ,
 Всегда чувствительномъ, всегда миролюбивомъ,
 Который; онъ сполицъ укроясь шѣною селъ,
 Какъ птичка въ рощахъ сладко пѣлъ,
 То пѣлъ любовь, то пѣлъ свободу,
 То въ гимнахъ величалъ природу,
 То къ ней подъ чистый кровъ сыновъ ея вызы-
 валъ,
 Для блага даряшъ земныхъ законъ любви пи-
 салъ;
 Любилъ, и научалъ любить насъ добродѣтель;
 Но смертныхъ другъ, и благодѣтель,
 Безъ друга кончилъ бурный вѣкъ:
 Въ послѣдній жизни часъ гонимъ людской из-
 мѣной,
 Къ природѣ, къ ней одной въ объятія прилегъ,
 Взглянулъ на лугъ зеленой,
 На солнце въ небесахъ, и Богу отдалъ духъ....
 Предъ шѣною Руссо пастушки прослезаясь,
 И скажутъ: ахъ! онъ былъ и нашъ прѣжнѣй-
 шій другъ!

✱

Когда же звѣзды загорятся
 И озарятъ полночный кругъ,
 Другое мы найдемъ подругамъ утѣшенье:
 Означимъ имъ движенье

И лучезарныхъ звѣздъ, и темныхъ тѣлъ,
планетъ,

И бѣлыхъ въ небесахъ кометъ,

Не важнымъ языкомъ Невтона,

Благовѣстителя небеснаго закона;

Но просто и легко, какъ милый шопъ му-
дрець (*),

Котораго устами

Насъ Трагѣи учили сами.

Мы скажемъ, что Творецъ

Вселенны изъ конца въ конецъ

Разсыпалъ сонмы звѣздъ предъ окомъ Астро-
номовъ,

Какъ тѣмъ песчинокъ иль атомовъ,

Иль безконечныхъ благъ и золъ,

Которыми въ любви дни наши осыпаетъ

Невѣрный, но любезный полъ;

Что каждая звѣзда, которая играетъ

Блестящей искрой въ тѣнь ночей,

Какъ пылко-томный взоръ прекраснѣйшихъ
очей,

Есть солнце, и спремилъ по центру тайной
силой

Окружный строй міровъ, какъ видъ счастья-
выхъ мѣстъ,

Гдѣ любитъ и любилъ, несетъ всѣ мысли къ
милей

Для сердца красотъ; что каждая изъ звѣздъ,

Пищая огонь въ себѣ, какъ сердце пламя спра-
сти,

(*) Фоншенель.

Особый освѣщаетъ мѣръ;
 Что горныя мѣры рукою Вышней власпи
 Какъ нашъ, населены; что можетъ быть Зе-
 фиръ
 Насъ нѣкогда въ шаръ (*) снесетъ къ спранъ
 небесной;

И шествѣе мѣровъ въ гармоніи чудесной
 Откроются глазамъ; что новыхъ мы Клариссъ,
 И нѣжныхъ Лавальеръ, и пылкихъ Элоизъ,
 Тамъ встрѣшимъ, можетъ быть, но ими не
 пѣвнимся,

Нигдѣ съ пастушвами, нигдѣ не разлучимся....
 Красавицы звнупъ подъ часъ;
 Умнѣ всѣхъ Ламбертовъ,
 И Фонтенелловъ и Боннетовъ,
 Съ небесъ на землю смаятъ насъ
 Одной волшебною улыбкой.

*

Другою упрекнутъ пастушки насъ ошибкой,
 И молвятъ въ подголосъ: довольно ли любишь?
 Любишь есть первый долгъ; другой благошво-
 рить.
 Тамъ Дафна при струяхъ певущей быспро
 рѣчки

Ласкаетъ пастушка, приласканная имъ;
 Но кромѣ сердца и овечки
 Принесъ любовнику не можетъ ничего;
 Не можетъ бѣдная украсить жизнь того,

(*) Безъ сомнѣнія въ Монгольфьеровомъ.

Свѣтъмъ кажеться вселенна раемъ.
 Рукою щедрой увѣнчаемъ
 Любовь прекрасныя чепы
 И въ нѣдрахъ вѣчности осыплетъ насъ
 цвѣты.

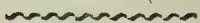
Пускай толпа бѣжитъ за славою мѣрскою
 Въ бореніи стихій, по вѣтру и волнѣ:
 Мы, другъ мой, въ тишинѣ
 Пристали наконецъ къ сердечному покою,
 И сѣдинясь одинъ съ другимъ,
 На якорѣ любви споемъ.

Измайловъ.

XXXIX.

к ъ с о с ѣ д у.

Нашъ Пиндаръ громкими стихами
 Воспѣлъ сосѣда своего,
 И вмѣстѣ съ пышными пирами,
 Съ богатствомъ, роскошью его
 Своей поэзіи небесной
 Богатство, роскошь сѣдинилъ!...
 О даръ божественной, чудесной!
 Кто въ дань тебѣ не приносилъ,
 Твоимъ огнемъ воспламененной,
 Живыхъ воспоговъ, нѣжныхъ слезъ!.....
 Но пѣть тебя, сосѣдъ почтенной!.....
 Я не Державинъ, ты — не Крезъ!
 Не Крезъ!..... Хвала судьбѣ! и смѣло
 Цѣвницу скромную мою
 Снимаю со стѣны, пою.
 Ни лести, сердецъ порочныхъ дѣло,
 Ни выспренность надушихъ словъ,
 Поэтовъ вывѣска холодныхъ,
 Не разпеспрятъ моихъ стиховъ,
 Всегда проспыхъ, всегда свободныхъ.

Вертеповъ мраморныхъ, зланныхъ,
 Шашровъ Персидскихъ дорогихъ,
 Огромныхъ грудъ Китайской глины
 И Альбіонскаго стекла
 Капризная рука судьбины
 Тебѣ, сосѣдъ мой, не дала!
 Не слышны музыка и хоры,

Часть IV.

M

Когда сидишь ты за столомъ ;
 Прелестныхъ дѣвъ не видишь взоры
 Съ Шампанскимъ, Мозельскимъ виномъ !
 Въ укромномъ домикѣ, опрятномъ
 Ведешь безопасно мирны дни,
 И въ обществѣ пвоемъ пріятномъ
 Бываютъ лишь друзья одни.
 Ты любишь съ ними посмѣяться,
 Но не *Сардонскимъ смѣхомъ* (*) — нѣтъ!
 Имъ шумный одержимъ лишь свѣтъ! —
 А тѣмъ, которымъ забавляешься
 Подчасъ желаешь и мудрецъ —
Аплическимъ, всегда любезнымъ,
 Всегда оправднымъ и полезнымъ
 Для добрыхъ, пламенныхъ сердецъ.
 Ахъ! часто шушкой остроумной,
 Какъ чародѣйствія жезломъ,
 Нашъ рокъ тяжелой, мрачной, скудной,
 Предстанетъ съ яснымъ вдругъ челомъ!
 Такъ бочку *Діогенъ* кашая,
 Себя щастливцомъ почиая,
 Былъ *Александромъ* не хотѣлъ —
 За тѣмъ, что вѣкъ шутишь умѣлъ!

Но шушки въ сторону, и Музы —
 Краса мясешной жизни сей,
 Съ которыми такъ сладки узы! —
 Займуть собой пвоихъ друзей.
 Безсмертны Геніевъ пворенья,
 Для сердца, разума и зрѣнья,
 Подъ кровомъ храмины пвоей,

(*) То есть принужденнымъ. *Асп.*

Несутъ опивсюду дань безцѣнну! . . .
 О Музы! щастье и вселенну
 Я съ вами позабылъ годовъ! . . .
 Потомъ дойдетъ и до стиховъ:
 Свои *пословицы* чишаешь,
 Посланья, были — легкій плодъ
 Ума и чувства. . . Ты собираешь
 Его безъ *авторскихъ* заботъ,
 А пакъ — рѣзвись! и Метроманомъ,
 Ушей безжалостнымъ пираномъ
 Ни изъ чего не можешь быть;
 Не можешь . . . близкаго морить.
 Одинъ не любишь за обѣдомъ,
 Какъ Мидъ, надъ блюдами зѣвать,
 Но радъ съ гостями и *сосѣдомъ*
 По философски пировать;
 Часъ лишній просидѣшь — для спора
 (Въ которой вѣкъ не входишь ссора,
 Дочь винныхъ бѣдственныхъ паровъ!)
 О томъ, кто лучше пишетъ оды,
 Круглишь искусный періоды
 И вѣдаешь всю тайну словъ.
 А иногда твои родныя (*),
 Подруги Грацій, Аонидъ,
 Въ бесѣдѣ шумъ же. Ихъ простыя
 Манеры, ласки, скромной видъ
 На чувства дани налагаютъ,
 Умы, сердца воспаменяютъ,
 И каждый въ обществѣ — поэтъ.
 За круглымъ столикомъ въ *боскетѣ*,

(*) Племянницы. *Лепт.*

Въ швоемъ ученомъ кабинетѣ,
 Откуда изгнанъ *этикетъ*,
 Усѣвшись, мысли обращаемъ
 Къ тому, что лучшимъ для людей
 Блаженствомъ въ жизни почитаемъ;
 О чемъ мудрецы съ ключой своей,
 И Царь въ блистательной порфирѣ,
 И нищій въ рубицѣ — всѣ въ мѣрѣ
 Мечтаютъ, спорятъ, говорятъ;
 Чего всѣ смертные желаютъ;
 Чѣмъ всѣ сердца вездѣ горятъ;
 Чему подчасъ цѣны не знаютъ,
 Но съ чѣмъ и радость и печаль —
 Одна гораздо намъ сноснѣе,
 Другая во сто разъ милѣе,
 И съ чѣмъ распашься очень жаль!
 Любовь! . . . любовь, душа вселенной,
 Посланница благихъ небесъ
 Въ юдолѣ скорбной, преволненной,
 Для осушенья горькихъ слезъ!
 О сей богинѣ разсуждаемъ;
 Ея всѣ свойства раздробляемъ.
 И признаемся наконецъ,
 Что человекъ пріемлетъ съ кровью
 Потребность жить, дышать любовью —
 Единымъ щастіемъ сердецъ!
 Алина! сколько разъ съ тобою
 Я тоже, другъ мой, говорилъ!
 Ахъ! еслибъ и навѣкъ судьбою
 Я разлученъ съ Алиной былъ,
 Но, бывъ любимымъ спраспно ею,
 Прельщался бѣ участью моею! —
Мечтамъ поклонъ отдавши свой,
 Сосѣдъ! ты истинно доволенъ;

Вѣ душѣ покоенъ, вѣ дѣйствахъ воленъ,
Живешь вѣ ладу съ самимъ собой.
Твое богатство — умъ, познания;
Сокровища — любезность, честь.
Безумны обуздавъ желанья,
Желаешь лишь того, что *есть*,
И радъ свою ты долю славить! —
Позволь сосѣду къ ней прибавить
Одинъ усерднѣйшій обѣтъ:
Чтобъ ты *былъ* *вѣкъ* ему сосѣдъ!

К. ШАЛИКОВЪ.

XL.

О НЕЗАВИСИМОСТИ УЧЕНОГО МУЖА.

Печашь, паланипа естѣ духъ смѣлый, благо-
родный;
Умъ творческій, въ пущахъ вселенныя свобод-
ный,
Пространство прелетѣвъ, питаешъ новый
жаръ,
И въ новый путь печешъ. На шоль имъ при-
нятъ даръ
Орлиныхъ быспрыхъ силъ, чѣмъ ползати
черемъ въ прахъ?
Невѣжда не дерзнетъ и мысли въ рабскомъ
страхъ,
Но мудрый судитъ, зритъ и мыслитъ самъ
собою;

Предъ нимъ всегда отворстѣ храмъ истинны
 святой,
 Покровъ людскихъ сердецъ, и тайный путь
 природы,
 Ведущій къ счастью и царства и народы.
 Одинъ, во тѣмъ людей, безъ спражи, безъ
 оковъ,
 Онъ возноситъ смѣлый взоръ среди толпы ра-
 бовъ.
 Дыханьемъ нравовъ злыхъ въ душѣ незара-
 женный,
 Раздорѣвъ мнѣній чуждъ, въ дни бури не из-
 мѣнный,
 Для счастья совѣсти любя одно добро,
 Онъ ложью не сквернитъ числѣнное перо.
 Сытъ злаго передъ нимъ, о пы, богатствъ
 владѣтель!
 Не мудрый принесетъ имъ въ жертву добро-
 дѣтель.
 Руссо съ великою душой своей лепѣлъ
 Оцѣ пышныхъ городовъ подъ кровъ смирен-
 ныхъ селъ:
 Напрасно льстятъ ему блестящею судьбою;
 Онъ ищетъ лишь пути къ сердечному покою.
 Какъ цѣпи ни злати, оковамъ ими духъ,
 И онъ бѣжитъ отъ нихъ, бѣжитъ отъ всѣхъ
 услугъ
 Нескромной щедрости, въ дарахъ ея над-
 менной,
 Укрылся за щитомъ природы освященной.
 На зелени луговъ и на вершинахъ скалъ,
 Тамъ часто умъ его такъ сладостно мечталъ,
 Тамъ, съ сердцемъ, навсегда Фортунѣ непод-
 властнымъ,

Чѣмъ радовался онъ? Зарей и упрямъ яснымъ.
Не крошкѣй Фебовъ сынъ, не мирный другъ
полей,

Когда онъ вдохновенъ пѣвцами красныхъ дней,
Ссѣвавши цвѣтъ луговъ, и броситъ кисть
поэта,

Чтобъ прапиль дни свои въ ничтожномъ шу-
мѣ свѣта.

На Невскомъ острову такъ Душенькинъ пѣ-
вецъ

Жилъ тихо съ Музами, сплелъ себѣ вѣнецъ,
И наконецъ, когда подъ лаврами явился,
Отъ славы къ пишинѣ онъ скоро обратился.
Екатерины блескъ, веселый пышный дворъ,
Всеобщая хвала, и благосклонный взоръ,
Царицей на пѣвца съ престола низведенный,
Ничто не льститъ ему — и сей поэтъ сми-
ренный,

Съ блестящаго пуши, въ прекраснѣйше дни,
Отъ блеска уклонясь, скрывается въ тѣни.

Всегда пишомецъ Музъ въ уединеннѣ зрѣетъ;
Тамъ юный умъ его въ наукѣ богатѣетъ,
И впредъ готовясь жить для славы и вѣковъ,
Съ шerpнѣемъ раститъ плоды своихъ тру-
довъ.

Съ какимъ презрѣнемъ онъ взираетъ съ
трона славы

На брань Зоиловъ злыхъ, лѣющихъ желчь оп-
равы!

Когда духъ зависти, внимал громкѣй плескъ,
Въ шерзаньяхъ силится заимать таланта
блескъ:

Предъ нами лучъ его свѣта возгараетъ.

Такъ юный упря царь, предъ кѣмъ воспокъ
 пылаетъ,
 Сорвавъ покровы тьмы, самъ въ пурпурныхъ
 заряхъ
 Восходитъ съ торжествомъ сѣять на небесахъ.
 Достойный Кантемиръ въ Сапирахъ торже-
 ствуетъ,
 Когда противъ него глупцовъ народъ бун-
 туетъ.
 Декартъ, безсмертный мужъ, изгнанный кле-
 ветой,
 Къ Батавскимъ берегамъ несетъ и разумъ свой,
 За жизнь и за дѣла потомству опѣвчаетъ —
 И слава съ истиной вѣнецъ ему вручаетъ.

Но чѣмъ бы мудреца злый рокъ ни посѣтилъ,
 Напасти и бѣды ему прибавятъ силъ.
 Въ дѣлахъ и въ сердцѣ чистъ предъ вѣчнымъ,
 мудрымъ Окомъ,
 Онъ твердо борется съ несправедливымъ ро-
 комъ.
 Для мудраго важна наука золъ и благъ,
 И путь несчастія ему ко славѣ шагъ.
 Въ часъ бури такъ Верветъ на палубѣ стоящій
 Живописалъ, смотря на валъ, ему грозящій,

Но мало, что позѣтъ, принявъ отъ Феба щипъ,
 Ударъ судьбины злой имъ смѣло опразилъ;
 То мало, что мудрецъ неушомимъ въ напасти
 И щастье не возьметъ надъ нимъ опасной
 власпи.

Не рабъ и при Дворѣ, не льстивъ и у Царей,
 Онъ идетъ на поклонъ, но прямъ споитъ душой.
 Когда вельможи гласъ, всесильный, но не правый,

Дерзнувъ ему писать безстыдные устави,
 Къ опчешу и на судъ его къ себѣ зовешъ:
 Мудрецъ несешъ ему — молчаніе въ отвѣтъ.
 Защитникъ истины, безсильныхъ покрови-
 тель,

Гонимыхъ вѣрный другъ, ктобъ ни былъ ихъ
 гонитель,

Имъ руку подаешъ, къ досадѣ власни злой,
 Гордясь въ душѣ своей сполнѣ славною виной.
 Во Лудовиковъ вѣвъ, Фуке съ чреды любимца
 Низпалъ подъ царской гнѣвъ; но другъ и не-
 щасливца,

Съ нимъ добрый Лафоншень дни бѣдствій раз-
 дѣлялъ,

И въ жалобныхъ стихахъ о другѣ воспеналъ:
 Онъ пѣлъ судьбины гнѣвъ, онъ пѣлъ не-
 щастье друга

Передъ самимъ Царемъ. безсмертная
 услуга!

Со славою преидетъ она въ ряды вѣковъ;
 Но вѣчный, вѣчный спыдъ покроетъ чернь
 льстецовъ.

Такъ истинный талантъ добромъ всегда пѣ-
 нился;

Напрасно въ ярости всесильный врагъ гро-
 зился

Изгнать его на вѣкъ изъ общества людей:
 Таланта изпребишь не можешъ самъ злодѣй;
 Для славы нѣтъ щемницъ; для мудрыхъ нѣтъ
 изгнанья:

Край свѣта, область тьмы, гдѣ солнца нѣтъ
 сѣянья,

Для мужа праваго не спрашны ничего.
 Хотя и започенъ — повоенъ духъ его;

Съ наукою, вездѣ служилъ ему готовой,
И въ ссылкѣ онъ дарилъ себя опичизной новой.

Ужъ яросный злодѣй отверзъ щемницы дверь,
Ужъ стукъ цѣпей гремитъ, но мудрый и
шеперь

Съ покойною душой твердилъ на зло пирану:
„Я буду заключенъ, но рабспивованъ не спану!“
И вверженъ въ вѣчный мракъ, наперсникъ
стѣнъ нѣмыхъ,

На нихъ желѣзами черпиль свободный спихъ;
Пустъ низкій человекъ колѣно преклоняетъ,
Подъ знамя сильнаго отъ страха прибѣгаетъ,
И вѣкъ лобзая прахъ у идоловъ злыхъ,
И мыслишь не дерзнетъ одинъ безъ воли ихъ;
Но мудрый царствуетъ достоинствомъ и
славой!

Тирановъ онъ разилъ душею величавой;
И совѣстно правъ, не устращенъ ни чѣмъ,
За истину стоилъ въ часъ казни, подъ мечемъ.
Напоишь, то чести ему, деспота въ лобу
вводишь,

Но въ сабдѣ за вольностью и самъ во гробъ
низходишь.

Сократишь, въ шопъ часъ, когда онъ чащу
смерти пилъ,

Врагамъ своимъ лелялъ примѣръ душевныхъ
силъ.

Пускай безвѣстный мужъ боится разрушенъ;
На хладный прахъ его возляжетъ шнѣ заб-
венья.

Для мудрыхъ смерти нѣтъ: на казнь идушь
они,

Но смерти возбраняѣ зашмиѣ ихъ въ мѣрѣ
дни.

Тамъ фурією злой поверженъ прунъ кровавый,
Сынъ перспіи мерпѣ лежиѣ, но живѣ любви-
меѣ славы.

Когдажъ спасетсѣ онъ онѣ кровожадныхъ рукъ,
Сѣ любовью чшимъ его, какъ Нестора научъ.
Онъ вѣѣ не измѣнитъ тому, что Муза пи-
шетъ ;

Прекрасная душа въ своихъ твореньяхъ ды-
шетъ.

Ужъ сѣ чистою душой онъ къ вѣчности
идетъ ,

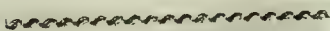
Идетъ — и гимнъ добру торжественный
поетъ.

Такъ лебедь величавъ, когда росой небесной
Вѣѣ сѣговъ омыѣ, и сѣ сладостью пре-
лестной

Предъ часомъ роковымъ воспѣѣ въ послѣдній
разъ ;

Кончатъ въ пѣсняхъ жизнь, и восхищаютъ
насъ.

Измайловъ.

ПЕРУАНЕЦЪ КЪ ИСПАНЦУ.

Рушишель моя опчизны и свободы,
 О ты, чпо посмѣясь святымъ правамъ При-
 роды,
 Злодѣйствъ неслыханныхъ земли примѣръ
 явилъ,

Всего священнаго на вѣкъ меня лишилъ!
 Доколѣ, въ варварствахъ не зная истощенья,
 Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья?
 Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней!
 Кто право далъ тебѣ надъ жизнью моей?
 Законъ? Какой законъ? Рукой одной Природы
 Созданъ и ты и я и всей земли народы.
 Но ты меня сильнѣй; а я, за толь чпо слабъ,
 За толь чпо черенъ я — бышь долженъ днесь
 твоимъ рабъ?

Погибни же сей мѣръ, въ которомъ безпре-
 спанно

Невинность попрана, злодѣйство увѣчано,
 Гдѣ слабость есть порокъ, а сила — всѣ права!
 Гдѣ посѣдѣющая въ злодѣйствахъ голова
 Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ,
 И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ.

И такъ! законъ тебѣ насъ мучить право далъ?
 Почто же у меня онъ всѣ права отъялъ?
 Почто же сей законъ, тираново желанье,
 Ему даетъ и власть и мечъ на злодѣянъ,

Повелѣваетъ мнѣ себя переродить,
И что я человѣкъ, великъ мнѣ то забыть?
Иль мыслишь ты, злодѣй, составъ мой из-
нуряя,

Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,
Что будущъ чувствія во мнѣ умерщвлены?
Ахъ, нѣтъ — тираны лишь одни ихъ лишены!
Хоть живъ на свѣдѣ звѣрей побою я просирусъ,
Что равенъ я съ тобой — Я равенъ? нѣтъ,
стыжуся,

Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить,
И сердцемъ пренецу тебѣ подобнымъ быть!
Я дикій человѣкъ, и просптой несчастный;
Ты просвѣщенъ умомъ, а сердцемъ шигръ
ужасный;

Моря и земли рокъ во власть твою вру-
чилъ,

А мнѣ онъ уголокъ въ пустыняхъ удѣлилъ,
Гдѣ въ просптой своей пороковъ я не зная,
Любилъ жену, дѣшей и болѣ не желая,
Въ свободѣ щастіе прямое находилъ.

Уже ли симъ въ тебѣ я зависть возбудилъ?
И ты, полной рабовъ и громомъ окруженный,
Не съ смѣлымъ мужествомъ, но подло ухи-
щренный,

На безоружныхъ, на спящихъ насъ напалъ.
Не славы побѣдишь, ты злѣша лишь алкалъ;
Но мрачну страсть сію личиной покрывая,
Лилъ кровь, намъ своего ты Бога прославляя;
Лилъ кровь, и какъ въ зубахъ твоихъ свирѣ-
пыхъ псовъ

Трупъ Инки трепеталъ, — на грудяхъ чере-
повъ,

Ликъ Бога твоего съ мечемъ ты водружаешь...

Невинныхъ кровію сей ликъ ты окропляешь.
 Но что! ты кровію свирѣпствъ не утѣлилъ;
 Ты адъ на свѣтѣ семъ для насъ соорудилъ,
 И адскими меня трудами изнуряя,
 Желаетъ, чтобы я спрадалъ не умирая.
 Коль хочетъ Богъ сего, не милосердъ твой
 Богъ;

Свирѣпъ онъ какъ и ты, когда желаетъ воз-
 могъ

Окровавленную, насильственной рукою
 Опечесства, дѣшей, свободы и покою,
 Всего на свѣтѣ семъ за то меня лишишь,
 Что Бога своего не могъ я позабыть,
 Которой, насъ создавъ, и грѣшъ и питаешь,
 И мой унывшій духъ на мщеніе укрѣпляетъ.

Такъ, варваръ, ты всего лишишь меня воз-
 могъ;

Но права мстишь тебѣ, ни ты, ни самъ
 твой Богъ,

Хоть громомъ вы себя сугубымъ окружите,
 Покуда духъ во мнѣ — меня вы не лишите.
 Такъ, въ правомъ мщеніи тебя я превзойду;
 До гнусной подлости, коль нужно, низойду,
 Ядъ въ помощь призову, измѣну и коварство,
 Пройду все мрачное смертей ужасныхъ цар-
 ство,

И прелюбнѣйшую изъ оныхъ изберу,
 Да ею грудь твою злодѣйску раздеру!

Но можешь быть при мнѣ часъ оный совер-
 шившися,
 Когда спраданіе всѣхъ братьевъ опомстившися.

Такъ! нѣкогда придетъ потѣ вожделѣнный
часъ,

Какъ въ сердцѣ каждого раздаснѣя мщенья
гласъ,

Когда рабы твои, тобою угнетенны,
Вдругъ снавши надъ тобой случаевъ возне-
сенны,

На все отважуся, восхожущъ предпринять
Съ твоею жизнью неволю ихъ скончать,
И не толпы рабовъ, отъ страха ополченныхъ,
Или наемниковъ, корыстью возбужденныхъ;
Но сонмы грозныя увидишь ты мужей,
Вспылавшихъ мщеніемъ за бремя ихъ цѣпей.
Видалъ ли шига ты, горячаго отъ гладу
И разпоргающа желѣзную заграду?

Меня увидишь ты. Сей самою рукой,
Которой плетку цѣпь влачилъ въ работѣ злой,
Ее разпоргнувши, кровь пролію рѣками,
Сражусь съ твоими я крылатыми громами,
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ къ тебѣ я при-
пеку

И изъ души твоей свободу извлеку!

Тогда твоей каждый рабъ, Перувианскій воинъ,
Попрежъ тебя ногой — ты гроба не до-
стоинъ!

Твой трупъ среди лѣсовъ, во глубину пещеръ
Рыкая будетъ влечь плотоядущій звѣрь;
Иль на песокъ простертъ, предъ солнцемъ онъ
испадетъ,

И прахъ твой, гнусный прахъ въшрѣ по по-
лю развѣетъ.

Но что я здѣсь вѣщаль во слѣпотѣ моей!...

Межь Ревельскихъ и Нарвскихъ стѣнъ,
 Гдѣ я, послѣдую Элизѣ,
 Семей почтенной угощенъ.
 Межь стѣмъ, какъ сна лѣнивы маки
 Содержашъ въ плѣнѣ нашихъ Дамъ,
 Черезъ долины, буераки
 Мущины вѣдяшъ по лѣсамъ,
 Того часа во ожиданъ,
 Когда насъ къ чаю позовушъ:
 Я здѣсь одинъ, въ спокойномъ зданъ,
 Прелестныхъ нѣсколько минушъ
 Тебѣ и Музамъ посвящаю:
 Дорогу въ Питеръ нахожу;
 Теби внезапу посвѣщаю;
 Между подругъ твоихъ сажу:
 Межь той, коюрой богъ любви
 Своимъ самъ именемъ крестилъ,
 И между той, коюрой брови
 Онъ важнымъ хладомъ вооружилъ;
 Благодарнымъ Рифмы съ вами
 Дѣлю я быстрые часы,
 И щусь изобразить словами
 Природы здѣшнія красы.

Мнѣ кажется, что я вѣщаю:
 Вообразите берегъ крушой,
 И море, гдѣ не видно краю;
 Надъ той нашъ замокъ высотой.
 Но берегъ, унижаясь скапомъ,
 Межь насъ и моря стелетъ лугъ,
 Въ убранствѣ Флора гдѣ богатомъ
 Съ Зефиромъ рѣзвится вокругъ.
 Ошважны парусы летяющъ
 По синимъ, яростнымъ волнамъ,

Явятся мелькомъ , убѣгающѣ ,
 Спрячутся въ дальнимъ берегамъ.
 Вокругъ роскошныя Природы
 Плѣняетъ разностію видъ.
 Долины , холмы , чисты воды,
 Что просѣдаютъ сквозь гранитъ ,
 И съ горъ , шума , бѣгутъ въ ущелья ,
 Несутъ форели и жемчугъ ,
 Эстонскимъ Нимфамъ ожерелья ,
 Причину зависти подругъ .

Вблизи свой верхъ возноситъ дерзкой ,
 Остатокъ древности сѣдой ,
 Спаринной замокъ кавалерской ;
 Во стѣны плещетъ валъ морской.
 Мнѣ кажется , на нихъ взирая ,
 Выходитъ випязь съ корабля ,
 Что съ добычею изъ дальна края
 Приплылъ въ Эстонскія поля ;
 За той рѣшетою увядаетъ ,
 Съ чужихъ береговъ увезена ,
 Никѣмъ неслышима вздыхаетъ ,
 Боярышня или Княжна .
 Сихъ нравовъ нѣтъ межъ нами болѣ ,
 Дверей желѣзныхъ , ни темницъ ;
 Не похищаемъ въ чистомъ полѣ ,
 Не запираемъ мы дѣвицъ .
 У насъ онѣ во всей свободѣ ,
 И въ мызѣ барышенъ пять шесть ,
 Которы самой новой модѣ
 Собою могутъ сдѣлать честь .
 И съ ними милая , живая
 Вдова осьмнадцати годовъ ,
 Котора , скорбь позабывая ,

Не думаетъ въ супружнй ровъ,
 Во слѣдъ за скучной Артемизой,
 Влачитъ печальныя стопы;
 Не отгоняетъ мрачной ризой
 Эроповъ и забавъ толпы,
 Но остроумными словами
 Забавитъ наши вечера:
 По-спрунамъ бѣгаетъ перстами,
 Какъ записные мастера;
 Изъ Виланда и Тагедорна
 Стихи читаетъ паизусъ;
 Рѣзва, свободна, безпримворна,
 Не знаетъ, что такое грусть. — —
 Но что сказать вамъ о дорогѣ?
 Какъ вихрь, хоша на почтовыхъ,
 Мы очутились на пороги
 Желанныхъ перемовъ своихъ,
 Не думавши о наблюденъ
 Земель и жителей и правъ:
 Какъ будто въ тонкомъ сновидѣнъ
 Верстѣ болѣ двухъ-сотѣ проскакавъ.
 Эсеновъ, Финовъ мы встрѣчали
 Въ соломой крытыхъ шалашахъ,
 Которы всѣ свои печали
 Топили въ чанахъ и ковшихъ.
 Мы зрѣли Ямбургски палаты,
 Близъ быстрой Лужскія волны,
 Гдѣ овцы дань несутъ космашы
 Ткачей въ спручащѣ спаны.
 Мы зрѣли древнй градъ, носящй
 Напечатлѣнне временъ,
 Съ хребтовъ Ивановскихъ висящй,
 Соперникъ Ругодевскихъ стѣнъ;
 Въ ногахъ его быспра, сурога,

Свергаясь съ каменной скалы,
 Бѣжашъ шумя еще Нарова
 Въ морскіе бросишься валы;
 Насупротивъ его распахы
 Искусствомъ новымъ созданы,
 Петромъ и Руской грудью взяты —
 И прежні прапы опмщенъ.
 Но мы опашъ бы зрѣшь желали
 Великой городъ у Невы,
 Гдѣ пребыванье основали
 Искусства Граціи, какъ вы.

МУРАВЬЕВЪ.

XLIII.

О ИСТИННОМЪ ЩАСТІИ.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто ма-
 лымъ доволенъ,
 Въ пишинѣ знаетъ прожить, опъ суетныхъ
 воленъ
 Мыслей, что мучашъ другихъ, и попчешъ
 надежну
 Спезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
 Небольшой домъ, на своемъ поспроенный полъ,
 Дашъ нужное моей умѣренной волъ,
 Не скудной, не лишней кормъ, и средню за-
 баву,
 Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему
 праву

Выбраннымъ, въ лишни часы прогнавъ скуки
время,

Гдѣбъ отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провождаетъ межъ мертвыми Греки и Лашины,
Изсѣдую всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ правахъ, что въ нихъ гнусно
иль любезно.

То одно желаніе мои составляетъ.

Богатство, высокой чинъ, что въ очахъ бл-
стаетъ

Предъ неискусной толпой, многіи печали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, что достали.
Ктобъ не смѣлся тому, кой спешу жестоку
Топчетъ, лѣзя весь въ пошу на гору высоку,
Коей вершина оспра такъ, что оспорожно
Сколь споны ни утверждать, съ покоемъ не
можно

Успоить, и всякой въпрѣ, кой дышетъ опа-
снѣй;

Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны?
Любичеспный однакъ мужъ на него походитъ.
Рѣдко щастье на своихъ крылахъ кого взво-
дитъ

На высоку вдругъ степенъ; и естли бываетъ
Сколько ласково къ кому, долго въ томъ не
знаетъ

Устоятъ; но въ малый часъ толчкомъ его
свихнетъ

Однимъ, и спремглавъ лепя не одинъ членъ
свихнетъ;

А безъ помощи того труды безконечны
Нужны и шерпѣіе, хоть плоды невѣчны.

Съ пѣснями пробудясь, нужно поспѣшить
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ переднихъ
поминься,

Полдни порчасть на ногахъ съ ходоу въ бе-
сѣдѣ,

Ни сморкнушь, ни кашлянушь смѣи. По обѣдѣ
Таже жизнь до вечера; ночь вся безпокойно,
Пройдетъ, думая, къ кому по утру пристойно.
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнушь шею и спину,
Что слугъ въ подарокъ, что понесешь Госпо-
дину.

Нужно часто похвалить, небылицъ вѣрить:
Что одною скорлупой можно море смѣрить,
Господскую сносишь спесь; признавать, что
родомъ

Моложе Владимира однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ каф-
танъ сѣрой;

Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣлахъ хвалишь оспрошу
природу;

Не зѣвашь, когда онъ самъ несетъ сумаз-
броду.

Нужно благодаренъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого,
И безъ шапки провожать на морозъ въ сани,
Хоть въ оную не сложишь за плечми слугъ
брани.

Нужно еще одолжить и препицства многи,
Что зависъ кладетъ на всякъ часъ тебѣ
подъ ноги;

Всѣжъ тѣ шруды наконецъ въ надеждѣ оста-
вятъ,

Иль въ удачу тебѣ чинъ маленькой доспавишь.

Тогда должность поведетъ тебѣ въ поле вы-
лишь;

Увѣчпись, и прошивъ смерти груди палишь;
Иль съ перомъ въ рукахъ сносишь шумъ и
смердъ приказный;

Боясь всегда не проспай часъ къ дѣламъ уна-
зный;

И съ страхомъ всегда крѣпишь судны приго-
воры;

Чтобъ тебѣ не довели съ сильнѣйшимъ до
ссоры;

Или торчащъ при дворѣ съ утра до полночи
Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напаялив-
ши очи,

Чтобъ съ веревки не скользнуть; а межъ
тѣмъ свещетъ

Славолюбіе въ ушахъ: что кто славы ищетъ,
На первой степенѣ тѣмъ оспашься спы-
дится;

И такъ повторяя трудъ, лѣтъ съ тридцать
нуришь,

Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь спашешь
продолжаши,

Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлѣ
добъжати;

Вотъ ужъ достигъ; Царскую лишь власъ
надъ собою

Знаешь; человѣческѣ родъ весь ужъ подъ тобою
Какъ червякъ ползетъ; однимъ взглядомъ ны
наводишь

Мрачну печаль, и однимъ радостни съѣтъ
вводишь.

Всѣ тебѣ, какъ бы божка, кадишь и чинишь
ипащися;

Всѣ больше, нежѣ чучелы воробы болпша.
 Искусство само твоей домъ создало пространный,
 Гдѣ все, что Италія, Франція и спранный
 Китайскѣ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
 Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ
 блистаетъ,

Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
 Такъ что лучей отъ тебя глаза снесетъ не
 сильны.

Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
 Тебѣ на столъ, и холопъ твой въ золотѣ хо-
 дитъ,

И самъ Аполлонъ, тебя какъ въ улицѣ видитъ,
 Свистъ твоей и возку твоему завидитъ.

Ужъ ли покоенъ? Никакъ: покой опинимаетъ
 Домъ пышной, и сладкій сонъ съ глазъ прочь
 отбѣгаетъ,

Кто на нѣжной подѣ парчой постелѣ ложился.
 Сильна тревога въ сердцахъ богатыхъ таишся;
 Не столько волнуется море, когда съ сама
 дна движетъ воды его зло буря упряма.

Зависль шепчетъ, буде въ слухъ говорить не
 смѣетъ,

Безпреспанно на тебя, и хоть одолѣетъ
 Десятью доспоенство твое, погибаетъ
 Наконецъ, хощя вины самъ своей не знаешь.
 Съ власію славы любовь въ тебѣ возрасшая
 Крушитъ ты, гдѣ твой предѣлъ уставишь не
 зная;

Меньшежъ пользуешь, нежѣ пѣснь сладкая
 глухому,

И нежели паренье подагрой больному.
 Вышняя честь сокровище пому несказанно,
 Кого надежда и страхъ мучатъ безпреспанно.

Еще, естлибъ наша жизнь на два, на три
вѣки

Тянулась, не сполько бы глупы чловѣки
Казались, мнѣнїю служба безразсудну,
Меньшу вѣ пользу большія времени часпъ
спрудну

Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнїе прожили шалѣя.
Да лихъ чловѣкъ родясь, имѣетъ насилиу
Время оглядѣсьи вкругъ, и полѣзть вѣ могилу,
И споль корошкую жизнь еще уцербляюшъ
Младенство, спароспъ, болѣзнь; а дни такъ
лешаюшъ,

Что напрасно будешь ждасъ себѣ ихъ возврату;
Чтожъ споль пѣжкой сносишь спрудъ за споль
малу пѣшу

Я имѣю, и терять золотое время,
Оспавляя изъ дня вѣ день злонравїя сѣмя
Изъ сердца искореняшъ? пропадутъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный пѣсѣ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.

Добродѣшель лучшая естъ наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствѣ доля
Пала и славы, шѣхъ шрехъ благъ долженъ ли-
шишъся;
Хотъ бы крайней гибели и могъ уцѣишъся.

Глупо изъ младенчества мы обыкли бояшъся
Нищеты, презрѣнїя, и шѣ всего мняшъся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы вѣ другую
Крайность, а должнобъ вѣ вещахъ знашъ
мѣру прямую.

Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
 Кипо перейдеши, кипо не дойдеши, подобно ша-
 лѣетъ.

Грѣшиши прѣспунъ Нероновъ, что пѣмъ на-
 поплаетъ

Сокровищъ съ бѣдствомъ житія; да и шопъ,
 кипо чаешъ

Въ бочкѣ имя мудреца достаешь, часто голодъ
 И мразъ шерня, не уменъ: въ шестидесяти
 лѣтъ молодъ

Еще дитя, подѣ началъ опдашь можно дядкѣ,
 И съчѣ лозой, чтобъ не былъ склоненъ къ злой
 повадкѣ.

Силѣй масло продая не хуже кормился,
 И отъ досадъ нищеты не хуже щипился
 Малымъ мѣшкомъ, нежъ теперь, какъ всѣ
 края свѣша

Сквозь огонь, сквозь мразъ пробѣжавъ, и изну-
 ривъ лѣша

Въ безпокойствѣ, спали бышь сундуки, па-
 лаши

Огромны сокровищу его прѣсноваши.

Можешь безъ скудости жить, богатствѣ не
 имѣя

Лишнихъ, и въ шихомъ углу покоенъ сѣдѣя,

Можешь славу получишь, хоть бы за собою

Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предѣ
 побою

Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты ша-
 скался

Пѣшь, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.

Мудрая малымъ прожишь Природа насъ учить

Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ
 не мучить.

Достать не трудно доходъ невеликъ и сходенъ
 Съ состоянiемъ швоимъ; а попомъ свободенъ
 Отъ прихотной зависпш тамъ оспановися.
 Спешенiямъ блистающихъ именъ не дивися
 И богачествъ большихъ; живи шихъ, ища,

что честно,

Что и шебъ и другимъ пользуешъ нелесно
 Къ нравовъ исправленью; слава швоя вчно
 Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
 Да хошь бы не вдомъ дни скончалъ, и по-

смерши

Свбшу оспался забышъ; силенъ ты былъ

сперши

Зубъ зависпш, ни трудовъ швоихъ мзда про-
 пала:

Добрымъ быть, собою мзда естъ уже не мала.

КАНТЕМИРЪ

XLIV.

КЪ ЛИЛЕТЪ

Ты плачешь, Лилеша?

Ахъ! плакалъ и я.

Смблялась ты прежде,

Я нынъ смбюсь.

Мы оба другъ другу

Не должны ни чбмъ.

Есть очередь въ свбшъ;

Есть время всему;

Улыбка съ слезами

Въ сосѣдствѣ живешь.
 Ты прежде албла
 Какъ роза весной;
 Зефиры плѣнялись
 Твоей красотой.
 Я также плѣнился,
 Надежду имѣвъ;
 Мечталъ о блаженствѣ,
 Страдая въ душѣ!...
 Болѣзнь миновалась,
 И лѣта прошли
 Любовныхъ мечтаній;
 Я Лилу забылъ —
 И вижу . . . о Небо!
 Чѣмъ сдѣлалось съ ней?
 Всѣ алыя розы
 Морозъ умертвилъ.
 Гдѣ прежде Зефиры
 Шептали любовь,
 Подъ сѣнью миршовъ
 Таился Эрозъ,
 И пальчикомъ нѣжнымъ
 Съ усмѣшкой грозилъ:
 Тамъ нынѣ все пусто!
 Твоя красота
 Угасла какъ свѣчка;
 Вспорхнула Любовь
 И прочь улѣтѣла;
 Любовники въ слѣдъ
 За нею исчезли.
 Лилета одна,
 И хочешь отъ скуки
 Меня заманишь
 Въ старинныя сѣни!

Я въ сказкѣ читалъ,
 Что нѣкогда боги
 Влюбились въ одну
 Прекрасную Нимфу:
 Юпитеръ и Марсъ,
 Нептунъ и Меркурій,
 И Бахусъ и Фебъ.
 Красотѣ хотѣлось
 Ихъ всѣхъ обмануть,
 Украсить рогами
 Лбы вѣчныхъ боговъ.
 Такъ, такъ и случилось;
 Одинъ за другимъ
 Всѣ были рогаши.
 Но время прошло;
 Красавица спала
 Не такъ хороша,
 И боги сослали
 Ее подъ луну,
 Гдѣ Нимфа отъ грусти
 Годъ слезы лила,
 А послѣ отъ грусти
 Слюбилась — увы! —
 Съ рогаатымъ Саширомъ.
 Онъ былъ не брезгливъ,
 И принявъ въ подарокъ
 Обноски боговъ. —
 Ты можешь быть Нимфой;
 Но я не Саширъ!

КАРАМЗИНЪ

XLV.

САТИРА на НРАВЫ.

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться
 Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ
 не уживься!

Вездѣ продерзостный безпутство каженъ видѣ,
 Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
 Вездѣ, съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни
 начинаю,

Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.
 Куда ни кинь, такъ клинъ: шовъ честенъ,
 такъ тупецъ;

Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обман-
 щикъ, льстецъ;

И словомъ, въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Ари-
 стиды,

Какъ гладкіе спихи въ шворцѣ Тилемахиды.

Въ приказѣ нѣкогда расправы я искалъ,
 Въ кошоромъ Безполковъ судьейо засѣдалъ:
 Безспорно, Безполковъ былъ честенъ, благо-
 денъ,

Ни правыхъ обвинишь, ни взятки братья не-
 сроденъ,

Былъ доброй человекъ и мнѣ служилъ хотѣлъ,
 Но сдѣлашь мнѣ добра, кѣ несчастью, не умѣлъ.
 Жена его умна и мнѣбѣ помочь умѣла,
 Но я былъ не по ней — могла, да не хотѣла.

Чтожъ дѣлать? искони таковъ уже сей свѣтъ:
Не глупость, такъ порокъ въ немъ первен-
ство беретъ.

Надушовъ въ знаць вошелъ: такъ всѣхъ пре-
небрегаетъ;

Завистовъ чиномъ малъ: такъ знашихъ пре-
зираетъ,

И хочешъ, предпрѣявъ ни чьихъ заслугъ не
чпшишь,

Иль всѣмъ ровняшь себя, иль всѣхъ съ собой
сравнишь,

Казну обворовавъ, обворовавъ сосѣдовъ,

И воромъ на судъ изобличенный Вредовъ,

По милости людей, которыхъ обокралъ,

Избавился столба и ссылки миновалъ;

Тенерь боярамъ братъ, деревни покупаетъ

И шѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,

Которыхъ по міру паскаться онъ пустилъ.

А я, чтобъ я такихъ уродовъ не журилъ?

Чтобъ, видя глупости однихъ, другихъ пороки,

Я спалъ молчать? Нѣтъ, нѣтъ! скорѣй оп-
сроча сроки,

Не станешъ росповщикъ на росы росы
драть,

Скорѣй подъячѣе не станушъ взяжки брать,

Скорѣй полюдски жить и мыслишь Чудновъ
станешъ,

Чѣмъ правдой мой языкъ ихъ уличаешь уста-
нешъ.

Послушай cadaго: увѣришь и Ролевъ,

Что совѣсти своей въ наемъ не отдаетъ,

И правосудіемъ онъ торговать не смѣетъ,

Вредишь, обманывать, лукавить не умѣетъ;

Хоть доброй славой нищѣ, да честностью бо-
гатѣ,

И словомъ, вѣрь-ему: онѣ нашихъ дней Со-
кратѣ.

Но сколько шаткошно бытъ честнымъ, каж-
дой знаетѣ:

Долгѣ добродѣтели насѣ часто принуждаетѣ,
Корысть свою забывѣ, пожертвовать другимъ
Покоемъ, временемъ, имѣніемъ своимъ.

Что часто намъ самимъ напастѣ иль вредѣ
наводитѣ,

Такъ вѣрныхъ въ шомъ иной разчетовъ не на-
ходитѣ;

Но чтобъ другимъ своихъ пороковъ не казать,
За добродѣтель ихъ умѣетѣ выдавать,

И всѣ на свѣтѣ семъ, какъ въ вольномъ ма-
скерадѣ,

Не въ обычайномъ имѣ, не въ свойственномъ
нарядѣ,

Закрывшись масками, подложной кажутѣ видѣ,
Пока еще не весь въ нихъ испребился спыдѣ.

„Ахъ! здравствуй, душенька! ну! какъ ты
поживаешь?

„Я такъ тебя люблю; а ты насѣ покидаешь!
„Да что-то грустенъ ты? скажи, любезной

другъ!
„Скажи мнѣ, что могу я для твоихъ услугъ?

„Я всѣмъ готовъ . . . постой, твой кошелекъ
въ кончинѣ,

„Я бду выиграть, такъ естли въ половинѣ
„Ты хочешь бытъ со мной, то я тебѣ боюсь,

„Что сошню другой съ тобою подѣлюсь.“

Вотъ такъ Щечилонъ мнѣ усердно предлагаетъ:
Обворовать меня онъ дружески желаетъ,
За шѣмъ меня игрой продастъ другимъ плу-
тамъ,
Чтобы съ ними раздѣлить мой вексель попо-
ламъ.

Учености надѣвъ личиу дерзновенно,
Самхваловѣ хочетъ всѣхъ насильно, неспѣшно
Увѣришь о своемъ и знаньи и цѣнѣ;
Онѣ качества свой хваля наединѣ,
Упорно въ помѣ себя не рѣдко увѣряетъ,
Что онѣ и то, о чемъ въ свой вѣкѣ не слы-
шалъ, знаетъ;

Но пухлымъ слогомъ вздоръ стараясь заглу-
шитьъ,

Принудилъ дураковъ себя премудрымъ члпшъ.

Пѣшомъ Чудновъ бытъ взявъ на себя обузу,
Неволю свою лепашъ заставля Музу,
Свой мѣлкомысленный Славенско-Руской бредъ
За образецъ ума и вкуса выдаетъ;
Но онъ бы съ Мевіемъ со временемъ сравнялся,
За пышной мыслию когда бы не тонялся,
И не старался бы, желая вверхъ парить,
Въ стихахъ своихъ луну зубами ужвапшить.

Ну чпшжъ? пускай его нийшо не понимаетъ;
Чишашель ничего, нль мало въ томъ пернеть;
Его несносной бредъ, прельщающій глупца,
Не столько пагубенъ, какъ сладка рѣчь льстеца.

Вложавъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди
цѣлуешъ,

Ч А С Т Ь IV.

Q

И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ;
 Клянется, что онъ всѣмъ поддерживать мнѣ
 радъ,
 И клятвами остривъ коварной злобы ядъ;
 Онъ рвется, мучится, опчаянъемъ мящется,
 Пока конца моей папашки не дожидется.

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
 А драчъ такъ истцовъ дралъ, какъ алчный
 волкъ овецъ;
 Онъ былъ моимъ судьей и другомъ бывъ мнѣ
 клялся,
 Я взяжки дамъ ему, не зная его, боялся;
 Соперникъ мой его и зналъ и самъ былъ
 плутъ,
 Разграбъ весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
 Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону;
 Драчъ правдой покрививъ умъ и по закону;
 Тогда пословица со мной сбылася та,
 Что хуже воровства честная проспоша;
 Меняжъ разграбили, меняжъ и обвинили,
 И вору заплашить безчестье осудили.

Я не окончилъ бы, когдабъ хотѣлъ я счесть
 Пути, которыми людей проводилъ лесъ.
 Сей пруситъ предо мной, а за глаза поно-
 ситъ;
 Тотъ друга моего за тѣмъ лишь имя носитъ,
 Чтобъ какъ при случаѣ меня обворовать;
 Другой за тѣмъ, что и могу ему достать
 Тотъ чинъ, котораго добишься онъ желаетъ;
 Иной Министръ меня лишь для того ла-
 саетъ,
 Что въ немъ дѣла мои и разумъ почтены;

Другой не для того, но для мой жены.

Тотъ отъ меня занялъ, тотъ пожилъся
хочетъ,

И всякъ на щепъ чужой лишь про себя хло-
почетъ.

Теперь не такъ ужъ глупъ, какъ въ старину
былъ свѣтъ;

Предубѣжденія и нравы древнихъ лѣтъ

Изъ моды вывелись, равно какъ ихъ наряды;

Другъ другу услужить, помочь другъ другу
рады

Бывало прощцы шеперещихъ отцовъ;

(Съ свѣчею поискавъ теперь такихъ глупцовъ!)

Во всѣ сердца уже проникло просвѣщеніе;

Въ томъ славу полагать, въ чемъ было по-
ношеніе,

Безчестіе и пороки согнать съ лица земли.

Были правыми во всемъ два средства мы
шли:

Одно — людской молвы себя превыше ставить;

Другое — всяко зло въ хороши толки плавить.

Тотъ, всѣмъ по дѣламъ бездѣльникомъ почтенъ,

Напрасно, говоритъ, я свѣтомъ осужденъ;

Молву людскую я и толки презираю;

Довольно, что я самъ себя честнымъ считаю.

Отъ общепринятыхъ томъ правилъ отсту-
пивъ

И Философіи свой разумъ посвятивъ,

Отечествомъ своимъ вселенну всю считаетъ;

А порознь каждому щепить и обираетъ.

Хотя уже теперь рачительной рукой,

Возстанови въ своемъ владѣннѣ покой,
 Екатерина пушь къ неспройсвамъ загра-
 дила,
 Злодѣямъ судъ швора, злу жало прищипила,
 Даешъ намъ способы другъ другу помогать,
 И цѣну каждому достоинствѣ оплечать:
 Со всѣмъ шѣмъ, сколь Она о благѣ ни пе-
 чется,
 Злодѣйство рушится, а глупость остается.
 Монархиня легко могла попрасть Луну;
 Монарховъ примиришь, искоренишь войну,
 И легчебъ силою вселенну покорила,
 Чѣмъ изъ числа людей глупцовъ искоренила.
 Она науками Россіи жизнь даешъ,
 И воспитаніемъ распроспраня свѣтъ,
 Подъ сѣнью своей художества покоишь;
 Искусству, разуму, покровы, храмы строишь,
 И мракъ невѣжества, и хищность, корень зла,
 Изъ всѣхъ подвластныхъ Ей предѣловъ про-
 гнала;
 Щастливѣишь насъ, хранишь, покоишь, про-
 свѣщаетъ;
 Но глупости ни что никакъ не истребляетъ:
 Науки возрасли, художества цвѣтутъ,
 Родятся авторы, а глупость шутъ какъ
 шутъ.

Какъ въ нивѣ, многими удобренной трудами,
 Проникнувъ плевелы промежду колосами,
 Неспѣлой повредя, глушатъ созрѣлой плодъ:
 Такъ вольной въ свѣтъ себѣ глупцы позволя-
 входъ,
 Не бывъ посѣяны, растутъ и созрѣваютъ,
 Даютъ худой примѣръ и знанья зашмѣваютъ.

Иные, чѣмъ себѣ предъ свѣтомъ опланишь,
 Усердіемъ своимъ спремишся помрачить
 Дѣла Монархини, воспѣвъ ихъ недостойно,
 Нелѣпнымъ голосомъ и низко и неспрошно.
 Я самъ моложе бывъ, ихъ смѣлостью поль-

щенъ,

И дерзкимъ сдѣлашся примѣромъ поощренъ,
 Желая помѣстить себя въ ихъ вздорномъ ликъ,
 Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
 Екатеринины пѣлъ славныя дѣла,
 Тогда какъ ихъ уже давно перевела
 Не на одинъ, на всѣ земныхъ племенъ языки,
 Молва гласящая Царей дѣла велики.
 И такъ, безъ воли Музъ я славить по же-

лалъ,

О чѣмъ весь свѣтъ гремѣтъ насилу усиѣвалъ.

О! есѣли бы тогда какой наставникъ спрогій
 Внушилъ мнѣ, сколько духъ и разумъ мой
 убоги

Ко праславленію великихъ дѣлъ Ея;
 Чѣмъ все гласъ крѣпиль усердіемъ щилъ я;
 Чѣмъ мнѣ Ея дѣла и Имя въ свѣтъ славить,
 Такъ къ спашъ, какъ бы горсть воды въ Неву
 прибавилъ;

О сколькобъ я его теперь благодарилъ!
 Онъ изъ числа глупцовъ меня бы искупилъ.

Но есѣлибъ вздумало правленіе уставомъ
 Глупцовъ принудить бытъ всегда въ разсудкѣ
 здоровѣ;

То вѣрнобъ я, и весь ослиной ихъ соборъ,
 Совѣмъ сошли съ ума, ему на перекоръ.

Законъ преграда злымъ, спокойство утверждаеиъ,
 Отъ сильнаго руки безсильныхъ защищаетъ;
 Злодѣйство можетъ онъ карать, искоренить,
 Но глупосіей людскихъ не въ силахъ истребить.

Такъ чтожъ? не должно ли изыскивать спараться,
 Чѣмъ съ глупосію глупцовъ принудишь бы расщаться?

Пѣиовъ научить безъ смысла не грѣмъ,
 И вѣру теплую къ разсудку возымѣть?

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
 Принудишь Мевіа мириться съ Аполлономъ,
 Не спавишь на подридъ за деньги гнусныхъ одъ,
 И рыломъ не муцишь Каспальскихъ чистыхъ водъ?

Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ приемотворцовъ,
 Слагателей вранья и сущихъ умоборцовъ,
 Со всѣмъ семействомъ ихъ, не убоясь судовъ,
 Напущавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
 Въ свѣщъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ, безъ оклада,
 Уму, читателямъ и Музамъ на досаду.

Злодѣямъ казнъ грозить и строгости суда;
 Презрѣніе и стыдъ бездѣльникамъ узда;
 А дѣлашь глупости всякъ можетъ безъ препоны.

Когдажъ духовные и свѣтскіе законы
 Не могутъ правами власъ глупости унять,

Такъ чѣмъ ошалося? — Ей зеркало казать,
 Въ которое взглянувъ себя бы устыдилась;
 Сатира кажется на то лишь и родилась,
 Чѣмъ въ лицахъ съ глупостью пороки изо-
 бражать,

И корень ихъ и власи въ нравахъ испре-
 лять,

Колочей шипкой умъ и сердце исправляя.
 И такъ, когда глупцы, стихи си читая,
 Похожими себя въ иныхъ мѣстахъ найдутъ,
 Да не винятъ меня за безпристрастный судъ;
 Я правдою внушенъ, пишу ея утѣху.

Глупцы, бездѣльники, свои испорчили нравы,
 Не должны на меня за то одно возсѣсть,
 Что я пороки ихъ старался исправлять;
 Я имъ добра желалъ; а естли и возстанутъ
 И разсердятся, меня ругать за правду ста-
 нутъ,

То, презря съ твердостью неправедный ихъ
 гнѣвъ

И спусхожденіемъ ихъ буйство одолѣвъ,
 За наглую ихъ брань не стану и сердиться:
 Я не съ людьми хочу, съ пороками браниться.

Капнисть.

Подруга милая моей судьбы смиренной,
 Которою меня Богъ щедро награди! —
 Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усиленной
 Для свѣта и для Музъ, талантъ мой про-
 будилъ,

И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
 О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей одна,
 Одна живая мысль; и разными словами
 Могу сказать одно; душа моя полна
 Любовію святой, блаженствомъ и тобою:
 Другое кажется мнѣ скучной суетою.
 Сказавъ тебѣ: люблю! уже я все сказалъ.
 Любовь и счастье въ романахъ говорливы,
 Но въ истинѣ своей и въ сердцахъ молчаливы.
 Когда я счастье себѣ воображалъ;
 Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
 Тогда о прелестяхъ *сокрытаго предмета*
 Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
 И тѣни прибирая любилъ однѣ къ другимъ,
 Въ отсутствіи себя порптретомъ уищала;
 Тогда я счастливъ былъ, о счастьи мечтаю;
 Мечта пріятна намъ, когда она жива.
 Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
 Не могу въразить сердечныхъ наслажденій,
 Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
 Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
 Щитаю радости свои числомъ мгновеній,
 Не думая о томъ, какъ ихъ изображать,

Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства,
И сердцу угодить не станеть въкъ иску-
спива.

Но естлибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излишь всю силу, нѣж-
ность жара,

Которымъ швой супругъ щастливый упоенъ,
И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
Все щастіе свое какъ въ зеркалѣ явить:
Не думай, чтобы тѣмъ я могъ другихъ нѣ-
нить.

Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ,
что онъ не внятенъ
Въ мятежныхъ суесахъ и въ хаосѣ страстей.
Кто истинно блаженъ, тотъ свѣту непрі-
ятенъ,

Служа сапирою почти на всѣхъ людей.
Столь рѣдко щастіе! и столь несправедливы
Понятія объ немъ! иначе кто въ серебрѣ,
Въ приманкахъ гордости, въ чинахъ и при-
дворѣ,

Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы;
Я спорить не хочу; но мнѣ позволятъ быть
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и лю-
бить!

Такъ пастырь съ берега взираетъ на вол-
неньи

Непшуновыхъ пучинъ, и видитъ корабли
Играющимъ стихій; желаетъ имъ спасенья,
Но радъ, что онъ стоитъ надежно на земли.
Нѣтъ, нѣтъ, мой милый другъ! сердечное
блаженство

Желаетъ пищины, а Музы любятъ шумъ;

Не истина, но блескъ въ поэтѣ совершен-
ство;

И ложь красивая пѣняетъ свѣтскій умъ
Скорбе, чѣмъ языкъ простой, нелицембрный,
Которымъ говоришь правдивыя сердца.

Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
Мы любимъ быть одни; что мы другъ другу
вѣрны

Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
Сказавъ, что все для насъ минуши хороши,
Въ которыхъ никто намъ не мѣшаетъ волюю
Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣло-
вать,

Ласкаюсь взорами, задумаюсь, молчасть;
Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
Не просимъ чуждаго, но счастливы своимъ,
Моля Его, чѣмъ Онъ безъ всякихъ прибавленій
Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и
вкругъ;

Я вкусу знамоковъ не угожу, мой другъ!
Гдѣ шутъ поэзія? гдѣ вымысль украшеній?
Я истину скажу; но что повѣришь ей?
Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
Слѣхами, говоришь любовницѣ своей:
Что для него она предметъ богошворимый,
Что онъ единственно къ ней спрассію живетъ,
За нѣжный взоръ ея короны не возьмешь,
И прочее; тогда ему иной повѣришь;
„Любовникъ, думаютъ, въ любви не лицеб-
ришь;

„Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.“
Но чѣмъ супружество для сердца было раемъ;
Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятностей своихъ

Оно казалось всегда цвѣтущимъ Маемъ,
Безъ хлада и грозы; чтобъ вѣрный Гименей
Былъ страшенъ, и еще сильнѣ всѣхъ спра-
сней:

То люди назовушъ безсовѣстнымъ обманомъ.
Исторія любви тамъ кажется романомъ,
Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.
Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,
Что быть должна отъ глазъ нечистыхъ со-
кровенна;

Ей сердце храмъ святой, свидѣтель Богъ, не
свѣтъ;

Ей счастье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и
пришворства;

Она по скромности не любитъ спихотвор-
ства.

КАРАМЗИНЪ.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ.

(ВОЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЪ.)

Кто первый изосприлъ желѣзной мечъ и
стрѣлы?

Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные пре-
дѣлы

Невинный миръ, и въ адъ открылъ обшир-
ный путь!

Но онъ виновенъ ли, когда на ближнихъ груди
За злою въ бѣшенствѣ желѣзо устремляемъ,

А не чудовищей пустынныхъ имъ сражаемъ? —

Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой

Изъ буковой коры межъ ушвари простой,

И столъ былъ опягченъ избыткомъ сель-
скихъ брашенъ:

Тогда не знали мы щиповъ и твердыхъ ба-
шенъ,

И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ;

Тогдабъ и дни мои я радостными считалъ!

Тогдабъ не чувствовалъ невольно прелепанья

При гласѣ бранныхъ трубъ. О щещ-
ныя мечпанья!

Я съ Марсомъ на войнѣ! быть можешъ, лужъ
пугой

Нашаюшъ на меня пернашою стрѣлой. . . .

О боги! сей ударъ вы мимо пронесите!

Вы, Лары опчески! отъ гибели спасите!

О вы, хранившіе меня въ пѣни своей,

Въ безопасности злошой отъ самыхъ юныхъ
дней!

Не постыдитесь, что ликъ боговъ священный,
 Избвенный изъ пня и пылью покровенный,
 Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
 Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
 Ни влѣшвъ нарушенныѣ, ни почестей, ни
 злата,

Когда священный ликъ домашняго Пенапа
 Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
 Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ про-
 стыхъ

Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
 А на власы его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
 Возложимъ мы вѣнки изъ миршовъ и лилей;
 Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
 Когда на празднествахъ, въ дни Майскіе
 веселы,

Въ кругу дѣтей своихъ, орадай престарѣлый
 Опрѣсноки ему священны принесетъ,
 А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
 Спаситежъ вы меня, опеческіе боги,
 Ошъ копій, ошъ мечей! вамъ даръ несу убогій:
 Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
 А въ жертву сей оленъ, краса моихъ луговъ!
 Я самъ, увѣнчанный и въ шогѣ облеченный,
 Явлюсь наупрѣ предъ вашъ олтарь священ-
 ный —

Пускай народовъ бичъ, неисповый Герой,
 Обрызганъ кровію, за Марсомъ идетъ въ бой,
 А мнѣ — колъ благости я сей опѣ васъ до-
 стоинъ —

Пускай о подвигахъ своихъ расскажетъ воинъ,
 Съ друзьями юности сидящій за столомъ;
 Пустьъ ратный станъ черпимъ чашъ проли-
 тыхъ виномъ!

Почто же вызывать намъ смерть изъ царства
тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны сту-
пени?

Она, какъ тать въ ночи, невидимой синопой,
Но быстро, въ слѣдѣ идетъ повсюду за тобой.
Она низводитъ насъ въ тѣ мрачныя вершины,
Гдѣ лаеетъ адскій песъ, гдѣ Фуріи свирѣпы
И кормчій въ челнокѣ на Спиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдныхъ полкъ толпится на
берегахъ,

Власы обожжены, и впади ихъ ланиты....
Хвала, хвала тебѣ, орашай домовиный!
Твой вечернетъ вѣкъ средѣ щастливой семьи.
Ты самъ въ тѣни дубравъ пасешь спада свои;
Супруга между тѣмъ пранезу учреждаетъ,
Для умоенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водою. О боги! естлибъ я
Узрѣлъ еще мои родителски поля
У свѣтлаго огня съ подругой молодою:
Ябъ юность вспомянулъ за чашей круговою
И были и дѣла давно прошекшихъ дней!
Сынъ неба! свѣтлый миръ! ты самъ среди
полей

Вола дебелаго ярмомъ опягощаешь,
Ты благодаешь свою на нивы проливаешь,
И въ отческій сосудъ, наслѣдѣ сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вавховыхъ даровъ.
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ
священны;

А мечъ, кровавый мечъ и шлемы оперенны
Снѣдаешь ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Орашай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный!

Дни мира! въ любви игривой посвященны!
 Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотою.
 Ты плачешь, Ливія! но побѣдитель швой,
 Смотри — смиренно самъ колѣна прекло-
 няешь.

Любовь коварная украдкой подступаетъ,
 И вопль уже межъ васъ размолвившихъ сидитъ.
 Пустьъ молии боговъ безщадно поразитъ
 Того, кто красоту обидѣлъ на сраженіи;
 Но щасливъ тотъ, кто могъ въ минушномъ
 испугленнѣ
 Вбросъ на волосахъ каштановыхъ измятъ,
 И поясъ невзначай у дѣвы разорвать!
 Щасливъ, при-крашъ щасливъ, когда од-
 нѣ угрозы
 Изторгли изъ очей любви безцѣнны слѣзы!
 А ты, взлелѣанный межъ копій и мечей,
 Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ олшарей!

Батюшковъ.

XLVIII.

ПОСЛАНИЕ КЪ ГРАФУ РУМЯНЦЕВУ.

На приписаніе Турковъ въ разныхъ городахъ за
 Дунаемъ и вослѣдовавшее отъ того за-
 ключеніе мира.

Писано въ Лондонѣ.

Герой, котораго чинишь просвѣщенный свѣтъ,
 И сыномъ молніи разящій зовешь!

Прости, что крошкѣ воспитанный науки
 Свой сопрягаешь гласъ съ торжественными
 звуки,

И вносишь приемы въ пловъ привыкшій къ гро-
 му слухъ:

Отъ духа твоего онъ свой заемлетъ духъ.
 Нынь нужды для него во спихотворснва богъ:
 Вождь Россіихъ силъ ему есть мыслей вождь
 въ семъ слогъ.

Онъ хочеть въ простотѣ хвалу тебѣ соплесъ:
 Передъ Героями подла учена лесъ.

За Испромъ Туркъ погранъ, за Гемомъ Туркъ
 трепещетъ:

Какъ Темзы со береговъ Россъ Россу не воспле-
 щетъ?

Когда то истинно, какъ разумъ намъ речетъ,
 Что не безъ Промысла подъ небомъ все течетъ:
 Я мню, воздвиглась брань, чтобъ весь былъ міръ
 свидѣтель,

Колика есть твоя, Руманцевъ, добродѣтель;
 Брань длилась, чтобъ ея славный для насъ конецъ,
 Чтобъ межъ Героевъ твоя всѣхъ краше былъ
 вѣнецъ.

Не ошущишельноль, что ты еси оный воинъ,

Екатеринина избраніи достойнѣ ,
 Что духъ Ея въ тебѣ , швой въ войскѣ всемѣ
 живешъ ?

Ты перстѣ проспрещь , и Россѣ препоны пня-
 жни рвешъ !

Всѣ бодростью орлы , полета всѣ ораина ,
 Всѣ дѣти одного во брани Исполина !

Что швой обымешъ взорѣ , шѣ намѣ стяжанѣ
 поля ,

Гдѣ ты ступилѣ ногой , шо Росская земля .

Сразились ли враги — пьюшѣ горестѣ смертной
 чаши ;

Засѣяли во стѣнахѣ — всѣ крѣпости ихѣ наши !

По праву пушечну все намѣ принадлежишѣ ,
 Когда противникѣ мрешѣ ошѣ страха , или
 бѣжишѣ ;

А онѣ всегда бѣжишѣ , вездѣ онѣ мрешѣ ошѣ
 страха ;

Гдѣ поспоишѣ , разбитѣ , развѣянѣ въ видѣ
 праха .

Нашѣ станѣ его , шатры , сосуды , злато ,
 свѣдѣ ,

Оружья , знамена и свѣшла пушекѣ мѣдѣ ,

Творенье Галлскаго искусства знамениша ;

Хотѣ лилѣ бы ихѣ Вулканѣ , шо Туркамѣ не
 защища .

Одѣнѣ въ Ахиллову Тодѣ збрую Визиря ,

Румянцовѣ въ мигѣ сего запнешѣ богатыря ;

Принудитѣ , прячяся , за полцей стѣнѣ дер-
 жашься ,

Въ зловонномѣ воздухѣ , въ толпѣ невольныхѣ
 жашься ,

Проситѣ о выпускѣ , слезами жизнь спасашѣ ,

Трепещущей рукой намѣ славный мирѣ пишашѣ !

О воинственникъ, что лишь только зракъ по-
кажешь,

Волшебнымъ ужасомъ куешь враговъ и вяжешь;
Мочь премогающій удалостью борецъ,
Высокихъ думъ пвѣцамъ, всѣмъ радостей
шворецъ!

Позволь мнѣ, внемлющу успѣхъ походовъ смѣ-
лыхъ,

Предаться вольному стремленью мечу весе-
лыхъ,

И памяшью войны къ началу воспечи,
На засверкавши вдругъ взглянуть враговъ мечи,
Воззрѣти на тебя, Вождя вождей въ соборѣ,
Соразмышляюща противнымъ о упорѣ;

Съ холма, гдѣ Ханъ раженъ, простерши
путь въ Кагулъ,

Съ Кагула на Дунай, гдѣ робкой врагъ по-
нулъ,

Съ Дуная до высотъ Фракійскія Родопы,
Гдѣ очи на себя привлечъ ты всей Европы,
Безъ кровоплишя кроваву кончивъ брань;
Вселенныя воспоргъ твой, Руминцовъ, дань!

Какъ попущеніемъ премудрыя Судьбины,
Что клонилъ всѣ дѣла во чesть Екатерины,
Онъ Галловъ ослабленъ покойной Мустафа
Возмнилъ, что проновъ всѣхъ есть мать его
софа;

Порабощенъ ему онъ полдень скликалъ цѣлый,
И саранчей пусшилъ въ полночны раши пре-
дѣлы.

Та во своемъ лешу проворна и быстра,
Сама себя грызя, достигнула Днестра.

Часть врѣзалась въ Хошинъ, уронъ вмѣненъ
въ побѣду;

И не одинъ опитъ молебень Магомешу.
Удачей сей ольспяся, сооружаютъ мостъ,
Жечи каждый градъ у насъ, деревню и погостъ.
Услышавши свою на сей странѣ ватагу,
Во необычну палъ нашъ Мустафа отъвагу:
Идши ко Кіеву всѣхъ кляпвой обязалъ,
И тамо зимовать имъ властно указалъ;
Самъ даже до Москвы мечшой своей просѣлся,
И преждевременно ужъ Газіемъ нарежся;
Щастливой вѣстїю обрадовалъ сераль;
Торжествовалъ гордись среди пюремныхъ краль;
Что побѣдитель онъ, то-пишетъ въ Алко-
ранъ;

Онъ сожалѣлъ, за чѣмъ войной пошелъ не
ранъ.

Среди храбрующихъ кичлива старца думъ,
Ударилъ въ слухъ его Россійской славы шумъ,
Что всѣ его за Днестръ до Кіева переходы
Истреблены вконецъ и рапъ и полководцы;
И вмѣсто, чтобы имъ струи Днѣпровы пили,
Сошелъ съ небесъ указъ въ Днестръ ихъ намъ
попили.

Державный табака куритель шумъ смутился,
И трубку опложа въ задумчивосиъ пустился;
Опомнися сказалъ: „не храбросиъ то, случай;
„Напали въ темнотѣ, напали невзначай.
„Россіянамъ - де шумъ разливъ рѣки спосиъ-
шенъ!“

Симъ бабѣй вишазъ былъ не вовсе безумиень.
Онъ разную въ умѣ щечной себя ласкалъ;
И рой за роємъ въ бой людей своихъ пускалъ.

Взявъ трубку : „вось либо и мы, сказалъ, щасливы ,

„Не всякой день дожди и не вездѣ разливы.“
Чтобъ храбросшь оправдать, Румянцовъ сталъ
ся Вождь :

Разитъ ихъ въ ясны дни, когда не канешъ
дождь ,

И нѣтъ другихъ, кромѣ ихъ крови, наводненій ;

Разитъ ихъ на мѣстахъ возможныхъ полуженій ;

На сушѣ, на водѣ, въ долинахъ, на горахъ,
Во блазахъ, во лѣсахъ, на полѣ, во градахъ,
На башенъ высотѣ, во мрачнѣйшихъ вершпахъ,
Натурой и рукой воздвигнушихъ укрѣпахъ.

Запри днесъ хляби всѣ, о небо! Россамъ въ честь;
Что шрашишь молнію, когда Румянцовъ есть?
Какъ бдишельный ловецъ, що звѣря наждаешъ,
То вдругъ на онаго въ берлогѣ нападаешъ;
Біетъ его въ лѣсу, на гладкой бьетъ снѣги,
Посмотришь, звѣрь падешъ, иль всешь ужъ
въ цѣпи.

Со вяцшею хитросью на ловъ онъ свой исходитъ ,

Во смертныя тѣнѣ вездѣ враговъ заводитъ;
Валясь набѣжавъ на похаенный ковъ,

Иль стонущъ плѣненны подъ шагосью оковъ.

И се млада волча сынъ Хана съ ногъ скапился,
Что дебри въ глубину небережно впустился !

Се бдѣщи отворилъ на пагубу глаза,
И одалъ спалъ съ своей аравой Абаза !

По множествѣ пустыхъ прошивъ ловцевъ попынковъ ,

Явился нагль онъ звѣрь, и въ бѣгѣ сильно
прытокъ.

Оспрѣзаны совѣмъ отъ милыхъ имъ Бендеръ,
Ко крайности враги прибѣгли мудрыхъ мѣръ:
Чтобъ въ силахъ имъ своихъ воище не изну-
рилась,

Въ набѣгахъ шумъ и шумъ помалу не перяться,
Хошащъ сложить въ одно и Спагъ и Янычаръ,
Абду и Абазу, всѣхъ Турокъ и Ташаръ,
И тако понеслись подобьемъ грозной тучи.
Видомъ не видано такой народа кучи!

Поставленъ на горѣ преогражденный станъ;
Имъ обезчадѣвший правительствуетъ Ханъ,
Ханъ Опшоманскаго преемникъ мнимый прона,
И слѣдственно его и сполкъ и оборона.

На швердосъ положась спремнистаго холма,
Мечтала каждая бысть мнѣ страха шумъ чалма;
Возгромоzdились, равны со облаками!

Какъ небожителей доспанешъ ты руками?
Приспѣлъ сраженья часъ, воздвигся прескъ и
громъ,

Лепишь свисля ядро за яркимъ въ слѣдъ
ядромъ;

Не гомонится врагъ числомъ и мѣстомъ крѣ-
покъ.

Бѣда! когда бы Россѣ лѣзть къ верху былъ
не цѣпокъ;

Но вмигъ вскочилъ къ нимъ мужъ, рекомый
гранодеръ,

Что прямо шагъ на нихъ непрепетень про-
сверъ;

То видя, дрогнули и нѣсколько уныли,
Побѣгли на легкѣ, и пушки взять забыли:
Слѣщишь коля, и бѣя бичемъ коня, Гирей,

И съ нимъ чутъ дышущихъ табунъ богатырей!
Теперь открылося, что вождь Россійской мочи
Умбешъ ихъ во дни крытъ сѣнью смертной
ночи;

Далече отъ Днестра со воинствомъ ходишь
И Днестръ багряныхъ струй изъ ихъ кровей
родишь;

Ступаешь, изпровергаешь и распугаешь ихъ силы,
Въ Тарпей холмы, рвы имъ превращаешь въ
могилы.

Одна бѣда намъ съ плечъ, другая на плеча,
Шумишь зашевелясь Визирска саранча,
Ахъ-ши! пронулася вся сила западная,
Сирашилище Руси валишь изъ за-Дуная!
Куда погналъ пастухъ скошину предъ собой,
На торгъ, на водопой, на пажить, иль убой?
То знаешь не до него; какъ Богъ дастъ, какъ
случится;

Довольно: съ Русью брань, такъ онъ на Русь
и мчится.

Султану онъ шепнулъ: онъ будетъ Рускимъ
бичъ;

Лишь толькобъ ихъ ему завременно поспичь,
Въ томъ дѣло, чтобъ полкамъ не дасть со-
единиться;

А то ужъ всѣхъ пѣни, не станушъ боро-
ниться,

Какъ знаешь супосаешь военно ремесло!
Побѣда вся его, лишь взглянешъ на число,
Однако же коней не скоро знаешь уздали,
Понеже не съ большимъ педѣлей опоздали.
Сколь быстро ни неслаесь прошиву насъ ихъ
злосць,

Однако къ намъ Визирь какъ жданный при-
былъ гость.

Но устоять дабы Султану въ данномъ словѣ,
У ворага другой былъ замыслъ на тошовъ:
Отвсюду окруживъ насъ, въ гибель вовлеци,
И стиснувъ всѣхъ вложъ несмѣнныхъ силъ
клеци,

Оспрѣзавъ пияжести, и въ нихъ запасы снѣдны,
А послѣ пѣсни ужъ безъ боя пѣть побѣдны.
Сей думъ чертежъ хорошъ, и здѣсь намъ ве-
лѣй вредъ;

Но онъ хорошъ въ умѣ, а въ дѣлѣ сущій бредъ.
Едва Халиль успѣлъ за Испромъ оглядѣвшись,
Съ Румянцовымъ сойдясь, не зналъ куда и
дѣлѣсь.

Не дешево спалъ ему сей за Дунай прогулъ:
То грудь его одна зазнаетъ и Кагулъ.
Смотря на гостевъ санъ, пріемъ ему былъ
жарокъ:

Онъ перещелъ Дунай припеснь свой станъ
въ подарокъ.

Тотъ полонъ былъ добра; что больше? и мо-
нетъ!

Не диволь, лакомства ко злашу въ Туркахъ
нѣтъ?

Оставитъ цѣлой станъ, палатки, порохъ,
пушки,

Изъ всея казны не вынесъ ни полушки,
Есть чивость чаема едва и отъ родни,
И могутъ шу являть лишь Турки намъ одни!
Пришелъ, поднесъ, и въ мигъ ударилъ вспахъ
къ походу;

Лишь изъ воды и въ огонь, лишь изъ огня и
въ воду!

Не чаялъ я дожить до эдакихъ чудесъ;
 Но чалмоносный ихъ вдругъ сдѣлалъ Геркулесъ,
 Что пасты на насъ грози, коль найдемъ насъ
 въ разлохъ,

Герой вдали, вблизи былъ пугало въ горохъ!
 Уже безъ отдыха бѣжа съ полсопни миль,
 На яхту бросился въ безпамятствѣ Халиль;
 Ужъ Турки, что вождя не меньше поропбли,
 Перегрузивъ суда, крещающа въ купели.
 Чтобъ нашъ сберечь свинецъ, союзной намъ

Дунай

Ихъ тысячами глотая, шлетъ къ Магомешу
 въ рай.

О сколько тамо вдругъ скопилось душъ усоп-
 шихъ,

Убитыхъ, сдѣленныхъ, разорванныхъ, утоп-
 щихъ!

Однако спаслися на онъ полъ удалцы,

Полусожженные отъ молній ушлецы,

Султану сей уронъ искусно возвѣстили:

„Мы будно всю на нихъ Россію напустили,

„Воздвигли изъ гробовъ тѣхъ даже мертвецовъ,

„Которы въ снѣгину бивали ихъ опцовъ.

„На каждаго изъ нихъ досталось насъ по
 двѣсти;

„Да мыжъ, дыша огнемъ, шекли сомкнувшись
 вмѣстѣ.

„Во помощь Мустафа и Магомедъ былъ
 званъ,

„Но не было споры, Халиль оставилъ станъ.“

Въ Халилевыхъ очахъ что такъ предлоги
 дики?

У страха, говорящъ, всегда глаза велики.

Но какъ? мада ли разнь: разбойникъ и Герой,
 Румянцовъ и Халиль, толпа и бодрый строй,
 Опечесива любовь, къ хищеню духъ звѣриный,
 Тьма мыслей въ Мустафѣ, и умъ Екатерины!
 Возможенъ, чтобъ шербеи и кофѣ изъ - за
 морей

Могли стояти противъ воды и сухарей;
 Чтобъ Турки противъ насъ не споль же были
 слабы,

Какъ заключенныя внутрь ихъ серала бабы?
 Сдаются города, очищенъ здѣшній берегъ;
 Просперъ удалый Россѣ чрезъ воды свой на-
 бѣгъ;

Со Журжей, мѣстомъ имъ и торжествъ и гроба,
 Простилась навсегда упорныхъ варваръ злоба;
 Румянцовъ ихъ спокраи пресила, побѣди,
 Къ нимъ пишеи мирная, ихъ липи крове
 щадя.

Не внемлютъ кротости Геройскаго совѣта,
 Готовы драку вестъ до преславленья свѣта.
 Судьба ихъ жесточитъ, опцамъ во чадахъ
 мстя;

Надежда ихъ слѣпитъ, имъ въ гибель вая
 льсти:

„Не сей день ввечару, такъ завтре до обѣда
 „Авось-либо преидетъ на ихъ страну побѣда;
 „Авось-либо истомъ и мукъ ихъ выдетъ срокъ
 „И облегчится ихъ хопи немного рокъ!

Онъ облегченъ, ушихъ; порадуйтесь однажды,
 И удовольствуйте свои къ побѣдамъ жажды.
 Тотъ моръ, чудовище изъ производныхъ мѣстъ,
 Что часто васъ самихъ безъ милосердья вѣстъ,
 Оплошно взятый въ плѣнъ плѣвившихъ по-
 жираетъ;

О како здѣсь Герой безъ мести умираетъ!
 Что можетъ въ сердце жаръ? и что въ де-
 сницѣ громъ?

Коль тяжко Россу лечь безъ боя подъ шапромъ!
 То Мустафы пріумфъ! то перва Туркамъ
 льгота;

То радость тайнаго Славянъ недоброхота!
 Сступайте, варвары, воздвигнитесь шеперь;
 Стоишь опворена къ побѣдамъ вашимъ дверь.
 Лишь врагъ пронулся, лишь предспражѣ
 впревожилъ;

Иль Россъ не умиралъ, иль каждой мершвой
 ожилъ:

Толь сильно ихъ разятъ, толь нудятъ кровь
 ихъ течь!

Умалилось число, но равно оспръ нашъ мечъ.
 По прежнему Герой разбойника гоняетъ;
 Румянцовъ малость силъ искусствомъ допол-
 няетъ,

Военачальникъ, другъ, и бодрый спражъ и
 врачъ,

Безперерывныхъ вождь оружія удачь,
 Какъ смѣетъ на него насыщу пастъ разинушь,
 И въ гробъ шворца побѣдъ чудовище низринуть?
 О Турки! ласный гласъ надежды вашей лживъ;
 Румянцовъ кову въ спыдъ, и вамъ въ поги-
 бель живъ!

А ты, о Мустафа! о спарецъ, спарецъ буй-
 ный!

Взглянь подданныхъ кровей на рѣки много-
 струйны!

Внимись, коль жалокъ ты, колико рокъ швой
 спрогъ,

Твой понти безъ кораблей, луна твоя безъ
рогъ;

Крыло твое Херсонъ уже летать не сможетъ;
Твой льстецъ, зависникъ нашъ съ шоски
ужь персы гложетъ;

Въ Янычарахъ твоихъ жаръ къ бою охладѣлъ,
Подъ тяжестью ушатъ ты вдвое посѣдѣлъ.
Ты жди съ часу на часъ, чтобъ силу нашу
сперши,

Ослепленной Монархъ, самъ ближишься ко смерти.
Ахъ, сколько по полямъ размешано костей!
Ахъ, Балпа спсалаъ полъ многихъ областей!
Почто, завидя намъ, мечшашелны боязни
Преобращилъ себѣ ты въ настоящи казни?
Прими совѣтъ ума, брань солнцевъ, и смирись;
Екатерины ты предъ свѣтомъ покоришь.
Скажи: твои моря, тебѣ ихъ власть при-
стоишь!

Испощевай казну, плаши, что брань намъ
стоишь.

Съ Херсонцами просясь, имъ вольноспѣ
уступи,

Условіемъ такимъ желанный миръ купи;
Европы во дѣла не смѣй мѣшаться больше,
Свою лишь знай Сераль, и не мечтай о Польщѣ,
Врочавыхъ гордому виновнику зашѣй
Громовой по ударъ, реченныхъ смыслъ спашей.
Какъ! увѣщать войну такимъ поноснымъ
миромъ?

Быть обезрученнымъ поклонниковъ кумиромъ?
То слава предковъ ихъ, то Порцы блескъ
прещитъ!

Но что за блескъ? отъ васъ вся слава прочъ,
дешишь,

Какъ аспидъ глухъ, свои онъ запыкаетъ уши,
 Во что ни спанетъ, радъ сохнупъ Россiи
 съ суши,
 Бодрится изовиъ, внутрь полонъ горькихъ
 слезъ,

Окованъ весь, спрашитъ звучанiемъ желбзъ!
 Препорженъ мира сеймъ; вновь громы раздались,
 Турецкихъ вновь кровей потоки полились,
 Упорный Мустафа, что былъ по нынъ бодръ,
 Уроновъ не терпя, возлегъ на смертный одръ.
 Свирѣпою судьбой въ сей жизни недоволенъ,
 Въ другую съ пропускной онъ грамошю уволенъ;
 Монархъ, любитель нѣгъ, излишества, сла-
 сней,

Невѣжда, упоенъ оправою лестей,
 Во дняхъ сѣдинъ къ войнѣ по склонности грѣ-
 ховой,

Преемнику софы оставилъ брань въ духовной;
 Былъ бѣшенъ, какъ Аяксъ, и кончилъ жишiе,
 На собственнo съ серцовъ напился копiе!

Нешасной памяти безфлотный царь скон-
 чался;

Аметъ въ его спези, Аметъ Абдулъ помчался.
 Наслѣдственной въ груди къ намъ злобою
 дыша,

Берется насъ казнить, ярься, бѣсясь, пыша.
 Коль Галламъ вѣритъ онъ, большой наукъ
 пишомецъ,

Онъ цѣлой Марсъ въ бою, ужасной стѣноло-
 мецъ.

Теперь ужъ на спранѣ Турецкой перевѣсѣ;
 Гремитъ изъ-за Юнонъ серальныхъ инъ Зевесъ!
 Онъ новыми снабженъ спрѣлами опъ Вулкана,

Что Поршъ предала сестра ея Секвана.

На диво всѣмъ, хромой работаетъ брадачъ;
Какихъ не ждашь въ войнѣ онъ спрѣлъ его
удачъ?

Всемирно ужь врагамъ симъ пощасливившъ
лѣшомъ;

Порядкомъ поидетъ брань, не прежнимъ опро-
метомъ;

Просверкиваетъ имъ нарочитъ блескъ побѣдъ;
Россъ изосприлъ ихъ духъ, какъ прежде Рос-
совъ Шведъ.

Искуснѣй спрячутся, скорѣй назадъ далятся.
Роль постоятъ, большой ужь грудю наляшся.
На свальный бой Визирь не спанетъ козырять,
Какъ Фабій, медленѣемъ насъ будетъ изнурять,
Лишь мы преидемъ Дунай, обляжемъ кую крѣ-
пость,

Онъ, спрявъ свою въ лѣсу, иль за горой сви-
рѣпость,

На нашемъ вспянь ходу, вдругъ выскочитъ
какъ волкъ,

То конный сбѣстъ у насъ, то пѣшеходный
полкъ.

Такимъ-то брань вести назначено пріемомъ;
Быть по сему; чалмъ шоржествовашъ надъ
шлемомъ!

Межъ тѣмъ поборница Румянцову, Судьба,
Намбренїи ея свершишела раба,
Надъ всѣми превознесъ гоювишъ исполины,
И образъ на себя прїявъ Екатерины,
Въ сѣни, гдѣ онъ почилъ, не входной никому,
Зарей оболчена является ему!
Будя его своей прикосновеньемъ длани,

„Проснися, сыне мой, проснися, Герой, во-
спани!

„Приспѣлъ, рекла, днесъ часъ преступниковъ
карасть;

„Полна ихъ мѣра золъ; ожесточилась рать;

„Смиренье наше ихъ смягчити не довольно;

„Текущъ на собственну погибель произвольно,

„Ты ихъ разилъ, губилъ, спрѣлялъ, попилъ,
плѣнилъ,

„Каралъ, опровергалъ, крушилъ, попилъ, тѣ-
силъ;

„Но нынѣ заключи во ужасовъ осаду,

„Смети съ лица земли, и всѣхъ затри во
аду!“

Онъ они отворилъ, но исчезалъ призракъ;

„Довольно; это былъ Екатерининъ зракъ!

То рекши, воспрянулъ, въ броню свою облеся;

На онъ полъ силою невидимою влеса;

Прешедши воинствомъ, Силистрію облеа;

Въ други страны другихъ направилъ воевъ бѣа;

Для указанья мѣстъ чужь перстъ успѣлъ про-
стерни,

Какъ въ челюстяхъ враги вездѣ явились
смерти!

О несрѣщаемый ни коихъ въ чпении книгъ

Екатерининыхъ полковъ архиспранигъ,

Что подвиговъ плоды столь славны пожинаешь!

Скажи, какой врагу ты силой запинаешь?

На той странѣ ихъ жралъ мечъ, пламень и
вода;

На сей, самъ градъ, онъ бѣлъ убѣжище, бѣда.

Благъ индѣ войскъ раздѣлъ, здѣсь люпыхъ
волъ причина;

Но чѣмъ гдѣ больше войскъ , извѣстиѣ кон-
чина :

Голодныхъ ртовъ число усугубляетъ гладъ ;
Пусть шверды замки ихъ , но не таковъ жель
адъ ?

Вокругъ оступлены отъ Россовъ ихъ остроги ;
Вездѣ пресѣчены къ спасенію дороги ;
Не встрѣшишь въ воздухѣ открытомъ ни
чалмы ;

Всѣ согнаны сидятъ въ мѣспахъ кромешной
пѣмъ .

Тѣ , кои ускользи отъ зѣва смерти бродятъ ,
Приспанища себѣ подъ небомъ не находятъ .
Какъ баснословная безъ погребенія тѣнь ,
Скитается Паша , пустынный ночью и день ,
И жалостный ушлецъ своихъ не обрѣтая ,
Къ плѣнившимъ вспять бѣжитъ , несноснымъ
гладомъ тая .

Румянцовъ имъ за моръ подобнымъ зломъ оп-
мстилъ ,

За ихъ чудовище другое къ нимъ пустилъ ,
Копоро прежняго свирѣпѣ при крашѣ ,
И прошивъ коего всѣ слабы Иппокрашы .
Окромъ смерти нѣтъ на люшый гладъ врача ;
Не лучше въ полѣбѣ имъ всѣмъ пасти отъ
меча ?

Что градъ ? кладбище ихъ ! и что ихъ дома ?
гробы !

Живые мертвецы поверхъ земной утробы !

Что взялъ къ себѣ Визирь , разбишу рашъ
призрѣвъ ,

То пиягосѣ лишь ему : гдѣ пища столько чревъ ?
Обспавленнымъ среди поля душного берлога ,

Кто, Галлѣ или Магомедѣ, или опѣй имѣ по-
мога?

Попали въ лабиринтѣ; всѣмѣ за живо согнишь,
Опидача морѣ; земель, одна къ исходу нишь.

„Внѣ Шумлы не расстѣть кормовѣ для васѣ
надежныхѣ,

„Коль опѣ Румянцова нѣтъ грамѣтѣ покорѣ
межныхѣ.

„Премирѣе ужѣ прошло, намѣ нуженѣ полный
мирѣ,

„Миритѣсь, коль чревамѣ пошребенѣ вашимѣ
пирѣ.“

Чѣмѣ больше время дѣлѣтъ, тѣмѣ больше гладѣ
имѣ страшнѣтъ;

Чѣмѣ въ бомбахѣ съ порохомѣ, когда спомѣхѣ
безѣ брашенѣ?

Ужѣ въ цѣлыхѣ табунахѣ является мяшенѣ;
„Мы мремѣ! мы мремѣ! у всѣхѣ одни слова

и тѣхѣ;

„Во пропасѣ насѣ сѣю завелѣ Визирѣ безѣ полку.“

Всѣ вопіюшѣ къ нему и спонушѣ безѣ умолку.

Какѣ врановы пшенцы, чѣмѣ съ глада чѣмѣ
не мрутѣ,

Безѣ пользы ко опѣцу прибѣжище берутѣ;

Вопиѣ съ писканіемѣ къ нему зѣлюшѣ рѣшамѣ,

Чѣмѣ оперенными вопиѣе шрасушѣ крылами;

Онѣ принужденѣ засѣсть, самѣ голоденѣ, въ
гнѣздѣ,

Внѣ буря, вихрь и градѣ, и молніи вездѣ:

Такѣ Турокѣ къ Визирю вопиѣе свой гласѣ воз-
носите,

Вопиѣе, чего ему онѣ дашь не въ силахѣ, про-
сите;

Предъ каждымъ радъ накласъ пшеницыбъ
онъ копной,

Но буря виѣ и громъ, Румянцовъ подъ стѣной!
Онъ малу рапъ свою во миліонъ умножилъ;
Онъ миліонъ враговъ сжалъ, списнулъ, уни-
чтожилъ.

Извѣстенъ лишь ему пріемъ упопреба,
На многи раздѣлилъ Румянцовы себя,
И въ духъ, Россами внутрь чуюмомъ, незри-
момъ,

Повсюду носился горящимъ Серафимомъ,
Какъ разпросперся весь по вражѣй землѣ!
Какъ расширилъ любви къ Опеческву крылѣ!
Хоть подъ шапромъ сей часъ почивъ онъ воз-
легаеиъ,

Но ужасъ отъ него Спамбула достигаетъ,
И сердце Азіи опчаянной трясетъ!
Кто Шумлянъ, Варшянъ, кто Силиспрянъ
днесъ спасетъ?

Всѣ припавши, какъ будто стѣны пусты,
Хотя толпами ихъ градовъ проспранства
гусны;

Прешаиъ, о злѣ своемъ никибъ не возды-
халъ,

И шептомъ говорятъ, чтобъ онъ ихъ не
слыхалъ:

„Чу! чу!... онъ шутъ! онъ тамъ!... онъ
Козличъ угнетаеиъ,

„Онъ въ шучу претворясь надъ Руцукомъ ле-
таеиъ,

„И смертоносенъ пасъ на Базарчикъ грозитъ!“

О воль великій спрахъ прошивниковъ разитъ!

Визиръ толпамъ своихъ, тѣ Визирю не ради,

Споиъ, повѣся лбы, какъ волки середъ пади!

Но бѣгству нѣтъ спеси! Что дѣлать, что
 начать?
 Какъ брань не въ добрый часъ зашлану кон-
 чать?
 Ихъ предложеніямъ Россіане не внимають;
 Стоявъ вокругъ сѣнивъ съ ружьемъ, и, что гор-
 чай, не дремлютъ;
 Не выпуская ихъ ни пяди изъ укрѣпъ,
 Румянцовъ какъ-то къ нимъ нежалостливъ,
 свирѣвъ.
 Разстанься съ Крымцами, дажь ходъ на Чер-
 номъ морѣ,
 Есть пожь пушину въ Спамбулъ, что сами
 терпашъ, горе,
 И дверь почти въ сераль къ Султану опирень;
 Не уступитъ сего — всѣмъ съ голоду мереть.
 О пилжой переломъ! о трудная задача!
 Мечъ обоюду острѣ, и дѣло не безъ плача!
 То спанушъ замолчавъ, то возрыдають вновь;
 Ахъ! кончится пшено, ахъ! на исходъ кофъ!
 Какъ вѣстію эдакой обрадовавъ Султана:
 Не спало у него ни Черныхъ волнъ, ни Хана,
 Ни пушекъ, ни мечей, ни золота въ казѣ!
 Его Величество владѣлъ шѣмъ какъ во снѣ.
 Увы! поспорилибъ, но голодъ убѣждаетъ,
 Что сладны ихъ чрева жестоко осаждаютъ;
 Къ Агамъ и къ Визирю закравшися въ спо-
 махъ,
 Ужасну дѣлаетъ тревогу въ ихъ умахъ:
 Всѣхъ опоронъ беретъ съ холодной, нѣжной
 дрожью,
 Миръ заключить хотѣтъ, пушися на волю
 Божью.

Что дѣлать? Отданъ Понѣ, чтобъ былъ
спасенъ Абдулъ;

Чтобъ имъ изъ Шумлы вонъ, намъ пущь от-
крытъ въ Стамбулъ.

Но Визирю дабы не подлежать удавкѣ,
Чиновныхъ предъ себя къ очной онъ кличетъ
спавкѣ,

Чтобъ убѣдительный Султану дать отвѣтъ;
Для безопасности не плохъ собча совѣтъ.
Хоть паче чаянья его и сильно взбѣситъ,
Былъ общій приговоръ — не ужь-то всѣхъ по-
вѣситъ?

Притомъ, до приближи рѣшительна часа,
Полезно выслушать всѣхъ навсе голоса.
Кпо знаешь, можетъ быть на настоящее бѣд-
ство

По быстротѣ ума иной найдетъ и средство?
Двухъ Бунчуговъ и трехъ сошлась толпа
Пашей,

Увѣчныхъ, раненыхъ, безъ носовъ, безъ ушей.
Какъ не доколошы, съ ножемъ въ горстяхъ,
жертвы,

Всѣ блѣдны, жалостны, шрясущися, полмершвы!
Абдѣ, что силу зналъ военнаго вреда,
Доспалось первому вѣщаши череда.

Его, не знавшася ни съ Музой, ни съ Ермѣемъ,
Богъ краснорѣчія содѣлалъ гладъ вѣтѣемъ.

Хлябь мудрости, онъ ропъ широкой отворилъ
И слѣдующу рѣчь собранью говорилъ:

„Я чаю, Господа, вы это не забыли,
„Въ теченьи сей войны сколь мы несчастны
были;

„И, естли опѣя насъ не одержитъ хмѣль,

„Всѣ помнимъ, сколькохъ мы лишились зе-
мель.

„Въ усасныхъ рѣкахъ ножи, по плечи голы
руки,

„Булашныя мечи, въ спрѣляныя мѣшки луки,

„Кровавые глаза, ружье и пистолетъ,

„Все есть; а съ пращей намъ деремъ столько
лѣтъ!

„Пуль нашихъ градъ вдали прошивныхъ дося-
гаетъ;

„Но какъ-то далъ пуль сердецъ ихъ жаръ
шагаетъ.

„Что дѣйствуютъ они лучше насъ огнемъ,

„Доводомъ то, что бьютъ и ночью насъ и
днемъ.

„Пусть многочисленны, пусть храбры наши
люди,

„Но какъ проломишь ихъ стѣной сомкнутой
груды?

„А то проклятое, то адско копье,

„Ихъ ружей при концѣ вонзенно острѣе

„Не пораженіе для Музульманъ всегдашно?

„Въ стѣнахъ сихъ про него мнѣ и вспомнишь
спрашно!

„Я радъ здѣсь, гдѣ стою, жизнь голодомъ
скончать,

„Лишь ребрами бы мнѣ на ономъ не порчать.

„Сколь поразительны ихъ пушечны удары,

„То скажешь безъ меня всѣ Турки и Таттары.

„Коль скоро развѣ одинъ ихъ къ выстрѣлу
прорветъ,

„То каждая, какъ жерло пучинное, реветъ;

„Безъ милосердія Магомешанъ убѣдишь,

„Кого задѣнешъ, ужъ никто того не лѣчитъ.

„Чтожь Галлы, насъ во брань кровавую мани,
 „Твердили, что войны порядокъ не храня,
 „Разгонимъ Рускихъ мы одними лишь усами,
 „То сущій былъ обманъ; пусть попытають
 сами.

„Клянусь Пророкомъ, лишь своибъ явили
 лбы,

„Намъ равно падалибъ бездушны какъ столбы;
 „Орудія огней по нашемубъ перяли,
 „По нашемубъ спастись, по Шумламъ бы ны-
 ряли.

„О понощеніе и спудъ вся земли,
 „Проклятые войны кровавой фишили!
 „Имъ любо, ихъ то пиръ, что люди поги-
 бають;

„Чужими тѣ огонь руками загребають.
 „За ихъ ко пагубъ прельстившій насъ языкъ
 „Желаю всей душой имъ въ ребра Руской
 шпыкъ.

„Да сїи, жгущія крапивы злїи, лїи,
 „Диваномъ впредь Луны вмѣнятся въ лиходби;
 „Да всякъ на нихъ сосѣдъ восстанетъ развѣ-
 яренъ,

„И вновь, какъ насъ, Дунай ихъ топить,
 либо Ренъ;

„Или, когда сїе не можеть совершиться,
 „Всѣмъ царствамъ цвѣсть, а имъ отъ зави-
 стибъ крушиться.

„Судите, кая шумъ намъ пагуба была,
 „Что Польша ошалѣвъ въ крови своей плыла?
 „Нашелъ на Мустафу духъ святости внезапно,
 „Вдругъ захошѣвъ, чтобъ свѣтъ почелъ его
 за Папу;

„Разколовъ судїи и учредитель вѣрѣ

- „Объявляя отца бунтовщикамъ простеръ.
 „Ктобъ ни былъ тамъ Король, какал намъ
 потеря?
 „Межъ нами молвлено: серальная пещеря!
 „Могущій дурачокъ, подъ старость сумазбродъ!
 „Правдива рѣчь: Царь глупъ, не радуйся на-
 родъ.
 „Искусшвенная брань его ли руководъле?
 „Во Польшѣ буншъ, а намъ въ чужомъ пиру
 похмѣлье!
 „Невиннымъ скучася куреньемъ табака,
 „Бурлишъ, и, дома самъ, въ бой наши шлешъ
 бока.
 „На щотъ ихъ вѣчную пріобрѣтаешъ славу,
 „Имѣя что перяшь, ведешъ войну кроваву.
 „Но чтожъ? подъ шягошой ушрашъ и лѣшъ
 скользя,
 „Самъ гинешъ, на него и бишь челомъ не лзя.
 „Наслѣдникъ же его могущества и дури,
 „Лишь изъ шюрмы, какъ вихрь на тѣжъ
 спремилъ бури;
 „И роковы крылъ даешъ ему Диванъ,
 „Чтобъ равно и подъ нимъ былъ бѣдный Ту-
 рокъ рванъ.
 „Не вышлалъ кровью намъ Султанскихъ ща-
 стій проба?
 „Уже доказано, щасливы сильно оба!
 „Тотъ и другой средъ жонъ побѣды размѣрялъ;
 „Тотъ цѣлой флотъ, другой все море поше-
 рялъ;
 „Межъ предковъ тѣмъ своихъ Герои опмѣ-
 нишы:
 „Въ султанствованье ихъ, какъ свиньи, Тур-
 ки бишъ!

„И я опасенъ, чтобъ безморыный нашъ Аб-
дулъ,

„Коль брань вести, вся Державы не продулъ.

„Пускай за шрусость насъ, сколь хочешь,
свѣтъ поносишь;

„Совѣщую опдашь, что Руской Вождь ни про-
ситъ.

„Представилъ бы живый вамъ общу я бѣду;

„Но чувствую позывъ жестокой на бѣду.

„На ваши предаю, что произнесъ, разсудки;

„Иль, лучше такъ сказать, на пощи въ васъ
желудки.

„Когда не правится вамъ слишкомъ строгій
постъ,

„Уважьте мой совѣтъ: онъ выгоденъ, хоть
простъ.

„Что до меня, я тихъ и вовсе угомоненъ;

„Я голоденъ, какъ волкъ, и къ миру сильно
склоненъ.

— „Подобно такъ и я, рѣчь подхватилъ Ахметъ,

„Которой важенъ былъ за умъ и старость
лѣтъ:

„Я признаюсь, онъ пналъ, мнѣ битья не
охотно;

„Понеже сверхъ того, что мнѣ досталось
плотно;

„Что чуть меня козакъ въ полонъ не захва-
тилъ,

„Я гостя спраиваго въ упробъ ощутилъ;

„Вошелъ какъ шамъ, шеперь все грабитъ какъ
разбойникъ,

„И я вельми боюсь, чтобъ не былъ я покой-
никъ.

- „Мой приговоръ есть шомъ, въ семъ общемъ
полону:
- „Когда какой буянъ помянетъ про войну,
„Того не медля счестъ затѣйникомъ измѣны
„И къ Рускимъ выставишь окованна за стѣны.“
Окончилъ рѣчь Ахметъ, взявъ очередь Топчи,
Гладъ коему теперь далъ мудрости ключи,
И какъ сердечной онъ не былъ ужь двои сушки,
„Что это, братцы! извылъ, голодна смерть
не шушки!
- „Что внушрєння моя давно пусшымъ пусша,
„Являющъ по мои запекшися усна,
„Которы отворилъ на силу я предъ вами,
„Боясь, чѣобы душа не вышла вонъ съ словами;
„Помилуйте! почто намъ всеу время длинъ,
„И заживо себя онъ смерти не цѣлитъ?
„Чтобъ жизнь спасти, въ моря богатство ме-
чущъ многи;
- „Чтобъ голову соблюсть, прочь рѣжущъ ру-
ки, ноги.
- „Диковинка ли Крымъ и Чорный пояшъ оп-
сѣчь,
- „Чтобъ оспальны моря и оспровы сберечь;
„Убавишь прежню спесь и брашноносу пры-
пость,
- „И тѣмъ ввести въ чрева благословенну сы-
пость?
- „Какой Султану стыдъ плашить морями вышь,
„Чтобъ Туркамъ съ голоду на сушъ не из-
спышь?
- „И прашу жизнью чѣмъ онъ можетъ намъ
возмездить?
- „Когда умремъ, то намъ вѣдь по морю не
вѣзидъ;

„А что предѣлъ его не будетъ столь широкъ,
 „То строишь къ лучшему всемилоспивый рокъ.
 „Пространна область есть излишняя забота;
 „Да и на что моря, когда не спало флота?
 „Постройшь - де другой, и оной сберегушь;
 „Не правда; Рускіе и шотъ опять сожгушь.
 „Доколѣ отъ земли огонь не истребится,
 „Дошолѣ съ родомъ симъ нещасливо намъ
 бишься.

„Скорый мирись, Визирь, клади войнѣ конецъ!
 „Опнишь твоей Топчи ужь болѣ не биецъ.“

Въ печенѣ алчущихъ колодниковъ совѣща,
 Коснулся храбраго вѣщаніи долѣ Бехмеша.

Онъ преогромною чалмою попряся,
 Завелерѣчилъ, всей горпанью голоса:

„Желая щасія мы Абдуловѣ отвѣдашь,
 „Добились до того, что нечего обѣдашь.

„Колѣ въ истощаніи срачинское пшено,
 „Что и совѣтовать? все дѣло рѣшено.

„Извѣстно то, Абдулъ великой нещасливецъ;
 „Кто бьется за него, шотъ самъ себѣ убивецъ.

„Но какъ я жить хочу, вошѣ вамъ короткой
 шолкъ:

„Я болѣе не бьюсь.“ Сказавши то, умолкъ.

Умолкъ онъ, но Бахшы, что черный лобъ на-
 хмуря

Безмолвенъ до сихъ поръ сидѣлъ какъ грозна
 буря,

Зашевелись и свой въ груди собирая духъ,
 Сталъ прогаться, пыхнувшись и разродился
 вдругъ:

„Провалъ возьми, сказалъ, блистательную
 Порпу!

„Султанъ, моря и Крымъ по мнѣ поди все
 кѣ чоршу,
 „И пушки и война и изъ Дамаска спаль!
 „О кофъ моя, табакъ! цыплята и сераль!
 „Сверхъ сей осадныя, гдѣ держимся мы,
 мрежи,
 „Закожъе полно пуль, на шѣлѣ раны свѣжи;
 „Гладъ чрева моего, распространися вдоль,
 „Неуврачуему въ немъ причиняешъ боль!
 „Я съ роду не терпѣлъ шоль зельной перешуги,
 „А вы спязуся витѣйшвуеете други!
 „Хоти простерли мы далеко свой рубежъ,
 „Коль правду говорить, все это былъ грабежъ;
 „И чущъ пядень земли мы взяли чистымъ
 боемъ,
 „За чѣмъ же не ошдашь, чшо нажило раз-
 боемъ?
 „Пусть Керчу подъ себя заправяшъ; пусть,
 не шронъ!
 „Отъ давныхъ имъ временъ принадлежалъ
 Херсонъ.
 „И ешъли разсудить по Мусульмански, здраво,
 „Они и на Шамбулъ имѣютъ сильно право.
 „Владѣли Греки имъ; ихъ вѣра въ Русь прешла;
 „Такъ, по наслѣдству, ихъ шудажъ столица
 шла;
 „Но по внезапному шодашнихъ дѣлъ превращу,
 „Плѣненный нами Грекъ понесъ ея утрапу.
 „Судьба донинѣ, знать, забывшися спала;
 „Теперь проснулася и должный шокъ взяла:
 „Велишъ простишся намъ съ прѣшностью
 Европы,
 „И гонитъ во справу, гдѣ черны Еёіоны,
 „Безплодный поля, каленые пески,

„Мерещь въ селеняхъ шѣхъ опѣзюя и поски;
„И я дивлюсь, что по на умѣ врагамъ не

вспало,
„Что, крошки средь побѣдъ, толь взыскива-
ютъ мало.

„Миръ экой, такъ сказать, находка и корысть;
„Но коль умедлимъ, намъ придетъ другъ дру-
га, грисъ. —

„То правда, грисъ!“ Уламъ сидѣвшій близъ
прибавилъ,

И рѣчь прервавъ, глаза на Визиря уставилъ,
Какъ будто бы его готовился ужь сѣсть;
Потомъ забавля въ даль, откашлинувъ разъ
шестъ:

„Опѣ голода, Визирь, ни чѣмъ не опи-
дѣться,

„Хоть за спо стѣивъ уймишь и въ лапы
всѣмъ одѣться.

„Домашній это нашъ, нушрь осаждающъ врагъ,
„Что роетъ день и ночь намъ пагубы оврагъ.
„Возможноль доложишь, коль шребухи въ насъ
пусты;

„Табашнимель листы во мѣсто бѣтъ капустъ,
„Иль порохъ повелишь и ядра намъ кусать,

„Иль по медвѣжьему всѣмъ лапы здѣсь сосать?

„Когда ты силенъ насъ попомчивать обѣдомъ,

„То я тебя, Визирь, сравню съ Магомешомъ.

„Но чуда коль сего не можешь сотворить,

„Что голодомъ попусти Султанску рапъ мо-
ришь?

„Увы! какъ въ сей бѣдѣ Паши не будущъ
поци,

„Коль на Магмешовы Визирь походишь моци!“

Вѣщавъ-было Уламъ вдаль чпо-по затѣвалъ,

И снова - было ротъ широкой разѣвалъ,
 Какъ, птицу быспропой изобразивъ крылашу,
 Визирской казначей въ Совѣщну вбѣгъ палату,
 И съ мершвостью въ лицѣ: „Алла лала! вскри-
 чалъ;

„Вся снѣдь разграблена; ты жизнь свою спом-
 чалъ;

„Голодну чернь держащъ въ порядкѣ не воз-
 можно;

„Проспи пшено и кофѣ, жаркое и пирожно!“

Обоими ушми Визиръ внявъ вѣспѣ сѣю,

„Скорый, сказалъ, скорый перо и харшѣю!“

Съ приборомъ шумъ Бахчи изъ всей мешнул-
 ся силы,

И пролилъ въ поропахъ на Визиря чернилы.

„Скорый, воскликнули опчаянны Паши,

„Хоть кровію своей, чѣмъ хочешь да пиши!“

Но видя, что Визиръ въ великомъ неуспроѣ,

Чернильницу предъ нимъ держащъ взялися трое;

Онъ восемь разъ въ нее перо свое купалъ,

И восемь разъ въ нее отъ страха не попалъ;

Въ послѣдокъ отъ Пашей поддержанной рукою

Унаровилъ, и свой слогъ началъ сей спорокою:

„Великій Государь! братъ солнца и луны!

„Прочти, къ тебѣ твои что пишущъ горюны.

„Понеже не было намъ щастья въ раціномъ
 полъ,

„Мы въ разныхъ городахъ засѣли по неволѣ.

„Тумъ спускали враги насъ тысячью пенешъ;

„Своя намъ рашъ бѣда: чревъ много, пища нѣшъ.

„Адріянградцы съ ней къ намъ, правда, по-
 сѣшали;

„Но Рускіе провезтъ ту въ Шумлу помѣщали.

„И это, Государь, такъ сдѣлалось не въ ладъ,

„Что воспослѣдовалъ межъ нами сильной гладь.
„Всѣ спали жершвовашъ лишь собственному

брюху,

„Дерутся не за васъ, но хлѣба за краюху,

„И каждой споишъ здѣсь премногихъ ранъ
ломошъ;

„Что сдѣлаешь? духъ бодръ, изнемогаешь
плоть.

„Въ семъ случаѣ ужомъ вершѣлся я и жабой,

„Упрямятся враги пошѣвши насъ ослабой.

„Румянцовъ нѣсколько въ намбреньяхъ упругъ,

„Суровъ и какъ камень въ переговорахъ тугъ.

„Все наспоишъ на Крымъ, на пристани и
море;

„И я на то сдаюсь, бывъ близокъ полъ къ
уморъ.

„Теперь ты, Государь, мнѣ въ дѣлѣ споспѣши;

„Что началъ я, своей то властью доверши.“

Письмо и грамоту, какъ должно, вмѣстѣ
склали,

И наскорѣ къ Царю ту радость опослали.

Онъ, сладострасстїи и вождѣнїй рабъ,

На силу сысканъ былъ въ толпѣ серальныхъ
бабъ.

Посланїе своихъ прочеши содрогнулся,

Въ объятїя женъ упалъ, и съ прудностью
очнулся;

Спрегущимъ ихъ скопцамъ велѣлъ созвать
Диванъ:

„Была - де брань, теперь миръ указалъ Сул-
танъ!“

Тамъ наши подтвердилъ благоговѣнно иски,

И сквозь очки смошрѣлъ, что нѣтъ ли гдѣ
описки.

Пришворной радостью скрылъ истинну печаль;
Къ намъ грамоту послалъ; а самъ ушелъ въ
сераль.

Теперь не пушки лишь, иной палъ жребій Тоду,
Султану въ честь писать торжественную оду.
Пусть поздравительный ему готовишь листъ,
И шамъ поправишь все, что перепортилъ
Пристъ.

Долгъ пребудетъ, да Галъ державца ушибаетъ,
Копорато онъ морь и островъ лишаетъ.

Окончана война; все дѣло мечъ рѣшилъ;
И всякой Философъ въ догадкѣ погрѣшилъ,
Что въ мушной злостъ душъ скрываючи глубоко,
Чтобъ просвѣщенное ту не проникло око,
Уединенъ на насъ лукавства сѣти плелъ,
И трудностью чужой крѣпился и цѣлѣлъ.
Теперь его грызетъ стыдъ, зависъ и кру-
чина,

Что предъ Румянцовымъ всѣ сѣти паушина.
Сколь узелъ былъ ни хитръ, нашъ Александръ
разсѣлъ;

Зломышленникъ назадъ въ намбреньяхъ по-
текъ,

И грѣшныхъ черпегей сожегши впай бумагу,
Какъ правой, нашему сорадуется благу;
Блюдятся тѣхъ же самъ, что Туркъ понесъ,
хлопотъ,

Клянется, онъ всегда Россіи доброхотъ.

Онъ львомъ на насъ мечталъ при случаѣ пу-
стишься;

Иначе рокъ судилъ: лисою онъ вертитъ.

И въ истинну побѣдъ, неслыханныхъ со дня,
Что не захочетъ быть намъ близкая родня?

И видя, что прихворсавъ не пользуеиъ за-
вбса,

Во человека кто не перейдеиъ изъ ббса?

То наша похвала, что храбрыми грудьми

Мы заспавляемъ быиъ бездушниковъ людьми.

Кто, Бога не боясь, законъ и честь ошмещеиъ,

Екатерины шопъ и Россовъ пусиъ шрене-
щеиъ!

Уже возлюбленный просперся всюду миръ;

Увбчный Туркъ пошекъ, кто вб Мекку, кто
вб Каиръ;

Туда, послбднй вселенной гдб граицы,

Гдб западъ солнечный, и гдб восходъ денницы.

Отъ всбхъ была краевъ ихъ челидъ собрана;

Премногая спаслась, множайша поправа.

Но еспылибъ уморишь всбхъ, кои ни говбли,

Тобъ цблой Азйи серали овдовбли.

Но кая польза, чтобъ смердблб ихъ шрупъ
гнй?

Пусиъ человецеству ихъ учииъ брань сйя.

Пока живуиъ, носи духъ томный вб скорб-
номъ шблб,

Разсыплюиъ пусиъ вб своемъ полезный спрахъ
предблб;

Вб сердцахъ звбриныхъ жаръ ко дракъ упу-
шаиъ;

Миръ чадамъ, внукамъ ихъ и правнукамъ
внушаиъ;

И скажуиъ, что вошще Сулпаны ихъ гор-
дяиъ;

Спрашна ша обласиъ, гдб Румянцовы родяиъ!

Чишая повбспии старинныхъ мы временъ,

Плбнимся звуками гремящихъ шамъ именъ.

Какіе Гекторы, какіе Ахиллеса,
 Какіе сильные въ нихъ жили Геркулеса!
 Намъ каждый вдалекѣ бышь зрится полубогъ!
 А нынѣ, ропщемъ, свѣтъ Героями убогъ.
 Но чѣмъ почившихъ прахъ, не руша древнихъ
 чесни,

Мы скажемъ о тебѣ, Румянцовъ, то безъ
 лесни,
 Чѣмъ малъ передъ тобой страхъ Афровъ Си-
 нѣонъ,

Сколь имени его ни громомъ слуху звонъ.
 Тѣ Рима воины, тѣ горды свѣтоборцы
 Дивяшъ насъ вѣще, чѣмъ ихъ жарни спихо-
 пворцы;

Какъ засверкають вдругъ идеями въ глаза,
 Герой ихъ кажется громъ, молнія, гроза!
 Увидишь всѣхъ боговъ въ одномъ сошпатою мужъ!
 Но что не жарки мы, иль ты тѣмъ Римлянъ
 хуже?

Не можемъ мы боговъ съ Олимпа низвести,
 Рукой своею Спамбулъ, какъ Каратегъ, пря-
 спи,

За недоспашкомъ въ насъ къ изображеню
 жара,

Иль меньше своего на Турковъ вѣсѣ удара?
 Ты все у насъ великъ, хоть лѣтъ сказать лишь
 смогъ,

Румянцовъ Турка билъ, не Гекторъ и не Богъ;
 Румянцовъ, чѣмъ дѣтей ведя похвалъ слѣдами,
 Знакомишъ при себѣ съ военными шудами;
 Родился онъ межъ насъ, и мать его жива,
 Чѣмъ можешь бышь о немъ днесь чтенъ сѣи
 слова.

Смиренно признаюсь, что слоги мой очень
низки,

Но мой Герой велик; я самъ шѣмъ къ сла-
вѣ близокъ.

Потомки, станешь, простивши ихъ порокъ,
Румянцова любя, и нашихъ взыщущъ спрокъ.
Не страшень черну желчь лѣющій мнѣ Саши-
рикъ;

Не силенъ честь мою зашмыгъ парящій Ли-
рикъ,

Что безъ достаточна въ груди своей огня,
Какъ бомбу порохомъ, хвалами пѣснь чиня,
Не рѣдко мниши быть Зевесъ громодержавенъ,
Межъ шѣмъ какъ малый онъ ползетъ съ пра-
вою равенъ;

Или хотя уже, не пожалѣвъ труда,
И мечешь бомбы въ верхъ, но мечешь не
туда.

Поя прѣхрабрата, возможишь мнѣ бояться?
Я кроюсь за него, готовъ имъ самъ смѣяться;
И такъ, какъ Турковъ онъ, шу челядь пре-
зирашь,

Кто вздумаетъ меня чернилами марать.
Не оспры замыслы, лишь радость мнѣ по-
требна;

Пою, не клича Музъ, не пѣвши имъ молебна.
Возьмите отъ меня Пѣишъ всѣхъ Калѣонъ;
Ты буди мой, ты будь, Румянцовъ, Аполлонъ.
Гнушаясь брэннаго Парнасса суешою,
Горжуся имъ однимъ и слога простиною.
Не высаясь къ облакамъ и риемой не звеня,
Ищу, чтобъ каждый Россъ возчувствовалъ
меня;

И не являя думъ въ убранствѣ словъ богатомъ,
Часть IV. С

Пищу, какъ будто я служилъ подъ нимъ сол-
дапомъ,

И опложа ружье, съ шѣмъ въ руки взялъ перо,
Чтобъ описать мнѣ брань правдиво, не оспро;
Чтобъ нѣки риемами торгующи Вишїи,
Что въ одахъ межъ собой сшибаютъ всѣ стихи,
Не зная ремесла, по долгу, своего,
Не портили похвалъ Героя моего.

Оливными его мечъ въ швыаи обвишый,
Доволенъ жаръ подаетъ и мысли плодовины.
Разишь прошивниковъ, и въ крови погружаетъ,
Обильны рѣки ихъ шѣлами запружаетъ,
Есть дѣло въ истинну велико и чудесно,
Однако смершнаго усилю совмѣсно.

Но начинанїя ихъ почно предузнашь,
Разпроишь чершежи, и въ кучи всѣхъ согнашь,
Оспавишь пигровъ съ ихъ зубами и кохшями,
И тако переплещъ со всѣхъ споронъ сѣшями,
Чтобъ изъ берлога въ инъ не смѣли ногъ волочь,
Имѣли бы полную, но безуспѣшную мочь,
Рвались бы вонъ, и жмясь терпѣли гладъ са-
сады,

И спервись, грызлись бы промежъ себя съ до-
сады,

Ошверстныхъ подъ пятой чтобъ миновать гро-
бовъ,

Опдачеюбъ кохтей спасались и зубовъ,
Есть чудо разуму словесныхъ непоняшно,
И только по тому, что спалось, въроятно!
Хоть я въ стихахъ нишу, однако то не ложь
Понеже цѣлый свѣтъ въцаетъ въ прозѣ тожь.

Чеснь ратныхъ и отецъ, солдатъ и полко-
водецъ,

Отъемлющій врагамъ пучины пѣшеходецъ!
 О Турковъ рокова, громовая спрѣла,
 Что миромъ бранныя вѣнчаеши дѣла!
 Почто оставленъ я, оставленъ такъ судьбою,
 Что не могу тебя военной пѣсь трубою;
 И быстрыхъ мыслей шокъ, въ слѣдъ славы,

успремишь,
 Какъ ты дѣлами, свѣтъ сложенъ изъ
 умишь!

Но нѣя словеса для хвалъ твоихъ пристойны?
 И лавры гдѣ цвѣтушъ, главы твоей доспойны?
 Чья арфа столь громка, и лиры чьей спруна
 Неуспрашимости, Герой, твоей равна?

Всякъ жаръ, что ревности твоей не соразмѣ-
 ренъ,

Для пріобрѣтенія въ пошомствѣ хвалъ не вѣ-
 ренъ.

Когда не слышну бытъ, почто ужъ и гремѣтъ;
 Что пользы въ шомъ, уста отверстъ и онѣ-
 мѣтъ.

О естлибъ кѣй Пѣишъ, по общу всѣхъ же-
 ланью,

Твой подвигъ возгласилъ Гомеровою горпанью;
 По не бы на него я жаръ свой обратилъ,
 Чего тебѣ не смѣлъ, ему бы заплатилъ!

Но по несчастію такихъ пѣвцовъ не видно;
 Никто не сможетъ, чтебъ мнѣ не было за-
 видно:

Не свшуй, что еще не выросъ твой Орфей,
 Безъ поддержанія твоей не падетъ профей,
 И мы цвѣтами шомъ обвѣщивать щасливвы.

Вездѣ твоей распушъ и лавры и оливы;
 Подъ тѣнью обоихъ, побѣдъ творецъ, почій;
 И о пѣвцахъ не мни, вселенна твоей Витій.

Тебѣ сердца гражданъ благодареній полны,
 Тебѣ Евксинскія со шумомъ плещущъ волны,
 Гдѣ чорныхъ Славенинъ торжественникъ хля-
 бай;

До входныхъ во Стамбулъ помчипъ свой
 спрахъ зыбей;

Гдѣ Турки посреди своей столицы плѣнны
 На Россійскій будущъ флагъ взираши изумленны,
 И чуя шлагошу Румянцова желѣзъ,
 Дрожать, чтобъ кѣй корабль въ Стамбулъ его
 не ввезъ.

Тебя бояся чшипъ коварный чужестранецъ;
 Тебѣ кричитъ, ура! нѣя свой пунтъ Брига-
 нецъ,

Что въ дальныхъ радъ моряхъ Россійскій
 встрѣшитъ флагъ,

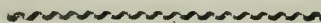
Неугомонное, какъ Россѣ, дѣшя опвагъ!
 Не тщешномуль въ тебѣ чудилися мы диву,
 Для справки позный родъ не станешъ рысь
 архиву,

Искапъ тебя бумагъ въ безсолнечной спранъ;
 Ты будешь въ книгахъ чшенъ, и, можешъ
 быть, во мнѣ.

Но ежели мой слогъ забвенію предастся
 И мнѣ прославиться, какъ многимъ, не
 удастся:

Съ Екатериной шы во всѣ пройдеши мѣста,
 Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ устъ промчешся во
 уста,

А я, живъ будучи, хощь шу имѣль опраду,
 Что пѣлъ ты, ни чьему не подражая складу.
 Петровъ.

XLIX.

ПОСЛАНИЕ КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ,
Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ, на что сей созданъ
свѣтъ?

И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ
совѣтъ?

Любезный дядька мой, наставникъ и учитель!
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сапаны?

Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?

На что сотворены, медвѣдь, сова, лягушка?

На что сотворены и Ванька, и Петрушка?

На что ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ,
мнѣ?

На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ
крѣпкомъ снѣ?

О таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!

Трицать Шумиловъ ты сѣдой своей главою.

„Не знаю, говоришь, не знаю я того,

„Мы созданы на свѣтъ и къмѣ, и для чего;

„Я знаю то, что намъ бытъ должно вѣкъ
слугами,

„И вѣкъ работать намъ руками и ногами,

„Что долженъ я смолвить за всей швоей
казной,

„И помню только то, что власть швоя со
мною.

„Я знаю, что я мужъ швоей любезной няньки,

„На что сей созданъ свѣтъ, изволь спросить
у Ваньки.“

Къ тебѣ я обращаю теперь мои слова,
 Широкія плеча! большая голова,
 Малѣйшаго ума просиранная сполница;
 Во области швоей кони и колесница (*),
 И спало наконецъ угодно Небесамъ,
 Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ;
 На свѣтску суешу вседневно ты взираешь,
 И стоя назади, Пешрополь (**) обтекаешь,
 Гошова на вопросъ, премудрой дань отвѣтъ.
 Вѣдай, великій мужъ, на что сей созданный
 свѣтъ?

Какъ тучи ясной день внезапно помрачаютъ,
 Такъ Ванькинъ ясной взоръ слова мои смущаютъ,

Сумѣніе его превозноситъ начало,
 Наморщилась его и харя и чело.
 Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: „на всѣ швои за-
 шѣи,

„Не могушъ отвѣчать и сами грамотѣи,
 „И мнѣ о томъ судишь, когда мои глаза,
 „Не могушъ различить отъ ижицы аза?
 „Съ ушра до вечера держася на карешѣ,
 „Мнѣ пряско разсуждашь о Богѣ и о свѣтѣ;
 „Не ловно помышлять о томъ и во дворцѣ,
 „Гдѣ часто я спою смиренно на крыльцѣ,
 „Ошкуда каждой часъ друзей моихъ гоняютъ,
 „И палочемъ гостей въ карешамъ провожа-
 ютъ:
 „Но естли на вопросъ мнѣ должно дать от-
 вѣтъ,

(*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ карешкою и ло-
 цадями,

(**) Сіе Посланіе писано въ Петербургѣ.

„Такъ слушай же, каковъ мнѣ кажется сей
свѣтъ,

„Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы:

„Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и дома;

„Шатаюсь по свѣту и вдоль и поперекъ,

„Что могъ увидѣть, я того не проспекъ.

„Видалъ и шусовъ я, видалъ я и нахаловъ,

„Видалъ простыхъ господъ, видалъ и Генера-
ловъ;

„А чѣмъ не завести напрасной съ вами споръ,

„Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я
за вздоръ.

„Довольно на вѣку я свой живопись помучилъ,

„И ѣздивъ назади я истинно наскучилъ.

„Извозчикъ, лошади, карета, хомузы,

„И все мнѣ кажется на свѣтъ суесть.

„Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу ску-
пость;

„Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость;

„Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ

„Споль много времени неправдою живемъ,

„Что нѣтъ уже такихъ кощеевъ на примѣтъ,

„Композиторъ истинну запомнили на свѣтъ.

„Попы стараются обманывать народъ;

„Слуги дворцаго, дворецкіе господъ,

„Другъ друга господа; а знатные бояря

„Не рѣдко обмануть хотѣтъ и Государи,

„И всякой, чѣмъ набить попуе свой кар-
манъ,

„Заблаго разсудилъ принялся за обманъ.

„До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,

„Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.

„Смирены пастыри душъ нашихъ и сердець

„Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.

„Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
 „А пастыри припомъ карманы набиваютъ.
 „За деньги чистыя процаютъ всякой грѣхъ,
 „За деньги множеству въ раю сулятъ утѣхъ;
 „Но еслии говорить на свѣтѣ правду можно,
 „Такъ мнѣнїе мое, скажу и вамъ, не ложно;
 „За деньги самаго Всевышняго Творца
 „Господы обманутъ и пастырь и овца;
 „Что дуренъ здѣшній свѣтъ, по всякой по-
 нимаютъ,
 „Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ;
 „Довольно я молотъ, пора и помолчать;
 „Петрушка, можешь быть, вамъ спанетъ
 ошвѣчать.
 — „Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петру-
 шка:
 „Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяцкая игру-
 шка;
 „Лишь только надобно подтверже по узнать,
 „Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
 „Что нужды, хоть попомъ и возьмутъ душу
 черти,
 „Лишь толькобъ удалось получить жизнь до
 смерти?
 „На что молишься намъ, чтобъ далъ Богъ
 видѣть рай,
 „Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй;
 „Играй, хоть отъ игры и плакать ближній
 будешь;
 „Щечи его казну, своя казна прибудетъ;
 „А чтобъ прїятели еще казался свѣтъ,
 „Бери, лови, хватай, все что ни попадетъ.
 „Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку.

„Что справишь въ дѣло ты, другой то справишь въ шулку:

„Не часполъ отъ того родится всѣмъ бѣда,

„Чѣмъ тѣшишься хощишь большіе господа,

„Которы нашими играютъ господами

„Такъ почто, какъ они играшь изволяшь нами.

„Создатель твари всей, Собѣ на похвалу,

„По свѣшу насъ пустишь, какъ куколъ по столу:

„Иные рѣзвятся, хохочушь, пляшушь, скачушь;

„Другіе морщатся, грустишь, тоскуешь, плачушь;

„Вопъ какъ вершишься свѣшь? а для чего онъ такъ,

„Не вѣдаешь того ни умной, ни дуракъ;

„Однако ежели какими чудесами

„Изводили спознать вы ту причину сами,

„Скажете намъ ее.“ Симъ рѣчь окончилъ онъ.

За рѣчь его послѣдовалъ поклонъ.

Шумиловъ съ Ванькою, хвали догадку ону,

Ошвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону,

И шрое всѣ они, возвыся громкой гласъ,

Вѣщали: „не скрывай ты тайнства отъ насъ;

„Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу!

„Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!“

А вы внимайте мой, друзья мои, отвѣтъ,

И самъ не знаю я, на что сей изданъ свѣтъ.

Фонъ - Визинъ.

КЪ НЕВѢРНОЙ

Разсудокъ говоритъ: „все въ мѣрѣ есть мечта!“
Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце ска-
жетъ:

„Все въ мѣрѣ есть мечта!“

Кому жестокой рокъ по опытомъ докажетъ.

Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;

Тогда несносенъ свѣтъ;

Тогда нашъ взоръ унылый

На горестной землѣ не ищетъ ничего:

Онъ ищетъ лишь . . . могилы! . . .

Я слышалъ спрашный гласъ, гласъ сердца моего,

И съ прелесью души, съ надеждою просился;

Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,

Могу ли что-нибудь, могуль себя любить?...

Кто въ жизни испыталъ всю сладость нѣжной
спраши,

И нравился тебѣ, тотъ . . . жилъ, и долго
жилъ;

Мнѣ должно умереть: такъ рокъ опредѣлилъ.

Ахъ! еслибъ было въ нашей власти

Во вѣки пламенно любить,

Во вѣки въ миломъ сердцѣ жить;

Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ
свѣтомъ;

Тогда бы человекъ былъ зависти предметомъ

Для жителей небесъ. — Упреками тебѣ

Скучать я не хочу: упреки бесполезны;

Насильно никогда не можемъ быть любезны;
 Любви покорно все, любовь . . . одной судьбѣ.
 Когда отъ сердца сердце удалился,
 Напрасно звашъ его: оно не возвратишься.

Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,
 Въ пустынь мерзвой, на пескахъ,
 Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ,

Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:
 „Тамъ пѣли соловьи, тамъ миршъ душистый
 цвѣлъ!“

Сей мыслю себя спрадалецъ лишь терзаешь!
 Но всѣ несчастные о щастьи говорятъ.

Имъ учась . . . воспоминашь, щастливцу . . .
 наслаждаешься;

Я также вспомню рай, питая въ сердцѣ адъ.
 Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
 Я прожилъ прирѣкъ лѣтъ; съ цвѣточка на
 цвѣшокъ

Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ
 Мнѣ часто подавала;

Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла
 Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;
 Армиды Тассовы, Лаисы нашихъ дней
 Улыбкою любви меня къ себѣ манили,
 И сердце юноши бытъ вѣтреннымъ учили;

Но я влюблялся не любя.

Когдажъ узналъ тебя;

Когда дрожащими руками,
 Обнявъ другъ друга, все забывъ —

Двумя горящими сердцами

Союзъ священной заключивъ —

Мы небо на землѣ вкусили,

И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:

Тогда, тогда любовь я въ первой разѣ узналъ.

Ея восторгомъ изнуренной,
 Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,
 Прелестнѣйшей, блаженной! . . .
 Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;
 За щастье должно намъ несчастіемъ платить.
 Накал смертная какъ ты была любима?
 Какъ ты боготворима?
 Какая смертная была
 И столь любезна, столь мила?
 Любовь въ тебѣ пылала,
 И подлѣ сердца моего
 Любовь, любовь въ швомъ такъ сильно пре-
 пешала!
 Съ небесной сладостью дыханья швого
 Она лилась мнѣ въ грудь. Чшо слово, шо бла-
 женство;
 Чшо взоръ, шо новый даръ. Я цѣлой свѣтъ
 забылъ,
 Природу и друзей: Природы совершенство,
 Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной любилъ.
 Единый часъ разлуки
 Былъ сердцу моему несноснымъ годомъ муки;
 Прощаясь съ тобой,
 Прощался я съ самимъ собой. . . .
 И съ чувствомъ обновленнымъ
 Къ тебѣ въ обѣщія спѣшилъ;
 Въ душевной радости рѣкою слезы лилъ;
 Въ блаженствѣ препещалъ . . . не смертнымъ,
 богомъ былъ! . . .
 И прахъ у ногъ швоихъ казался мнѣ священ-
 нымъ!
 Я землю цѣловалъ,
 На кою ты ступала;

Какъ нектаръ воздухъ пилъ, которымъ ты
дышала. . . .

Увы! отъ счастья здѣсь никто не умиралъ,
Когда не умеръ я! Оставишь мнѣ хо-
лодный,

Который врагъ чувствительнымъ душамъ;
Обнявшись перейди въ другой, гдѣ мы свободны
Жить съ тѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ предраз-
сужденій,

Безъ всѣхъ несчастныхъ заблужденій;
Гдѣ Богъ улыбкой встрѣтитъ насъ. . .

Ахъ! сколько, сколько разъ

О томъ въ восторгѣ мы мечтали,

И вмѣстѣ слезы проливали! . . .

Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая! увы! могло ли подозрѣн-
нѣ

Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной

Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣн-
нѣ

Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!

Скорѣ насъ Творецъ забудетъ,

Скорѣ извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,

Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!

Такъ думалъ я. . . . и чтожь? На разъ устъ
небесныхъ,

На тайной красотѣ твоихъ грудей прелест-
ныхъ,

Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,

Когда сказала ты другому: торжествуй!

Люблю тебя! Еще ты рукъ не опускала,

Которыми меня лаская обнимала,

Другой, другой ужъ былъ въ объятіяхъ тво-
ихъ. . . .

Иль въ сердцѣ ... все одно! Безъ шучи громъ
ужасный
Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣришь не хотѣлъ глазамъ своимъ, не-
щасный!

И думалъ на яву, что вижу всё во снѣ;
Сомнѣнїе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истинны сняла! . . .

Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла! . .
Какъ можно разлюбить, что намъ казалось
мило,
Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце
жило?

Однажды чувства истощивъ,
Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти
Невѣрную забыть? однажды полюбивъ,
Я долженъ вѣкъ любить; исчезну обожая.
Тебѣ судьба иная;

Иное сердце у тебя —
Блаженствуй! — самый гробъ меня не утѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:
Я буду тамъ одинъ! душа не умираетъ;
Душа моя и тамъ все будетъ тосковать
И тѣни милыя искать!

КАРАМЗИНЪ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ,

по слушаю перваго съ ними свиданія послѣ моей
отставки.

Въ Москвѣ я, наконецъ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ
смѣшеніе!

И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшеніе
Внимашъ журчанію домашняго ручья,
Вкусилъ покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ
родился,

И быль въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то?... увидѣлъ и проснулся,
И можешь быть уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ поскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя спо разв поцѣловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ оплотнѣ.
Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пустынь,
И тайной грусти въ немъ никто не замѣчалъ.
Но ежели вашъ другъ во дни разлуки слезной
Хотя однажды могъ совѣтъ подать полезной,
Спокойствіе души вдовицъ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спаси невиннаго, то все позабываетъ —
Довольно, другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.
Но будуль я друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію проснулся,
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежняя
живость!

Простипель иногда мою въ молчаливость,
 Мое уныніе? — Терпите, о друзья!
 Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я,
 Что сердце приношу чувствительное, не злобно,
 И болѣе еще ко дружеству способно.
 Теперь его ничто не оплеваетъ отъ васъ,
 Ни честолюбіе, ни блескъ предѣстныхъ глазъ...
 И самая любовь на вѣки оплещѣла!
 И инѣ владѣете впредъ вы мною безъ раздѣла;
 Питайте спрасъ во мнѣ къ извѣстному всему,
 И дайте внозъ полетъ таланту моему.
 Сзначимъ бѣгальной нашъ путь еще цѣпями!
 Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ противорѣчивыми

словами;

Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
 Тамъ другъ вашъ и поднесъ веселья не бѣжитъ.
 Такъ, братья данные природой мнѣ и Фебомъ!
 Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
 На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
 Вы спанете своихъ любезныхъ воспѣвать;
 А я... хоть вашими дарами восхищаться.
 О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ спанѣться
 Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ;
 О естлибъ воспѣлалъ во мнѣ Пермесскій жаръ!
 Съ какою радостью схватилъ мою я лиру,
 И благъ моихъ Творца всему повѣдалъ міру.
 Да будетъ счастье и слава вѣчно съ нимъ!
 Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
 Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвіи закапится,
 И мой послѣдній взоръ... на друга устремится.

ДМИТРИЕВЪ.

Конецъ четвертой Части.

